

ALEX DE ARDEN

ВЕНСКИЙ НУАР

Призраки прошлого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Alex de Arden
Венский нуар:
призраки прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73086863

SelfPub; 2026

Аннотация

Вена – город имперского величия и потаённой гнили, где за блеском хрустальных люстр Бельведера веками прячутся тени. Старший детектив Ерсель Розенкрофт знает об этом лучше других: она сама – алый генерал с пятисотлетней историей крови за плечами.

Её привычный мир рушится, когда на пороге появляется Вальтер – человек, которого она считала погибшим семьдесят лет назад в огне Берлина. Его возвращение становится лишь первым звеном в цепи зловещего заговора, ведущего к секретам нацистского проекта "Возмездие" и лабораториям корпорации Астрея.

В лабиринте проклятых зеркал Ерсель вынуждена вести двойную игру. Пытаясь сохранить доверие товарищей и остановить жестокого маньяка, она заключает союзы с теми, кого должна была уничтожить – от тайных орденов до беспощадных кланов якудза.

В этой схватке, где прошлое оживает отравленными клинками и ментальными цепями, героям предстоит ответить на вопрос: что страшнее – маньяк, убивающий ради идеи, или защитник, для которого чужая жизнь лишь статистика?

Содержание

ГЛАВА I	5
АЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ	75
ЗАПРЕТНОЕ ИСКУШЕНИЕ	141
ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ	174
ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО	209
ГЛАВА II	263
МРАЧНАЯ ПРАВДА	347
Конец ознакомительного фрагмента.	363

Alex de Arden

Венский нуар: призраки прошлого

ГЛАВА I ЭХО СКОРБИ

*«Мне снился сон,
где словно роза наяву,
забытым эхом лепестков,
терзала сердце...»*

У каждого есть светлые, тёплые моменты – и такие, от которых хочется спрятаться в самой дальней норе памяти, стереть навсегда. Иногда мы притворяемся сильнее собственных кошмаров: находим в себе хрупкую смелость простить, наивно верим – время затянет старые шрамы, как кожа затягивает порезы. Но что делать, если тени прошлого входят в твой дом без стука, как ледяной сквозняк, от которого не спрятаться ни за новыми замками, ни за чужой жизнью?

– Вальтер... – имя вырвалось шёпотом, словно осколок

разбитого стекла, и тут же отозвалось в памяти запахом пепла и мокрой земли. Его силуэт, растянутый вечерним светом в дверном проёме, казался миражом – слишком реальным, чтобы быть иллюзией, слишком невозможным, чтобы быть правдой. Неужели он выжил? Или это химера, сотканная из недосказанных слов и похороненных надежд?

Мимолётная улыбка скользнула по его губам – и что-то вязкое, тревожное поднялось в груди, как чёрная вода в затопленном подвале. Мысли метались, словно крысы в горящем доме. Я стояла, не в силах понять: где заканчивается реальность и начинается кошмар, который так долго пыталась забыть?

– Можно войти? – голос бархатный, приглушённый, с едва уловимым австрийским акцентом. Когда-то он казался мне спасением. Теперь же... за каждым словом маячили обрывки жестокости: пылающие улицы, силуэт в форме, резкий хлопок выстрела, эхо которого до сих пор живёт в костях.

Я застыла, словно поражённая разрядом тока. Сознание шептало:

– *«Нет... этого не может быть»*. – Сердце колотилось где-то в горле, превращая каждый вдох в пытку, но рука так и не поднялась захлопнуть дверь. Словно мышцы забыли, как повиноваться разуму.

– Да... – голос прозвучал тише, чем хотелось. Инстинкт кричал: «Опасность!», но проклятье... даже сейчас я не могла ему отказать, оттолкнуть призрак, который слишком дол-

го преследовал мои ночи.

Он вошёл, как человек, впервые переступающий границу чужого мира. Дверь за спиной закрылась с едва слышным щелчком – лязг тюремного замка. Военная выправка никуда не делась, но движения казались непривычно... осторожными, как у хищника, который давно не охотился в стае.

Свет в коридоре резал глаза, воздух был чужим, пропитанным запахами, которых не было в его времени – синтетика, пластик, что-то химическое и холодное. Он коснулся стены, задержал пальцы на обоях, словно проверяя: не рассыплется ли всё это в прах, если надавить сильнее? Губы дрогнули, но слова застряли в горле, потерявшись где-то между прошлым и настоящим.

Молчание повисло между нами, как липкая паутина, в которой увязают последние надежды на простое объяснение. Я медленно оглядела его: тёмные брюки строгого кроя, светлый свитер и тёмное пальто. На шее – алый шерстяной шарф, пятно крови на бледной коже. В правой руке – чёрный зонтичный трость с металлическим наконечником.

Время будто заморозило его в янтаре, сохранив молодость, но облачив в новую оболочку. Те же глаза, скулы – острые, как в тот рассвет, когда Берлин горел последним костром Европы.

– Ты, наверное, хочешь согреться после холодной улицы, – я не отводила взгляд, тщетно пытаюсь скрыть дрожь в голосе. – Проходи, – жестом указала в сторону гостиной.

– Да, – он коротко кивнул, – спасибо.

Вальтер медленно снял пальто, повесил его на вешалку с предельной аккуратностью, отставил зонт в угол, разулся. Каждое движение – отточенное, военное, но в нём читалась неуверенность человека, который попал в незнакомый мир. Пройдя по коридору, остановился на пороге гостиной и, подавшись любопытству, осмотрелся.

В комнате царил уют, но в каждой детали таилась история. Стекланный шкаф у дальней стены ловил редкие лучи заходящего солнца: блики играли на дверцах, похожие на призрачные силуэты. Внутри, на верхней полке, теснились книги – «Будденброки» Манна¹ с корешком, потёртым до седины, «Волшебная гора» с выцветшей закладкой, томик Камю² на французском, а рядом – старый альбом с засохшими цветами между страниц – гербарий мёртвых воспоминаний.

Окна обрамляли светлые шторы – ткань, пропускающая свет, превращалась в экран старого кинотеатра: на ней плясали тени ветвей, искажая реальность, словно мир за стеклом лишь – декорация к спектаклю, где все роли уже распределены. На полу – ковёр ручной работы, его узор напоминал лабиринт, в котором можно заблудиться навсегда.

Бежевый диван в центре хранил отпечатки бессонных ночей, бархатные подушки были слегка примяты. Рядом, на овальном стеклянном столике, лежала записная книжка в си-

¹ Немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе

² Французский писатель и философ, лауреат Нобелевской премии.

ней обложке: на корешке виднелись следы от ногтей, а между страниц пряталась атласная закладка цвета предрассветного неба.

Внимание Вальтера привлёк телевизор на дальней стене, встроенный в стеллаж с фарфоровыми фигурками, открытками с видами Вены, стеклянной банкой с засушенными каштанами – артефактами жизни, которой он не знал.

На экране шли вечерние новости: ведущий, держа в руках планшет, рассказывал о происшествиях в городе голосом, лишённым эмоций.

Он замер, глаза расширились, зрачки сузились до булавочных головок. Шаг. Ещё. Осторожно приблизился, заглянул за экран, словно пытаюсь понять, как люди попали в эту чёрную коробку. Рука на мгновение зависла в воздухе, пальцы дрожали, как у пианиста, который забыл мелодию.

Пока он был занят «исследованием», я поставила чайник, заварила кофе. Руки двигались с привычной точностью хирурга, но в груди нарастала тревога.

– *«Боже мой, это же Вальтер... Но... как это возможно? Кто мог знать мой адрес? Кто его сюда направил? И главное – зачем?»* – мысли метались, как осколки разбитого зеркала. Я чувствовала себя загнанным зверем, но понимала: малейшая резкость выдаст страх. – *«Соберись, Ерсель. Играй роль радушной хозяйки, пока не поймёшь, что происходит. И кто стоит за этим «визитом».*

– Угощайся, – протянула ему тёмно-синюю чашку, села

рядом, стараясь держать дистанцию. – Не знала, какой предпочитаешь, выбрала арабику. Не возражаешь?

– Спасибо, – он кивнул, взял чашку дрожащими пальцами, поднёс к губам. – Восхитительно! – воскликнул, и в голосе прозвучала искренняя радость ребёнка, получившего подарок. – Где вы достали настоящий кофе? – сжал чашку, словно боясь, что она исчезнет. – Я не пил его целую вечность.

– Сейчас это просто: достаточно сделать онлайн-заказ, – я попыталась улыбнуться, но уголки рта предательски дрогнули. – Иногда даже сложно выбрать из всего многообразия...

– Онлайн... заказ? – он удивлённо посмотрел на меня, словно говорила на мёртвом языке.

Я приподняла бровь. Странно: кто-то позаботился о его внешности, одел в современную одежду, но не объяснил, как устроен новый мир. Это было похоже на спектакль, где актёрам забыли дать полный сценарий.

– Неважно, – отмахнулась, не желая углублять его растерянность. – Если захочешь добавки, не стесняйся, – указала на кондитерницу: фарфоровую, с едва заметной трещиной по ободу, как шрам на безупречном лице. Внутри – карамель в синих обёртках. – Угощайся.

Он поблагодарил, взял конфету, несколько секунд вертел её в пальцах, как археолог, изучающий древний артефакт. Его ногти были аккуратно подстрижены, но на большом пальце виднелась тонкая белая полоска шрама – след

от чего-то острого.

Я наблюдала за каждым его движением, ловя мельчайшие детали, и пытаюсь прочесть правду за этой тщательно выстроенной маской растерянности.

– Как ты меня... нашёл?

– Мне... – он напрягся, плечи поднялись, в глазах мелькнула... вина? – Сказали, где вы живёте, – взгляд метнулся к окну, за которым сгущался вечерний сумрак.

– Кто? – сердце пропустило удар.

Вальтер сжал губы в тонкую линию, не желая говорить. Расспрашивать дальше – пустая трата времени. Он упрям, как камень, и умеет хранить секреты лучше, чем могилы хранят мертвецов. Но я не собиралась отступить.

– Вальтер, – посмотрела ему в глаза, голос стал острым, как лезвие скальпеля, – я не в настроении играть в загадки, – тревога сжимала грудь железными тисками. В висках пульсировало: *«Кто его послал? Друг или враг? Или что-то ещё хуже?»* – Либо скажешь сам, либо... – губы сами собой обнажили клыки, белые, как отполированная кость. Тело напряглось.

Он замер, как кролик в свете фар, затем резко вскочил, отшатнувшись от дивана. Пальцы задрожали, чашка едва не выскользнула, кофе плеснул на край блюда.

– Что... фрау Ерсель! – голос сорвался на фальцет. – Не делайте так!

Тишину разорвали удары сердца – быстрые, паникующие.

Тук-тук-тук. В висках шумел адреналин, голова закружилась. Он согнулся, прижал ладонь к груди. Глубокий вдох. Задержал дыхание, словно пытался остановить панику силой воли. В глазах мелькнул ужас – воспоминание: зал, украшенный золотом и серебром, мелькающие силуэты в чёрной форме, кровь и боль, пронзающая насквозь. Рука непроизвольно метнулась к шее, защищая старые шрамы.

Я не хотела будить спящих демонов. Но инстинкты, отточенные веками выживания, не давали покоя. Его появление было слишком случайным, а молчание о том, кто послал – подозрительным. Годы научили: в нашем мире любая слабость оплачивается кровью, и нужно было убедиться, что он не принёс смерть на мой порог.

– Прости, Вальтер, – прикрыла рот ладонью, стараясь спрятать клыки. Чёрт... снова дала волю зверю. – Но ты не оставил мне... выбора.

– Выбора...?! – он сжал губы до белизны. – Что происходит? Я пришёл с миром, а вы встречаете меня, как врага! – выдох вырвался тяжёлый, надломленный. – Фрау Ерсель, за что вы на меня злитесь?

В голосе звучала растерянность потерявшегося ребёнка, которого бросили в незнакомом месте. Семьдесят лет вне времени... Как объяснить ему, что изменилось не только эпоха, но и я сама?

Он с трудом приблизился, осторожный, сбитый с толку, готовый в любой момент броситься к выходу. Ждал чего

угодно, но не клыков и ледяного взгляда от той, которую когда-то считал... кем? Другом? Спасением? За годы в небывшей, возможно, забыл: в мире монстров доверие – это верный шаг в могилу.

###

Последние лучи солнца скользили по стеклу, превращая его в мутное золото. В отражении виднелся силуэт Вальтера – застывший, как статуя в музее забытых войн. Он сидел на диване, сжимая чашку так, словно она – единственная реальность в этом чужом мире.

Тишина между нами была плотной, почти осязаемой – как воздух перед грозой, когда каждый звук отдаётся эхом в костях.

– *«Как он выжил? Что с ним делали все эти годы?»* – вопросы роились в голове, как осы в потревоженном гнезде. Я видела страх в его глазах, растерянность, с которой оглядывал комнату, словно каждая вещь – артефакт из чужой цивилизации. Что-то в его движениях, в том, как избегал моего взгляда, выдавало травму – глубокую, незажившую. – *«Что он помнит? И главное – что ему сказали те, кто его послал?»*

Вальтер поставил чашку на столик, пальцы дрожали. Он открыл рот, но слова застряли в горле, как рыбы кости. Потом его взгляд остановился на телевизоре – этой чёрной ко-

робке, из которой лилась чужая жизнь, – и что-то в лице изменилось. Страх сменился чем-то другим. Воспоминанием.

Они напоминали паутину из смутных образов, сотканную из обрывков реальности и кошмарных видений: узкая полоска солнечного света на полу, с трудом пробивающаяся сквозь плотные шторы цвета грозового неба.

В воздухе витал слабый запах лекарств – не просто медицинский аромат, а что-то более зловещее. Формалин смешивался с хлоркой и чем-то металлическим, вызывая тошноту и головокружение – запах смерти, законсервированной в стеклянных банках.

Перед глазами всё расплывалось, разум затуманился, как старое зеркало, покрытое испариной. Слабость сковала тело свинцовыми оковами, каждая мышца ныла, как после долгой пытки.

Вальтер с трудом приподнялся. Комната предстала перед ним медицинской палатой из ночного кошмара: стены в бледных оттенках белого. На полу – блестящий линолеум, отражающий приглушённый свет.

Рядом с кроватью стояли аппараты с сотнями мигающих огней – красных, зелёных, жёлтых – глаза невидимых зверей, наблюдающих за каждым его вдохом. Один показывал прыгающие зелёные линии, записывая сердцебиение в цифровой код, превращая жизнь в набор данных. Другой тонко и раздражающе гудел.

Тревога усиливалась с каждым вдохом, порождая хаос в

мыслях, как стая ворон, взметнувшихся в небо от выстрела.

Вальтер опустил взгляд, осмотрел себя: непривычная одежда, похожая на длинную рубашку из грубой ткани. От шеи и рук тянулись тонкие, полупрозрачные провода, словно щупальца технологического монстра, впившегося в плоть. Кожа под ними была красноватой, раздражённой – след месяцев плена в объятиях машин.

Страх накатывал волнами, выдавливая воздух из лёгких. В голове металось:

– *«Что это? Я... мёртв? Это ад?»* – слова эхом отдавались в черепной коробке, как крики в пустой пещере, где даже собственный голос становится врагом.

В панике он лихорадочно поспешил избавиться от «пут», пальцы дрожали, как у наркомана в ломке.

Но едва дёрнул за провода, тишину разорвал громкий, пронзительный звук – писк монитора, заглушающий все мысли, словно сирена воздушной тревоги, объявляющая о приближении бомбардировщиков.

Он закрыл уши руками, зажмурился, но звук проникал сквозь пальцы, кожу, кости. Собственные удары сердца становились всё громче, отдаваясь болезненной пульсацией в горле.

И вдруг – из коридора донеслись быстрые шаги – резкие, отрывистые, как автоматные очереди.

Дверь палаты распахнулась, и на пороге появились люди в белых халатах. Не ангелы, как могло показаться в первый

момент, а что-то более земное и пугающее – лица без эмоций, глаза, в которых не было ни капли человеческого тепла.

– Я... я думал, что это бред. Галлюцинация, – произнёс Вальтер, голос был хриплым, как у человека, который провёл годы в молчании. Он пытался сохранить спокойствие, но дрожь в пальцах выдавала тревогу – предательский тик, который невозможно контролировать.

Едва увидев незнакомые силуэты, он был готов к худшему, но их спокойствие и уверенность, по крупницам, начали проникать сквозь пелену паники – первый луч света сквозь туман войны.

Один из них быстро подбежал, положил руки ему на плечи – они были тёплыми, человеческими. Почти нежными. Почти искренними.

– Тише, Вальтер. Всё под контролем. Вы в безопасности.

– Где я?.. – голос дрожал, глаза метались, не в силах найти опору в этой белой пустоте. – Это... больница? Почему всё так... странно?

– Вы в госпитале Алого Креста. Вас нашли без сознания, между жизнью и смертью. Сейчас вы под наблюдением, всё под контролем.

– Сколько времени прошло? – Вальтер судорожно вздохнул, тревога, казалось, только усилилась. – Почему я ничего не помню?

Он пытался сесть, но тут же схватился за голову, ощущая головокружение, словно мир вращался вокруг него, как ка-

русель в заброшенном парке.

Доктор ответил коротко, словно читал заученную формулу:

– Вы были в коме. Но сейчас всё хорошо, – сжал сильнее его плечи. – Сейчас вам нужно успокоиться, слышите? Всё остальное – потом. Не думайте о прошлом. Главное – вы живы.

Голос был ровным, профессиональным, но в глазах мелькало что-то, что Вальтер не мог понять – сочувствие? Или любопытство учёного, изучающего редкий экземпляр?

Но в тот момент голос был единственным якорем в водовороте хаоса, бушующего в мыслях.

Вальтер вспомнил, как доктор туманно намекнул ему о спасении, но истинное положение вещей ускользало от понимания, как песок сквозь пальцы.

– *«Алый Крест...»* – название отдавалось в памяти холодом и страхом. Опасения бились, как испуганные птицы в клетке. – *«Орден снова преследует свои цели? Неужели Вальтер оказался инструментом в их руках? Пешкой в игре, правил которой я не знаю? Это не сулит ничего хорошего...»*

Я заставила себя подняться, подошла к окну. День спешно клонился к закату, небо окрашивалось в оттенки тьмы и золота. Фонари озаряли улицу мягким, бархатным светом, отбрасывая длинные тени на асфальт.

В воздухе витал лёгкий запах осенних листьев, смешанный с выхлопными газами и чем-то ещё – возможно, дождём,

который должен был начаться через час-другой – запах перемен, запах надвигающейся грозы. Вдали слышался приглушённый шум машин, как далёкий рёв морского прибора...

А в моей гостиной сидел человек, которого считала мёртвым почти семьдесят лет, и это не могло быть простым совпадением. Сердце бешено колотилось: если он вернулся, значит, прошлое не отпустило меня. И что ещё может вырваться из тех проклятых лет?

– Вас... что-то тревожит? – Вальтер нарушил гнетущую тишину, заметив тень беспокойства на лице. Голос был осторожным, как у человека, который боится разбудить спящего зверя. – Я, наверное, пришёл не вовремя?

– Ты не иной... – погружённая в мысли, словно во сне прошептала я, голос был полон странного, болезненного осознания. – И не призрак...

– Нет, я человек, – на его лице читалось искреннее недоумение. – Почему вас это беспокоит?

Я проигнорировала вопрос, повернулась к нему с холодной решимостью хирурга, готового вскрыть опухоль:

– А тот доктор... Он сказал, сколько ты пробыл в госпитале, пока не пришёл в... себя?

– Нет, – он сжал кулаки, костяшки побелели. Вопрос попал в больную точку, как игла в нерв. – Но по тому, как всё изменилось вокруг... должно было пройти много времени, да?

Его глаза искали в моём лице ответ, но я уже знала – время

было не просто украдено. Оно было продано тем, кто торгует душами и памятью, превращая людей в марионеток для своих тёмных игр.

###

Вечер сгушался за окном, превращая улицу в театр теней. Фонари зажигались один за другим – жёлтые глаза города, наблюдающие за каждым шагом, за каждым выдохом. Я всё ещё стояла у окна, пытаюсь собрать мысли в единое целое, но они рассыпались, как ртуть на холодном стекле.

Вальтер молчал. Слишком долго молчал. Я обернулась – и увидела его лицо: бледное, словно выточенное из мрамора. Губы беззвучно шевелились, как у человека, который читает молитву, но забыл слова. Взгляд потерянный, устремлённый куда-то сквозь стены, сквозь время, в ту точку, где заканчивалась его жизнь и начиналась пустота.

– Семьдесят лет...

Я произнесла эту цифру вслух всего несколько минут назад, но теперь она висела между нами, как приговор. Он слышал. Понял. И что-то внутри него сломалось – бесшумно, окончательно.

Он оказался не готов к полной правде. Знакомый ему мир рухнул в одночасье, как карточный домик под ураганным ветром, унося с собой последние крохи уверенности.

Тело сковала свинцовая тяжесть – каждая мышца превра-

тилась в камень. Он сидел в полной растерянности и тяжело покачиваясь, пытался тщетно осознать весь масштаб катастрофы, лихорадочно повторяя: *«Нет... Этого не может быть... Всё не могло так закончиться!»*

– Как... – поднял на меня потерянный взгляд, в глазах – мольба: пусть это окажется кошмаром, от которого можно проснуться. – Как это возможно? – голос сорвался, превратившись в хрип, он задышался, хватая ртом воздух, как утопающий. – Семьдесят... лет?! – вцепился руками в голову, сжал виски, словно пытаюсь удержать череп от раскола. – Нет... не может быть... – плечи затряслись, он закрыл лицо ладонями, пытаюсь спрятаться от жестокой правды. – Это не я... Я не мог выжить... Мёртвые не возвращаются...

Я старалась сохранить хрупкое хладнокровие, но сама не находила разумного объяснения происходящему. Мы с Рихардом отчётливо слышали пронзительный выстрел – звук, который врезался в память, как осколок стекла. Видели, как Вальтер рухнул, как подкошенное дерево, тело которого поглотила земля. Тогда была уверена – это конец. Последняя точка в его истории.

А теперь он сидел передо мной. Живой. Невредимый. Дышащий. Я не могла поверить – пальцы сжались в кулак, ногти впились в ладони до крови, чтобы убедиться: боль реальна, значит, это не сон.

– Я поражена не меньше, – подойдя, присела на корточки перед ним, намереваясь поддержать, положила руки на пле-

чи. Под пальцами чувствовались напряжённые мышцы, как у готового к прыжку хищника. – Даже...

Разговор прервала резкая мелодия – не просто звонок, а агрессивный электронный трек, который резал тишину, как нож по стеклу.

Вальтер вздрогнул от неожиданности, с беспокойством повернул голову в сторону громкого звука, инстинктивно напрягся, словно ожидая нападения.

Я привстала, достала из кармана телефон. Его взгляд остановился на тонком чёрном прямоугольнике, который светился холодным синим светом. Глаза расширились – ещё одно чудо этого нового времени, но после телевизора он был готов к подобным сюрпризам. В его взгляде читалась смесь любопытства и страха.

– Не бойся, – сказала, демонстрируя телефон, экран отражал его лицо, искажая черты. – Это всего лишь аппарат для связи.

Продолжая пристально смотреть, он медленно кивнул. Страх понемногу отступал перед военной выдержкой. Умение контролировать эмоции было его сильной стороной, выработанной годами службы в мире, где слабость – смерть.

Я тем временем кинула взгляд на экран:

«Артур Майер»

«Департамент полиции»

– Да? – ответила на вызов, голос прозвучал отстранённо, словно доносился из глубокого колодца.

– Прости, знаю, шеф дал тебе выходной, но... – послышался тяжёлый вздох, в котором читалась усталость и что-то ещё – возможно, отвращение к тому, что ему предстояло сообщить. – У нас новое... убийство. По всей видимости, наш парень. Я скину адрес.

– Хорошо.

Звонок прекратился с коротким щелчком. Томно опустив телефон, я молча посмотрела в пол, чувствуя, как знакомая тяжесть оседает на плечах – груз, который становился всё тяжелее с каждым новым трупом.

– Что-то... случилось? – Вальтер настороженно спросил, делая короткие вдохи. В глазах всё ещё читался шок от осознания потерянных десятилетий. Он пытался цепляться за настоящий момент, чтобы не думать о том, что все его современники давным-давно превратились в прах.

Его тихий голос вернул меня в реальность – жестокую, острую, как лезвие бритвы.

– Очередное... преступление, – с трудом ответила я, чувствуя, как слова застревают в горле, словно осколки битого стекла.

– Пре... преступление? – переспросил он, и было видно: слова с трудом достигают его сознания, пробираясь сквозь туман потрясения. Слишком много информации за один день – воскрешение, семьдесят потерянных лет, новый

мир... Его руки слегка подрагивали, как листья на ветру перед бурей.

– Да, – подняв взгляд, кивнула. – Я старший детектив федеральной полиции Вены. Сейчас звонил мой напарник – Артур. Сказал, произошло убийство, и похоже... – с досадой сжала губы, – это дело рук маньяка, которого мы ищем, – устало вздохнула. – Нужно ехать на место преступления. Продолжим наш разговор позже.

В воздухе повисла тишина, тяжёлая, как надгробная плита. Вальтер смотрел на меня с выражением человека, который понял: мир, в который он попал, не стал добрее. Возможно, стал ещё жесточе. И женщина, которую он когда-то знал, теперь охотится на монстров – таких же, как она сама.

###

Ночь опускалась на Вену тяжёлым покрывалом. Я вела машину по пустеющим улицам, пальцы сжимали руль крепче, чем следовало. Мы остановились на светофоре. Красный свет залил салон, превращая его в коробку из кровавого стекла.

Светофор переключился на зелёный. Машина тронулась. Вальтер – призрак, выброшенный приливом на берег нового мира – сидел на пассажирском сиденье, и жадно впитывал глазами каждую деталь за окном, словно боялся: стоит моргнуть – и всё растворится в тумане воспоминаний. Пальцы

сжимали край сиденья, мышцы напряглись, как у хищника, готового к прыжку.

Город за стеклом машины был не просто чужим – он казался декорацией из лихорадочного сна, где всё знакомое искривлено и вывернуто наизнанку. Неоновые вывески, переливались кислотными оттенками – ядовито-зелёными, токсично-розовыми, мертвенно-синими – мелькали, как отблески молний на грозном небе.

В воздухе витал почти физически ощутимый коктейль: горький бензин смешивался со сладкими духами, электричество покалывало ноздри, и что-то ещё – неуловимое, как привкус новой эпохи на языке. Металл, пластик, человеческий пот и отчаяние – симфония современности, которая резала обоняние, как лезвие.

Каждая секунда была для Вальтера испытанием на прочность: машины, несущиеся по улицам с невыносимой скоростью, вызывали в памяти обрывки старых шрамов, когда металл гнулся под ударами снарядов и кровь впитывалась в булыжники мостовых. Теперь же – идеально гладкий асфальт, ровный гул моторов, и ни одного крика. Только призрачная тишина цивилизации, которая научилась прятать свои когти.

Его ладонь сжимала край сиденья, костяшки побелели от напряжения, взгляд был полон растерянности и почти детского изумления. Всё в его позе выдавало солдата на вражеской территории, где даже воздух казался подозрительным. Дыхание стало чаще, неровное, словно лёгкие забыли, как

работать в этом новом мире.

Вдалеке замелькали проблески полицейских мигалок – резкие красно-синие вспышки, бьющие по нервам, как удары электрическим током. Место преступления отгородили лентой, за ней – призраки, склонившиеся над очередной жертвой современности – суетились криминалисты в белых костюмах.

По периметру стояли патрульные, их лица были скрыты масками, но даже сквозь ткань чувствовалась усталость и равнодушие – эмоции, высушенные годами работы с человеческой подлостью.

Артур стоял чуть поодаль, с блокнотом в руке, карандаш нервно постукивал по полям страницы – метроном нетерпения. Рядом – девушка в вызывающем наряде: мини-юбка поверх колготок в крупную сетку, обтягивающий свитер цвета засохшей крови, алые губы, сжатые до тонкой линии. Она стояла на шпильках, которые могли бы стать оружием, и нетерпеливо постукивала носком по асфальту.

Артур тоже был не в восторге от разговора: на лице досада, в блокноте – пара строк. Но это и понятно – ночные бабочки, зарабатывая на жизнь сомнительным «любовным» ремеслом, стараются лишний раз не попадаться на глаза полиции. Их мир – это тени, где свет означает опасность.

– Немыслимо! – Вальтер не выдержал, голос вырвался резче, чем рассчитывал, дрожь прокатилась по связкам. – Как такое допускают? Разве... разве порядочная женщина

может так себя вести?!

Я сдержанно улыбнулась, чувствуя, как уголки губ предательски дрогнули:

– Порядочная женщина... – повторила, и внутри поднялось что-то вязкое, усталое. – Прости, Вальтер, но тебя ждёт ещё много разочарований в этом... прекрасном новом мире. Жрицы любви сейчас куда менее... стеснительны. Но главное, – поймала его раздраженный взгляд – она свидетель. Артур не стал бы попусту тратить на неё время.

Он недовольно замолчал, сжав кулаки – жест, выработанный годами подчинения приказам и железной дисциплиной. Но лицо оставалось напряжённым, губы превратились в тонкую линию, взгляд стал колючим, как осколки льда. Челюсть подрагивала – единственное, что выдавало внутреннюю бурю.

Я понимала раздражение. В его время за подобное женщину ждало суровое наказание. Тогда департамент юстиции был всесилен: никаких ордеров, судьи были лишь формальностью, а нравы – железным капканом, сжимающим горло любому, кто посмел нарушить установленный порядок.

Теперь же – свобода, почти вседозволенность. При нарушении протокола задержания или допроса на полицейского может подать в суд самая дешёвая проститутка, и неизвестно, на чьей стороне окажется непреклонная Фемида.³ И это,

³ Богиня правосудия в древнегреческой мифологии, символ закона и справедливости.

казалось, пугало его больше всего. Мир без правил был хаосом, в котором невозможно найти опору.

Артур, закончив разговор, закрыл блокнот резким щелчком, коротко кивнул девушке. Его лицо было усталым, раздражённым, как у человека, который видел слишком много грязи и больше не удивляется её глубине. Завидев нас, поднял руку, приглашая подойти – жест, в котором читалась привычная обречённость.

– Вальтер, – тихо обратилась я, голос стал острым, как лезвие скальпеля, – помни: для всех ты – криминальный психиатр в отпуске, согласился помочь в расследовании. И поменьше... – задержала взгляд, – неуверенности. Окружающим не надо знать, что ты из другой эпохи. Ясно?

Он коротко кивнул – привык выполнять приказы, даже самые абсурдные: взгляд стал собранным, плечи расправились. Солдатская выправка взяла верх. Но я видела, как сжались кулаки, пытаюсь скрыть дрожь. Для него всё это было пыткой, а роль «психиатра» – маской, за которой пряталась паника от страха быть разоблачённым.

Мы направились к Артуру. Под ногами хрустел осенний гравий, воздух стал холоднее, словно само место преступления высасывало тепло из мира.

– Привет, – я поздоровалась, стараясь держать голос ровным, но в груди билось что-то беспокойное. – Что у нас здесь?

– Привет, – он убрал блокнот, устало выдохнул, плечи

опустились. – Ничего хорошего. Наш парень совсем обнаглел... Это уже третья жертва, Эл. Почерк... – осёкся, недоверчиво взглянув на Вальтера. – А вы... кто?

Вальтер не дрогнул, военная выдержка сработала безотказно:

– Добрый вечер. Вальтер Шульц, – показал временный бейдж консультанта, пластиковая карточка поблёскивала в свете фонарей, – криминальный психиатр, – протянул руку, чуть наклонив голову в старомодном поклоне.

Артур пожал её, его взгляд был тяжёлым, изучающим, словно пытался разгадать новую головоломку. Вальтер выглядел слишком безупречно, слишком... старомодно для современной Вены.

На его лице читалось: «странный тип». Но мой напарник привык к странностям – эксцентричность давно стала для него рутиной. Он знал: тем, кто со мной – можно доверять.

– Наглеет? – спросила я, дождавшись, пока они обменялись приветствиями. – О чём ты?

– Тебе лучше самой взглянуть... – Артур жестом пригласил пройти за собой, в голосе прозвучала нота, которую я знала слишком хорошо: отвращение, смешанное с профессиональным интересом.

Мы пересекли линию оцепления. Возле криминалиста в белой форме и маске на земле виднелись очертания тела, накрытого серой тканью. Воздух здесь был другим – тяжёлым от запаха крови, металла и чего-то сладковатого, тошнотвор-

ного.

Артур присел, откинул ткань одним движением.

– Почерк нашего парня, – указал на несколько мест, голос стал деловым, отстранённым. – Лицо обезображено, хаотичные ножевые раны по всему телу, и главное... – поднял взгляд на нас, – она обескровлена.

Я задержала взгляд на убитой: девушка, не больше двадцати трёх, кожа цвета мрамора. Разорванный корсет, латексная юбка, следы грязи на коленях, на правой ноге – блестящая туфля со сломанным каблуком. В остекленевшем взгляде застыла агония, рот исказила гримаса ужаса – последнее выражение лица, которое никогда не изменится.

Тело было покрыто ссадинами и глубокими рваными ранами, кровь запеклась по краям, превратившись в багровые пятна на бледной коже. Горло пересекал длинный багровый порез, а на левой руке – вырезанный ножом знак змеи, пожирающей собственный хвост.

– Уже узнал, кто она? – спросила я, с трудом скрывая эмоции, которые поднимались в груди, как чёрная вода.

Я смотрела на тело и не могла избавиться от воспоминаний – кровь на снегу, крики, которые не удавалось заглушить даже временем. Каждый раз, видя такую смерть, вспоминала тех, кого не спасла, их лица до сих пор преследовали в кошмарах.

– Нет. Никто не знает, откуда она и даже настоящего имени. Только псевдоним – Габриэль.

– А свидетель? – поинтересовался Вальтер, голос был ровным, но в глазах мелькнула едва уловимая тень беспокойства. – Вы говорили с девушкой.

– Её зовут Хелена. Она вызвала полицию, но... – Артур потёр переносицу, – ничего толком не знает. Сказала: Габриэль новенькая, появилась пару месяцев назад. В клиентах была непривередлива.

– Непривередлива... – повторила я, с горькой иронией. – Похоже, это сыграло с ней злую шутку, – взглянула на Вальтера. – Что скажешь?

Он присел рядом с телом, взгляд методично метался от одного увечья к другому – привычка следователя, который видел смерть в разных обличьях. Дыхание стало размеренным, профессиональная отстранённость взяла верх над эмоциями.

– Её убили в другом месте, – тихо сказал он, голос стал сухим, аналитическим. – Смерть наступила не менее суток назад. Кто бы это ни был, работал методично, не спеша.

– Почему вы так решили? – Артур смотрел с недоверием, но в голосе звучал интерес. Он хотел проверить Вальтера – привычка, укоренившаяся за годы следственной работы.

– Посмотрите, – Вальтер указал на землю вокруг тела, – здесь нет кровавых луж, брызг. При таких ранах крови должно быть много – литры. Но её нет. Не могла же она самостоятельно исчезнуть? – он присмотрелся к ранам, нахмурился. – И раны выглядят... слишком чистыми. Убийца позаботил-

ся об уничтожении улики. – помедлил, словно размышляя. – Жертву убили в другом месте, где можно было работать не спеша, а затем принесли сюда для демонстрации.

Я согласно кивнула, поддерживая озвученные доводы. Вальтер держался хорошо. В прошлом он был следователем специального отдела тайной полиции по особо тяжким преступлениям. И пусть с тех пор прошли десятилетия, основы не изменились – кровь не исчезает сама по себе, а время не стирает следы так легко.

– Нет, не могла, – Артур согласился, в голосе прозвучало уважение. – Так, – повернулся вполоборота, – здесь все, – окликнул криминалистов. – Увозите.

Криминалисты собрали последние улики, упаковали в стерильные пакеты – каждый осколок реальности, который мог рассказать историю смерти. На улице стало тише, но тревога не отпускала – она висела в воздухе, как невидимый туман. Я ощущала на себе чей-то взгляд – холодный, цепкий, как прикосновение ледяных пальцев к коже.

Мысли быстро сменяли друг друга, а чувство тревоги – острое, как отточенное лезвие, – заставляло оглядываться через плечо. Это была не пустая паранойя, а холодное предчувствие, знакомое каждому, кто слишком хорошо знаком с убийцами и их повадками.

Маньяки порой возвращаются на место преступления, чтобы вновь пережить свои садистские фантазии, насладиться хаосом, который они создали. Но здесь, среди людей, под

взглядами полиции, убийца рисковал всем. Или он настолько уверен в себе, что считает нас слепыми идиотами?

###

Патрульные начали сворачивать оцепление, жёлтая лента исчезала в чёрных сумках, как занавес после спектакля.

Но зрители не расходились. Толпа зевак стояла за периметром, как стая воронья, не желающая улетать от пиршества. Они всё ещё надеялись увидеть что-то – кровь на асфальте, очертания тела, хотя бы намёк на ужас, который можно было бы пересказать завтра за завтраком, придавая собственной жизни иллюзию драматизма.

Я стояла рядом с Артуром, делая вид, что слушаю его «доклад» о процедурах, но мысли были далеко. Где-то там, в темноте, убийца наблюдал за нами. Это чувствовалось кожей – холодное, липкое ощущение чужого взгляда, как паучьи лапки, бегущие по затылку.

Вальтер молчал, стоя чуть позади. Его лицо было бледным, губы сжаты в тонкую линию. Для него всё это было новым – не смерть, ее он видел, но этот цирк вокруг неё, эта толпа, жаждущая крови и зрелищ.

Я повернула голову, оглядывая разношёрстное сборище, жадно ловящее каждую новую деталь ночного преступления. В их глазах вспыхивали противоречивые эмоции: страх смешивался с возбуждением, тайное удовольствие – с почти дет-

ским любопытством.

В отблесках фонарей лица превращались в театральные маски: кто-то сжимал губы до белизны, кто-то, наоборот, распахивал рот, не в силах скрыть вожделение к сенсации.

Их взгляды пожирали происходящее с тем же голодом, что и у зрителей гладиаторских боёв в Древнем Риме, толпы на площадях средневековых казней, покупателей у газетных киосков, где заголовки кричали о мёртвых громче, чем живых. Человечество не изменилось – только декорации стали ярче, а шоу циничнее.

Бензин в огонь интереса подливали телекомпании и новостные порталы – играли на тех же низменных инстинктах, превращая ужас в развлечение для масс. Серийные убийцы стали почти рок-звёздами, их деяния – предметом извращённого восхищения.

Обыватели, одурманенные готическими сериалами и фильмами, приписывают маньякам романтические черты, превращают их в вынужденных злодеев, «которые не могут иначе». Но стоит столкнуться с их настоящей работой – и на лицах проступают привычные страх и отвращение.

– Неужели это... правда? – прошептала женщина в сером пальто, прижимая дрожащую руку к груди, будто могла таким образом защититься от самого факта смерти. Её глаза были полны ужаса, но в глубине тлея – тёмная, голодная – жажда подробностей.

– Какое ужасное преступление! – вторил ей мужчина

справа, качая головой с преувеличенным сочувствием.

– Кто мог так жестоко поступить... – с напускной тревогой в голосе воскликнула другая женщина, её тонкие пальцы нервно теребили шарф, словно чётки отчаяния.

– А что произошло? – с нескрываемым интересом спросил кто-то в толпе, вытягивая шею, чтобы не пропустить ни слова. – Расскажите подробнее!

Перешёптывания, догадки, самые нелепые теории – люди были одновременно шокированы и возбуждены, как дети на представлении фокусника. Я с досадой вздохнула, чувствуя, как в горле поднимается знакомая горечь: за годы работы привыкла к этим лицам, этому вечному спектаклю, где каждый зритель мечтает оказаться на сцене, но боится запачкать руки настоящей кровью.

Но один выделялся на их фоне, как волк среди овец. Белая рубашка, стильная куртка, чёрные джинсы, модные кроссовки – слишком аккуратный для случайного прохожего, слишком собранный для простого зеваки.

Кепка, надвинутая на глаза, скрывала взгляд, но я чувствовала – он наблюдает за полицией, фиксирует каждое движение, каждый жест. Воздух вокруг него был другим – более плотным, напряжённым.

Его поза казалась расслабленной, но в ней сквозила готовность к бегству – мышцы напряжены, как у спринтера на старте. В руках – блокнот, куда он что-то быстро записывал, избегая зрительного контакта с патрульными. Движения бы-

ли точными, профессиональными.

Инстинкты, выработанные веками охоты на хищников, завыли в крови. В его манере держаться было что-то вызывающее, почти дерзкое – как у человека, который знает больше, чем должен.

– Он здесь, – тихо бросила я, не оборачиваясь. – Не подавайте виду.

– Кто? – Артур удивился, но инстинктивно понизил голос, плечи напряглись. – Убийца?!

– Тихо... – мельком указала на толпу, чувствуя, как учащается пульс. – Парень в кепке. Он наблюдает за нами, записывает что-то, избегает взгляда полиции, – губы дрогнули в недоброй улыбке. – Надо проследить за ним.

Артур нахмурился, его взгляд метнулся к подозреваемому, затем вернулся ко мне. В глазах тревога смешалась с пониманием: за годы работы мы научились читать друг друга без слов, как старые карточные игроки.

– Эл, ты уверена? Это может быть опасно. Помнишь, что было в последний раз, когда ты пошла одна и...

– Артур, – я усмехнулась, перебив его, но взгляд оставался холодным, сосредоточенным, как у снайпера. – Неужели мы покорно позволим ему скрыться? А если я права? Ты согласен ждать, пока он убьёт ещё кого-то?

Инстинкты требовали немедленной охоты – кровь пела в венах, обещая лёгкую победу над любым смертным. Но разум детектива кричал о необходимости подкрепления, про-

токолах, том, что одиночка может всё испортить.

Как генерал, я могла справиться с любым человеком, свернуть шею одним движением. Но как детектив – нарушала все правила, поставив под угрозу расследование.

И... Хищный инстинкт победил: слишком долго я играла в человека, забыв, что охота – моя истинная природа.

– Нет, но...

– Вот поэтому и надо проверить, – повернулась к толпе, чувствуя, как мышцы наливаются стальной решимостью. – В нашей работе иногда нужно идти на... риск.

– Хорошо, – он выдохнул, пальцы нервно постукивали по кобуре – барабанная дробь беспокойства. – Ты всё равно не слушаешься... – губы сжались, не скрывая усталого раздражения. – Просто будь осторожна, ладно?

– Всё будет под контролем, – я кивнула, но в груди уже разгоралось знакомое пламя. – А ты займись своими «любимыми» протоколами.

Передав Артуру бумажную волокиту, я медленно направилась к толпе. Парень в кепке заметил движение – зверь, учувший опасность, – и отвёл взгляд, опустил голову, спрятал руки в карманы, повернулся и быстро зашагал прочь. Свернул на аллею, где свет фонарей растворялся в тумане, превращая мир в размытую акварель...

###

Толпа осталась позади, голоса стихли, растворились в ночном воздухе. Только мы двое – хищник и потенциальная добыча.

Парень шёл быстро, но не бежал. Руки в карманах, плечи напряжены. Он знал, что за ним следят, чувствовал это звериным чутьём, но не оборачивался. Умный. Или просто опытный.

Улица становилась всё уже, дома – всё выше. Фонари редели, свет превращался в тусклые пятна на асфальте, словно город сам отступал, не желая быть свидетелем того, что может произойти. Мои пальцы легли на рукоять пистолета – холодный металл успокаивал, напоминал о силе, которой обладала.

В голове билась одна мысль:

– *«Если это он – никто не узнает. Никто не найдёт тело»*. – Но другая часть, та, что всё ещё притворялась человеком, шептала: – *«А если ошибаешься?»*

Я отогнала сомнения – роскошь, которую не могут позволить себе охотники.

Воздух был пронизан холодом и сыростью, каждый вдох обжигал лёгкие. Тишину нарушал только хруст опавших листьев под ногами – звук, который в этой обстановке казался выстрелами.

Дома по обе стороны улицы стояли слепыми, окна плотно занавешены – жители, напуганные слухами, боялись даже выглянуть наружу. Достойные декорацию к фильму ужасов.

Но пустота играла на руку: если он убийца, я лично оборву его жизнь. Без суда, без адвокатов, без второго шанса.

Почему? Потому что мир, несмотря на всю свою «современность», по-прежнему далёк от справедливости. Хорошие адвокаты, как змеи, проскальзывают сквозь щели в законах, и даже самый жестокий убийца может избежать наказания. Система прогнила, как фрукт, забытый под солнцем.

Наш маньяк – редкое, но опасное явление. Появился недавно, но уже унёс жизни троих девушек. Умный, расчётливый, методичный. Он наверняка следил за жертвами, втираясь в доверие, изучая привычки, а потом – показывал настоящий оскал. При этом был осторожным – не оставлял следов, работал чисто, профессионал.

Если так продолжится, департамент юстиции будет вынужден признать – поражение: без улик полиция бессильна, а психопат продолжит убивать, смеясь над нашими попытками его поймать.

Когда мы оказались достаточно далеко от площади, я ускорила шаг, вышла из тени деревьев, сняла пистолет с предохранителя. Металл был холодным, знакомым, как рукопожатие старого друга.

– Стоять! – приказала, направив оружие в центр его спины. – Полиция! Покажите руки!

Мужчина вздрогнул, как поражённый током, медленно поднял руки. Глаза расширились от адреналина, зрачки сузились до булавочных головок. Сердце колотилось так

громко, что я почти слышала его стук. Дыхание сбилось.

– Я... я не тот, за кого вы меня... приняли, – голос хрипел, срываясь на шёпот.

– А за кого я вас приняла? – я позволила себе мимолётную улыбку, почувствовав знакомое удовлетворение от власти над чужой жизнью.

– Полагаю, за серийного убийцу, которого... ищет федеральная полиция?

– А вы не... он?

– Нет, – голос дрожал, но в нём звучала уверенность человека, который говорит правду. – Я военный журналист, – попросив разрешение жестом, с трудом вытащил удостоверение дрожащими пальцами. – Антон Вайс.

Я медленно подошла ближе, всматриваясь в его лицо, пытаясь найти тень лжи в глазах, затем взяла документ. Не опуская пистолет, сверила фото, имя, печать – всё выглядело подлинно.

«Антон Вайс... Независимый журналист...

аккредитация при Венской криминальной газете «Пламенная звезда...»

Последняя строчка заставила нахмуриться. Неприятные воспоминания всплыли в памяти, как пузыри в болоте.

– Что вы делали на площади? – я сфотографировала удостоверение, отправила снимок Артуру с сообщением: «Про-

верь по базе. Если врёт – задержим позже», затем опустила пистолет, но не убрала в кобуру.

– Я... – он колебался, изучая моё лицо. – Сначала докажите, что вы именно та, за кого себя выдаёте. Покажите удостоверение.

Я достала свой бейдж, показала ему. Он внимательно изучил фотографию, имя, печать.

– Мы расследуем нашумевшие убийства, но... – оглянулся по сторонам, понизил голос до шёпота, – я не могу говорить здесь. Слишком... опасно. Если вы действительно детектив, то поймёте – есть вещи, которые нельзя обсуждать на улице.

– Мы...? – бровь поползла вверх. – Кто это «мы»?

Он снова замаялся, нервно оглянулся:

– Орден Сов. Но только не здесь... – достал визитку, протянул. – Приходите по этому адресу, там всё расскажу. У меня есть информация, которая поможет ускорить расследование.

Я мельком взглянула на визитку – плотная бумага, качественная печать:

«Аустелунг 18»,

«Офис № 2»

– Проклятье... – сжала губы. – Только время зря потеряла... – глаза гневно сузились. – Снова суёте нос куда не следует?!

Вкус желчи поднялся в горле. Всегда искренне удивляло, как быстро людьми овладевает скука. Пытаясь отвлечься от серости существования, они придумывают всё более опасные способы выбраться из повседневной рутины. Адреналин стал их наркотиком.

Орден Сов – самозванные «защитники» справедливости – сборище фанатиков, возомнивших себя блюстителями порядка. Они создавали онлайн-сообщества, собирали компромат на «всевозможных» преступников: от мелких дилеров, обосновавшихся по соседству, до видных политических фигур, которых считали нечистыми на руку. Интернет-детективы, вооружённые клавиатурой вместо пистолета.

Но иногда их помощь была... полезна – волонтёрами их привлекали к поискам пропавших. Они защищали патрульных в опасных районах. Но чаще всего становились причиной скандалов и паники: не имея доступа к официальному расследованию, обсуждали преступления, порождая самые невероятные слухи и гипотезы, прибавляя полиции лишней работы.

Я импульсивно убрала пистолет в кобуру, повернулась, чтобы уйти. Пообещав подумать, сунула визитку в карман и поспешила обратно, чувствуя, как в затылке покалывает от чужого взгляда.

Площадь опустела, как театр после представления. Вальтер стоял у машины, но увидев меня, сразу отстранился от дверцы – в глазах читалось беспокойство, плечи напряглись.

– Всё в порядке? – он шагнул навстречу, всматриваясь в моё лицо. – Что там происходило? Я видел, как вы куда-то пошли...

В его голосе звучала тревога – не из-за собственной опасности, а из-за моей. Старые инстинкты защитника, которые время не стёрло.

– Ложная тревога, – ответила я, но заметила, как он внимательно изучает мою позу, походку, ищет признаки стресса или ранения. – Всего лишь... журналист.

– Журналист? – он нахмурился. – Тот, что наблюдал за полицией?

Я молча кивнула, стараясь не выдать напряжение. Его присутствие всё ещё вызывало противоречивые чувства: одновременно облегчение и тревогу. Часть меня хотела обнять его, как старого друга, но другая... помнила всё, через что мы прошли – шрамы, которые время так и не затянуло.

В новой одежде он не выделялся среди венских обывателей, быстро поладил с Артуром – военная дисциплина и умение приспособливаться никуда не делись. Но что-то подсказывало: его появление в моей жизни не подарок судьбы, а скорее предупреждение. Или проклятие...

###

Ночь отступила, оставив после себя только привкус тревоги и усталости. Сон был неглубоким, прерывистым – полон

обрывков воспоминаний, лиц, которые давно должны были стать прахом, но всё ещё преследовали в темноте. Вальтер, стоящий на пороге. Мёртвая девушка с вырезанным символом змеи. Журналист с визиткой. Всё смешалось в липкую кашу, из которой невозможно вытащить хоть одну ясную мысль.

Я открыла глаза, уставившись в потолок. Узоры над кроватью напоминали карту – извилистые линии, уходящие в никуда, как дороги, по которым нельзя вернуться назад.

Тело ныло, как после долгой схватки. Мышцы требовали покоя, но разум уже начал перебирать детали: третья жертва, одинаковый почерк, отсутствие улик. Кто-то играл с нами – методично, терпеливо, словно разыгрывая партию в шахматы, где каждый ход просчитан на десять ходов вперёд.

И ещё Вальтер. Его появление было слишком странным, слишком своевременным – будто кто-то запустил механизм, который должен был разрушить хрупкое равновесие моей жизни.

За окном лениво гудели машины, звук плыл волнами, как стоны умирающего зверя. Светлые полосы скользили по стенам, возвещая не столько начало нового дня, как череду неприятных дел, которые уже поджидали за порогом, как голодные хищники.

Город просыпался нехотя – в этих звуках было что-то вязкое, утомлённое, словно мегаполис не хотел расставаться с ночью, где все грехи прячутся в тених.

Пробуждение было настоящей пыткой: всё, что находилось за границей тёплого одеяла и мягкой подушки, казалось чужим, враждебным, словно мир за дверью спальни превратился в выжженную пустошь.

Реальность давила на плечи свинцовым грузом, каждый вдох требовал усилий. Я поднялась, чувствуя, как мышцы протестуют против движения, словно тело отказывалось покидать последнее убежище. Потянулась, позвоночник хрустнул, как сухие ветки под ногами, и, привстав, подошла к окну. Раздвинув шторы, впустила в комнату тёплый, почти золотой утренний свет – он разлился по полу жидким металлом, выхватил из полумрака детали: стопку книг на прикроватной тумбочке, чашку с недопитым чаем, забытый на подоконнике блокнот.

Постояв немного, повернулась к зеркалу. Отражение встретило усталым, тяжёлым взглядом. Волосы растрёпаны, лицо бледнее обычного, под глазами – тени, словно синяки от ударов судьбы. Последствия ночи, полной тревог и сюрпризов.

Шок от появления Вальтера и инцидент на площади оставили на маске хладнокровия тонкую трещину – почти незаметную, но достаточную, чтобы через неё просочилась правда.

– «Да...» – усмехнувшись, подумала про себя. – *«Появляться в таком виде на работе определено нельзя, а то подумают: сбежала с собственных похорон».*

Я быстро привела себя в порядок, одевшись, вышла из спальни. Проходя по коридору, услышала с кухни тихий, размеренный шум: глухой стук ножа о разделочную доску, негромкое бульканье воды, лёгкий аромат овощей, смешанный с чем-то пряным. Облокотившись на дверной косяк, с любопытством наблюдала за происходящим.

На газовой плите стояла кастрюля с бурлящей водой, пар поднимался клубами, наполняя кухню пряным запахом шафрана – ароматом, который напоминал о временах, когда специи стоили дороже золота.

Вальтер стоял у стола, склонившись над разделочной доской, уверенно держал в руках острый нож – лезвие ловило отблески света, превращаясь в серебряную молнию.

Морковь под его пальцами ложилась ровными, аккуратными ломтиками. Каждое движение точное, отработанное – руки помнили совсем другие ножи, совсем другие цели.

На столе за его спиной уже были разложены простые закуски: ломтики сыра, хлеб, немного ветчины, пара помидоров. Всё выглядело почти по-военному строго, но в этой строгости был свой уют – порядок, вырванный из хаоса.

– Вижу, – окликнула его с улыбкой, которая не коснулась глаз, – уже освоился с кухней?

– Я... пытался разобраться, – он неловко усмехнулся, на мгновение замерев. – Плита хотя бы похожа на то, что помню – газовая горелка, как на военной полевой кухне, – указал на кофемашину в углу, которая стояла нетронутой, почти

обвиняюще. – А вот эту штуку... – покачал головой, в глазах мелькнул страх. – Я даже боюсь к ней подходить. Слишком много кнопок, мигает, гудит... Вдруг она взорвётся, если нажать не туда?

Я сдержала улыбку, наблюдая, как он с облегчением возвращается к знакомому занятию – нарезке овощей. В каждом движении читалась неуверенность человека, который попал в мир, где даже привычные вещи обросли незнакомыми функциями.

Он закончил с приготовлением, заварил кофе в простой турке – единственном способе, который не требовал изучения инструкций. Аромат был насыщенным, горьким, с лёгкой ноткой кардамона.

Мы сели напротив друг друга за стол. Вальтер ел с аппетитом, но время от времени поднимал взгляд, словно искал подтверждения, что всё это не сон, а я – не призрак из прошлого, материализовавшийся, чтобы мучить его совестью. В его глазах плавали тени вопросов, которые не решался задать.

– Простите... – замолчал, глядя в чашку, как в колодец воспоминаний, потом вдруг поднял глаза. – Я, наверное, должен спрашивать о себе, том, что происходит... Но всё равно – что стало с... остальными?

Я уловила в его голосе не только интерес, но и растерянность: он цеплялся за любые знакомые имена, чтобы хоть как-то удержаться в новой реальности, где время стало его

врагом.

– Рихард и Эско в Восточной Европе, – произнесла медленно, взвешивая каждое слово, – Абель и Алекс во Франции. Но... – тяжело вздохнула, стараясь прогнать неприятные воспоминания, которые поднимались, как мутная вода. – Мы давно не виделись. После войны наши отношения стали... холодными. Ледяными, если быть точной.

– Понятно... – он с досадой отвёл взгляд, пальцы нервно постукивали по чашке. – А что... – поспешил сменить тему, словно почувствовал, что залез в болезненную зону, – за призрак, которого вы ищете?

– Призрак...? – я вскинула бровь, растерялась на мгновение. Слово прозвучало слишком близко к правде. – Ты о ма-
няке?

Он кивнул, указал на газету, лежавшую на столе. Я смутно помнила, как купила её накануне, торопясь домой. На первой полосе – крупный заголовок, словно вырванный из ночного кошмара:

«Австрийское проклятие: серыйный убийца вновь терроризирует город.

Призрак прошлого возвращается...»

Слова жгли глаза, как кислота. Каждая буква была обвинением.

– Ах, это... – сделала глоток кофе, чтобы скрыть дрожь

в голосе. – Газеты любят делать из мухи слона, – отмахнулась. – За жестокость, с которой этот псих убивает, журналисты сравнивают его с Кукловодом.

– Кукловод...? – Вальтер задумался, услышав знакомое прозвище.

Пuls участился, кровь застучала в висках так громко, что я была уверена – он услышит. Заставила себя дышать ровно, считая про себя: вдох – раз, два, три, четыре. Выдох – раз, два, три, четыре. Старая техника, которой научилась ещё в первые годы после обращения, когда контроль над собой был вопросом жизни и смерти.

– Помню, его тоже газеты называли призраком за умение исчезать после убийств... – в его взгляде вспыхнуло раздражение от нераскрытого дела – старая рана, которая не заживала. – Насколько знаю, детективы криминальной полиции были близки к поимке этого негодяя...

Кукловод – серийный убийца, орудовавший в Берлине и Австрии в сороковых. Его жертвы – изуродованные, обескровленные тела, оставленные на рассветных улицах, как послания из ада – фарфоровые куклы, забытые после жуткого спектакля.

Несмотря на усилия лучших специалистов дело так и осталось нераскрытым – или благодаря их... усилиям.

Воздух в кухне стал гуще, я потянулась к сахарнице, делая вид, что добавляю сахар в кофе – любое движение, чтобы отвлечь его внимание от своего лица. Тело помнило вкус

чужой крови, как жизнь уходила из глаз жертв, то сладкое удовлетворение от идеальной охоты.

– Не знаю, – пожала плечами, стараясь выглядеть равнодушной, но каждое слово давалось с трудом. Намереваясь уйти от дальнейшего разговора, добавила: – Я тогда не была официально привлечена к... расследованию.

Вальтеру не нужно было знать, что этот самый «Кукловод» сидит сейчас напротив, пьёт кофе и притворяется человеком.

Я почувствовала, как его взгляд стал внимательнее, почти подозрительным – острым, как лезвие скальпеля. Глаза сузились, изучая каждое движение, интонацию. Он не поверил – старый следователь чувствовал ложь нутром, но решил не давить. Пока.

– Понимаю, – тихо сказал, но в голосе прозвучала едва уловимая нотка сомнения – тонкая, как паутина, но достаточно прочная, чтобы в ней запутаться.

Тишина – тяжёлая и липкая – повисла между нами. Я делала вид, что сосредоточена на завтраке, но чувствовала его взгляд на себе – пристальный, аналитический. Он помнил детали того дела, как близко подобрался к разгадке. И теперь пытался понять, почему я так странно отреагировала.

Напряжение росло с каждой секундой, воздух становился всё более вязким, и я уже готова была сорваться, когда...

«Message from: Артур Майер»

«Доброе утро.

Надеюсь, кофе у тебя крепче, чем наши улики.

Жду в департаменте.

Не забудь привести своего «консультанта»

Звук уведомления на телефоне прозвучал как спасительный колокол. Никогда ещё не была так рада вызову на дежурство.

– Похоже, – вздохнула с плохо скрываемым облегчением, но чувствуя, как напряжение немного отпускает, – время отдыха закончилось. Нужно ехать в департамент, – подняла взгляд на Вальтера, позволив себе улыбку, за которой прятались все невысказанные секреты. – Представим тебя шефу. Надеюсь, ты готов к современной бюрократии – она стала ещё более... беспощадной.

В его глазах мелькнула тень – он понимал, что разговор о Кукловоде не окончен, просто отложен, как казнь, которая рано или поздно состоится. И тогда придётся отвечать за все грехи прошлого – даже за те, которые давно превратились в пыль и легенды.

###

В департаменте привычно царил хаос – суета, ставшая здесь почти священным ритуалом, как месса в церкви дьяво-

ла. В коридорах мелькали полицейские и гражданские: кто-то спешил, словно убегая от собственной тени, кто-то стоял, уткнувшись в планшет, как в исповедальню из стекла и пластика, кто-то спорил у кофейного автомата, размахивая пластиковым стаканчиком, словно это скипетр власти над мёртвыми.

Автоматические двери с тихим шипением открывались и закрывались – дыхание здания, впускающего в свои металлические лёгкие новый кусочек внешнего мира. Каждый вздох приносил с собой холод улицы, смешанный с теплом человеческих тел.

Просторные помещения со стеклянными перегородками заливал яркий, холодный свет потолочных ламп. Он отбрасывал резкие тени на пол, лица, превращая всех в призраков, затерянных между сменами.

Воздух был густым, вязким, пропитанным насыщенным ароматом свежесваренного кофе, смешанного с запахом бумаги. Негромкие разговоры, механический стук клавиатур, надрывные звонки телефонов – сливалось в единый, непрерывный фон, на котором отдельные слова и фразы были лишь всплесками на поверхности болота повседневности.

Артуру, с раскрытым блокнотом в руках, докучала парочка журналистов – хищные птицы, жадно выискивающие новую «сенсацию» в разлагающейся плоти чужого горя. Их вопросы были абсурдны, догадки – ещё нелепее, но напарник держался стойко, как скала под натиском прибоя. Расспра-

шивать его всё равно что искать жемчужину в выгребной яме.

Минута ползла, как умирающий червь. Две. Телефон одного из журналистов завибрировал – металлическая пчела в кармане. Он взглянул на экран, зрачки расширились, как у наркомана, увидевшего дозу:

– Там другое дело горит, – буркнул напарнику. – Пошли.

Мужчины исчезли так же внезапно, как появились, оставив после себя облегчённый вздох всего отдела. Воздух стал легче, словно кто-то открыл окно в морге. Я поймала взгляд Артура – он едва сдерживал торжествующую усмешку, уголки губ дрожали, как крылья мотылька.

– Любвеобильный ты сегодня, – подойдя, иронично бросила взгляд вслед ушедшим падальщикам. – Сразу двух ушлых воронов привлёк.

– Придерживал специально для тебя, – он ухмыльнулся. В глазах плясали чёртики удовольствия. – Они, на вид, симпатичные. Подумал: грех терять такую красоту!

– Да ладно... – я положила руку ему на плечо, прищурилась, как кошка перед прыжком. – Уже тайные фантазии начал строить? Артур, Артур... – притворно покачала головой, чувствуя, как в груди разгорается тёплое пламя привязанности. – Как не стыдно...

По его лицу пробежала тень смущения – лёгкая, как дуновение ветра, но почти сразу растворилась под маской австрийской сдержанности. Кожа на скулах слегка порозовела.

– Туше... – он скрестил руки на груди, губы скривились в притворно-обиженной гримасе. Взаимные подколы давно стали неотъемлемой частью нашего общения – без них день казался скучным, как кладбище в полдень. – В очередной раз победа за тобой...

– Не переживай, – подбодрила я, – когда-нибудь и тебе повезёт, – подмигнула, – возможно, – пробежала взглядом по отделу, где тени и свет играли в вечные прятки. – Где шеф?

– У себя. Но... – его голос стал осторожным, как у человека, предупреждающего о минном поле, – в плохом настроении. Очень плохом...

Слова прозвучали как вызов. Опасный, безрассудный, но оттого только заманчивее – как приглашение станцевать с дьяволом.

Мы прошли в конец зала, поднялись по лестнице на второй этаж, ступени слегка скрипели под ногами, словно кости в старой могиле. Несколько шагов по просторному коридору. Остановились перед дверью, за которой слышались гневные восклицания – рычание раненого зверя в клетке.

Артур тяжело вздохнул, плечи поднялись и опустились, мысленно смирившись с участью. Как «истинный рыцарь», он первым вошёл в логово дракона. Мы с Вальтером промелькнули следом.

Воздух в кабинете словно наэлектризовался, как перед грозой – каждый атом дрожал от напряжения. Шеф, заметив

нас, поднял взгляд: тяжёлый и безрадостный, как у палача.

Он был мрачнее обычного, с лицом, словно вырезанным из чёрного мрамора. Тёмные круги под глазами, лёгкая дрожь в пальцах. Потёр переносицу, словно пытаюсь прогнать головную боль, которая стала постоянной спутницей.

Ночные происшествия и нападки прессы подорвали его самообладание: губы сжаты в тонкую линию, в каждом движении чувствовалось напряжение, как у хищника, готового к нападению. Во взгляде, кроме привычного гнева, скрывалось истощение человека, который не спал несколько суток.

Шаг. Ещё. Мы остановились напротив стола, молча ожидая, когда буря проявит себя во всей красе. Артур склонился ко мне, его дыхание коснулось уха:

– Спорю на доллар, – прошептал, – он приплетёт наши отчёты. Скажет: они бесполезные...

Я промолчала, сдерживая усмешку, которая рвалась наружу.

– На нас ополчились все! – шеф резко привстал, движение было похоже на взрыв, упёрся в край руками. Костяшки побелели от напряжения. – Вчерашнее убийство поставило под сомнение всю работу департамента! Министр юстиции требует принять меры! А ваши отчёты, – указал на стопку бумаг, которые лежали, как приговор, – пустая трата чернил! Чем вы заняты?!

– Мы проверяем свидетелей, – начал Артур, голос звучал убедительно. Почти. – Это не...

– Неприемлемо! – перебил его шеф, слова вылетели, как пули из автомата. – Как вы смеее называть себя детективами, если не можете продвинуться в расследовании?!

Шеф был в привычном репертуаре – комиссар федеральной полиции Аларик Хёрн обладал стальным характером, закалённым в огне бесчисленных битв с преступностью. Под его бескомпромиссным, но умелым руководством департамент юстиции стал элитой. Лично принимая на службу, он держал полицейских и детективов в ежовых рукавицах.

Но несмотря на гордый и вспыльчивый нрав, человеком был – хорошим. Только изредка, давая волю эмоциям, срывал злость на подчинённых – как вулкан, сбрасывающий давление.

– Не справитесь с порученным делом, вылетите из отдела, – он перевёл взгляд на Вальтера, глаза сузились. – А это ещё кто?!

– Вальтер Шульц, – представила я, голос звучал ровно, но внутри притаились опасения, холодные, как змеи. – Криминальный психиатр из Берлина.

Аларик смерил его тяжёлым взглядом, который мог бы расплавить сталь. Вальтер напрягся, как струна, готовая лопнуть.

– Неважно. Пусть хоть сам Господь-Бог, – махнул рукой с досадой, сил на дополнительные проверки у него явно уже не было. Шеф имел более важные дела, чем разбираться с очередным консультантом – это читалось в каждом его движе-

нии. Посмотрел с меня на Артура, взгляд был как удар кнута. – Мне нужно, чтобы вы занялись своей работой и поймали этого ненормального, – пауза, тяжёлая, как гроб, затем он сел за стол. – Свободны.

Мы не стали искушать судьбу, поспешно ретировались. Едва дверь кабинета захлопнулась за спиной, все одновременно выдохнули – звук напоминал последний вздох приговорённого. Воздух в коридоре казался менее вязким, но напряжение цеплялось за одежду, как паутина.

– Ну... – Артур первым нарушил тишину, голос прозвучал удивлённо, – всё прошло лучше, чем ожидал.

– Согласна, – я кивнула, чувствуя, как с плеч медленно сползает тяжесть, словно кто-то снимает свинцовый плащ. – Аларик – наименьшее из зол. Теперь можно...

– Почему вы позволяете ему так с вами разговаривать? – перебил Вальтер, его голос был тихим, но в нём сквозило возмущение. Челюсть напряжена, как у человека, сдерживающего гнев.

Я видела, как Артур приподнял бровь. На его лице читалось:

– *«Странный тип этот психиатр. Слишком старомодный. Какой современный консультант стал бы возмущаться манерами начальника?»*

Вальтер был раздражён. Для человека его эпохи такое обращение начальника – неслыханная грубость. В его времена даже военные командиры соблюдали определённые рам-

ки приличия. Но как объяснить, что современный мир работает по другим правилам – жестоким, как законы джунглей?

– Тише, Вальтер, – я оглянулась по сторонам, понизила голос до шёпота. Коридор был пуст, но стены здесь имели уши. – Как сказал Артур, всё прошло лучше, чем мы ожидали. Шеф... иногда переходит границы, но он многое делает для департамента, – пожалала плечами. – Да и все здесь давно привыкли к его буйному нраву.

Вальтер недовольно нахмурился, в глазах – недоверие – холодное, как лёд в бокале. Ответ показался ему пустой и жалкой отговоркой, как оправдание избитой жены. Для него такая иерархия была чужда, почти... унижительна – он привык к другому порядку, к другой власти, где честь значила больше, чем результат.

Артур посмотрел на меня, ожидая объяснений странного поведения «коллеги». Но я медленно покачала головой, намекая: *«Потом»*.

– Пошли, – я сменила неловкую тему, которая висела в воздухе, как удавка, – навестим Мина. Он обещал прислать результаты, но до сих пор молчит, – уголки губ дрогнули в усмешке. – Держу пари, у него есть что-то интересное, решил держать интригу.

– Мина? – переспросил Вальтер, всё ещё не отпуская тему, как терьер кость.

– Наш судмедэксперт, – пояснил Артур, – хороший парень, но... – замялся, подбирая слова, словно ступая по мин-

ному полю, – немного странный.

В воздухе повис запах дезинфицирующего средства – первое дуновение того мира, куда мы направлялись. Мира, где смерть становилась наукой, а тела – книгами, написанными кровью.

###

Морг находился на первом этаже, в дальнем конце коридора, за двойными распашными дверями с матовыми стёклами. Путь вёл мимо кабинетов, переговорных комнат, стеклянных перегородок, за которыми кипела работа департамента.

Коридор был широким, залитым холодным светом ламп дневного света. Линолеум под ногами блестел от свежей уборки, стены выкрашены в безликий серо-белый цвет – стандарт государственных учреждений.

Вальтер шёл рядом, молчал. Я видела, как напряглись его плечи, как сжались пальцы – он видел смерть на войне, в окопах, на улицах разрушенного Берлина. Но там смерть – быстрая, почти милосердная. Здесь же – она была медленной, препарированной, разложенной на составляющие.

Артур шёл впереди, его шаги были уверенными – он знал этот путь наизусть, как монах знает дорогу в молельню.

Мы остановились перед тяжёлыми дверями. На табличке значилось:

«Отделение судебно-медицинской экспертизы».

«Посторонним вход воспрещён».

Артур толкнул дверь, холод ударил в лицо, как пощёчина. Запах антисептика оседал на коже липкой, невидимой плёнкой. Но даже химическая стерильность не могла скрыть сладковатый запах разложения и металлический привкус крови – он въедался в нёбо, как ржавчина.

Вдоль стены выстроились шкафы с аккуратными подписями и датами – каталог человеческих трагедий. За стеклянными витринами лежали инструменты для вскрытия – скальпели, пилы, щипцы, – выложенные в строгом порядке. Каждый предмет был отполирован до зеркального блеска, отражая холодный свет ламп.

В дальней части рядами стояли ящики с телами тех, кому не повезло оказаться не в том месте и не в то время: их судьбы теперь хранились в холоде и тишине.

В центре, у стола для вскрытия, сидел мужчина в белом халате. Он что-то негромко бормотал, словно спорил с невидимым собеседником, и только услышав наши шаги – гулкие в пустоте морга – обернулся. Лицо было узким, аскетичным, с глазами, которые видели слишком много смерти, чтобы удивляться жизни.

– О, мои любимые детективы! – губы дрогнули в театральной улыбке, он привстал, ловко поправил халат, будто го-

товился к началу спектакля. – Я вас ждал! – взгляд скользнул по нам, задержался на Вальтере – любопытный, изучающий. – А это кто? – приподнял бровь, в голосе прозвучал неподдельный интерес. – Новый консультант? Интересно... старомодный тип. Редко встретишь такую... классическую выправку.

На столе позади него лежало изуродованное тело, накрытое простынёй, из-под неё виднелись окровавленные края. Запах горелой плоти, смешанный с антисептиком, пробирал до дрожи, забивался в нос и горло, оставляя горькое послевкусие. Воздух стал плотнее, словно сам морг пытался задуть нас своим дыханием.

Но я давно научилась не реагировать на подобные вещи. В прошлом, как алый генерал, была способна и не на такое – сама превращала людей в то, что теперь лежало на столах Мина. Артур? Его спасал профессионализм и опыт в отделе особо тяжких преступлений, где такие «экземпляры» – частое явление, но кадык непроизвольно дёрнулся, выдавая внутреннее напряжение. А Вальтер...

Он смотрел не столько на тело, сколько на Мина – его театральные жесты, разговоры с покойниками. Шок вызывала не смерть, а то, как современный человек научился с ней обращаться – легко, почти с юмором. Лицо побледнело, как пергамент, пальцы сжались в кулаки.

– Привет, Мин, – я улыбнулась, стараясь не смотреть на тело, силуэт которого угадывался под тканью. – Прости, сно-

ва прервали твою беседу с новым... другом?

– А, это... – он махнул рукой, будто отгонял назойливую муху, в движении была какая-то птичья лёгкость. – Не беспокойтесь. Даниель оказался приятным собеседником. Правда, немного... молчаливым.

– Боже... – Вальтер выдохнул, его голос сорвался на шёпот, словно воздух внезапно стал слишком густым для лёгких. – Он всегда так... разговаривает с ними?

– Держись, – Артур сжал его плечо, голос стал тише, но твёрже. – Мин просто... своеобразный.

– *«Своеобразный»* – с усмешкой мысленно повторила я. – *«Да... В прошлом смерть пугала, а теперь стала наукой. Но Мин лучший в своём деле именно благодаря такому подходу».*

– Вальтер Шульц, – представила, – криминальный психиатр из Берлина.

– Психиатр? – глаза Мина загорелись профессиональным интересом. – Отлично, может быть, вы сможете понять психологию нашего убийцы. У меня есть несколько наблюдений о методах работы нашего... художника.

– И что у нас? – Артур перевёл разговор в деловое русло. Мин жестом подозвал нас за собой, движения точные, как у дирижёра перед оркестром. Подойдя к дальнему ящику, открыл его с особым, почти церемониальным движением. Металл скрипнул, звук отозвался тихим стоном.

– Господа, – торжественно произнёс, голос окрасился те-

атральностью, – позвольте представить – София Мартин. Двадцать два года, профессия... скажем так, древнейшая.

От увиденного хотелось отвернуться. Тело девушки выглядело так, будто убийца рвал и терзал жертву с особым остервенением: кожа в синяках и ссадинах, глубокие рваные раны обнажали сухожилия, запёкшаяся кровь образовала причудливые узоры, похожие на карту несуществующей страны. Лицо... сломанные кости, пустые глазницы, впалые щёки.

Казалось, её не просто лишили жизни – стёрли саму память о человеческом облике, превратив в абстрактную скульптуру ужаса.

Вальтер резко сглотнул, горло сжалось спазмом. Артур стиснул зубы – его профессиональная броня дала трещину, но выдержала. Дыхание стало поверхностным, но лицо оставалось каменным.

Я смотрела на изуродованное тело и ловила себя на мысли, что не чувствую ничего, кроме усталости – глубокой, какая приходит после слишком долгой жизни. За века таких тел видела сотни, если не тысячи. Когда-то сама оставляла после себя похожие картины – и хуже. Но тогда это было инстинктом, голодом, необходимостью. Здесь же читались иные мотивы – садизм, наслаждение чужой болью, артистизм зла.

– Причина смерти? – мой голос прозвучал ровно, без дрожи. Зрелище было не для слабонервных, но за долгую жизнь

успеваешь многое повидать и смерть становится просто фактом, как дождь или снег.

– Острая тканевая гипоперфузия из-за массивной кровопотери, приведшей к полиорганной недостаточности, – Мин смаковал медицинские термины, как гурман редкий сорт вина, каждое слово произносил с особым удовольствием.

– А на человеческом языке? – Артур скривился – его всегда раздражала эта игра в учёного, попытка Мина спрятать ужас за красивыми словами.

– Умерла от потери крови, – Мин накрыл тело простынёй, аккуратно, с уважением к мёртвой. – Убийца оставил на теле следы прижизненных пыток. Работали долго, методично. Наш парень – настоящий художник. Жаль, что его искусство так... специфично.

– Жестоко... – Артур побледнел, пальцы сжались в кулаки. – Есть улики?

– Увы, – Мин покачал головой, лицо стало серьёзным, почти скорбным. – На этот раз – ничего. Убийца сработал чисто. Никаких волокон, отпечатков, биологических следов. Профессионал или очень удачливый дилетант.

– Вот же... – Артур фыркнул, в голосе прозвучала злость, смешанная с отчаянием. – Этот маньяк настоящий призрак.

Я прикусила губу, почувствовав горький привкус собственной крови. Артур прав: никто ещё не бросал такой наглый вызов департаменту. Третья жертва за месяц – все молодые проститутки, убитые с какой-то почти религиозной же-

стокостью. И ни единой зацепки – ни волоска, ни отпечатка, ни случайного свидетеля. Убийца растворился в воздухе, как кошмар после пробуждения, оставляя после себя только изуродованные тела и вопросы без ответов.

Мы стояли в тишине, переваривая увиденное. Воздух морга казался ещё более плотным, каждый вдох давался с трудом. Секунда. Две. Я заставила себя переключиться на «рабочий режим» – эмоции здесь только мешали. Такие вещи требовали холодной головы, а не сочувствия.

– Ладно, – вздохнула, собираясь с мыслями. – Сосредоточимся на главном. Артур, займись Софией – узнай всё о её последних днях, клиентах, привычках. А мы с Вальтером поговорим... – в горле встал ком, не хотелось называть имя информатора вслух. – Со старым знакомым. Ну а тебя, Мин, – кокетливо подмигнула ему, стараясь разрядить атмосферу, – оставим продолжать беседу. Похоже, у тебя тут целый салон для спиритических сеансов.

Артур кивнул и повернулся к выходу. Мин проводил его взглядом и недобро улыбнулся, как маньяк. Если бы не годы знакомства, подумала бы: он определённо не в себе. А может, это мы все сошли с ума?

###

Бархатная осень окутала город тёплым золотым светом, словно кто-то набросил на плечи улиц мягкий плед, пропи-

таннный запахом дыма и жареных каштанов. Листья под ногами шуршали – их хрупкость навевала обманчивое спокойствие. Кроны деревьев вдоль дороги вспыхивали янтарём и медью, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь свинцовые облака, рассыпались на асфальте причудливой мозаикой света и тени.

Казалось, что весь город на миг замер, задержал дыхание, наслаждаясь последними крохами тепла перед неизбежным холодом. Я замедлила шаг, позволяя себе раствориться в этом зыбком покое, но внутри тлело воспоминание о том, что ничто не вечно – особенно красота.

Вальтер, идущий рядом, был напряжён, как струна, готовая лопнуть. Взгляд скользил по прохожим, цепляясь за одежду, мерцающие экраны смартфонов, яркие кроссовки. В этом новом мире даже воздух казался ему чужим, пальцы слегка подрагивали, словно перебирали невидимые струны.

– Ваш напарник... – произнёс тихо, не сводя глаз с толпы, – Артур – обычный человек.

Последние слова прозвучали с оттенком недоверия, будто сама «обычность» была чем-то невозможным в этом городе теней, где каждый прохожий мог оказаться монстром в человеческом обличье.

– Да, – я кивнула, позволив себе лёгкую улыбку, в которой мелькнула тень иронии. – Но первое впечатление обманчиво, – добавила, скользнув взглядом по Вальтеру. – Он даст фору многим. В том числе и мне.

– Он знает ваш... секрет?

– Нет.

Вальтер задумался. При первой встрече наши отношения с Артуром показались ему слишком близкими для коллег. Его недоумение витало в воздухе, осязаемое, как запах озона перед грозой.

Я мысленно вернулась к нашему знакомству. Воспоминание всплыло, как заноза – неприятное, но неотделимое, пульсирующее тупой болью. Аларик буквально приставил Артура ко мне, настояв:

– *«Два гения в команде лучше одного, Розенкрофт, и у тебя всё равно нет выбора...»* – его слова прозвучали как приговор.

– А до него кто был вашим напарником?

– Никто, – я усмехнулась, ощущая, как уголки губ чуть подрагивают, словно старая рана даёт о себе знать. – Как ты помнишь, командная работа – не моя сильная сторона.

Вальтер поник. Плечи чуть ссутулились, на лице мелькнула тень – воспоминание о собственных поражениях? Даже работая вместе, я всегда держала его на расстоянии, как опасного зверя на цепи.

Артуру тоже пришлось пройти через «тернии». В начале между нами стояла стена недоверия и конфликтов. Он, воспитанный в семье генерала полиции, был до абсурда правильным, цеплялся за устав, как утопающий за спасательный круг – педантичный австриец с позвоночником прямее прус-

ского штыка, дышащий дисциплиной и порядком.

И я – своенравная, как северный ветер, который не признаёт границ. Предпочитаю действовать «по-своему», часто игнорирую приказы, которые кажутся глупыми. Правила? Досадное недоразумение, пыль, которую можно стряхнуть одним движением.

– Но вы работаете вместе.

– Да, – признала я, ощущая, как в висках пульсирует отдалённое чувство, похожее на вину. – Но мы не сразу к этому пришли.

Я долго отказывалась признавать Артура частью команды. Его фанатичное стремление быть «правильным» раздражало, вызывая неприязнь, как песок в открытой ране. Я бросала общее дело, работала одна – до тех пор, пока однажды это едва не стоило нам обоим жизни.

– Расскажите? – осторожно попросил Вальтер, голос стал тише, но в нём звучало привычное любопытство.

Я остановилась, прислушиваясь к собственному дыханию. Воспоминание вспыхнуло, оставляя во рту привкус сожаления. Хотелось ли рассказывать детали досадного происшествия, и чем обернулся эгоизм? Нет. Но Вальтер заслуживал правды – или хотя бы её части.

Это случилось два года назад, когда мы с Артуром только начали работать вместе. Злополучный инцидент был связан с незаконной торговлей наркотиками в одном из криминальных районов, где тени были гуще, а совесть – товаром

на продажу.

Информацию дал мне бывший наркоторговец. Он работал только со мной – цена за его жизнь, которую однажды пощадила. Такие контакты нельзя было светить – даже Артуру. Особенно Артуру, с его безукоризненной честностью и верой в систему.

– Вы пошли одна? – Вальтер бросил на меня укоризненный взгляд.

– Да, – я кивнула, чувствуя, как внутри сжимается что-то тяжёлое. – Но это дорого обошлось.

Артур всегда твердил: правила существуют не для красоты. Особенно, когда дело касается – мафии.

Торговля наркотиками – прибыльный бизнес, пропитанный запахом крови и опасности. Картели зарабатывают на них миллионы, превращая человеческие слабости в золотые реки, и только глупец откажется от таких «лёгких денег» добровольно.

В тот день несколько членов синдиката принимали большую поставку Алого дурмана – проклятого синтетического яда, превращающего людей в дрожащих зомби, марионеток собственной зависимости.

– Эта дрянь, с момента появления, быстро распространилась на улицах Вены, как чума в средневековом городе.

Вальтер напрягся. Он, наверное, вспомнил опиумные притоны или гашишные залы, которые, несмотря на весь «порядок» Рейха, процветали в Берлине, как ядовитые цве-

ты в тени власти. Но этот «дурман» был другим, более смертоносным – пожирал души.

Склад пропитался запахом машинного масла и страха – тяжёлым, липким ароматом, который въедался в лёгкие. Я прижалась к ржавой стене, чувствуя, как холодный металл прожигает спину сквозь куртку. В полумраке мерцали тусклые лампочки, бросая уродливые тени на штабеля ящиков и бочек.

– Сколько ещё ждать этого придурка? – голос – грубый, как наждачная бумага по коже – прорезал тишину.

– Заткнись, Макс. Босс сказал – ждём до полуночи, – второй голос был спокойнее, но в нём слышалась сталь. – Товар дорогой, спешка ни к чему.

Я осторожно выглянула из-за укрытия. Четверо мужчин стояли вокруг металлического стола, на котором лежали аккуратные пакетики с алым порошком – достаточно «дурмана», чтобы превратить половину района в армию зомби. Автоматы небрежно висели на плечах, но руки лежали на рукоятках – профессионалы, которые знали цену ошибки.

– А что, если копы засекли? – третий бандит нервно затянулся сигаретой, красный огонёк вспыхнул в темноте, озарив грубые черты лица.

– Тогда мы их встретим как положено, – усмехнулся первый, похлопав по стволу с нежностью любовника.

Шорох за спиной заставил замереть. Тело среагировало быстрее разума. Молниеносный разворот, руки схватили

фигуру в темноте. Под пальцами – тёплое тело, запах знакомого одеколона, учащённое дыхание.

– Какого чёрта... – начал было он, но я зажала ему рот ладонью.

Я думала – это ещё один бандит или «клиент», которого ждали те четверо. Но, взглядевшись в знакомые черты, освещённые тусклым светом, с удивлением поняла – Артур.

Его глаза горели яростью и недоверием – два угля в темноте. В правой руке – пистолет, направленный прямо мне в грудь.

За месяцы работы он начал замечать тревожные сигналы: мои внезапные отлучки, информаторов, о которых молчала, дела, которые заканчивались провалом для преступников, но без арестов. Подозрения росли, как раковая опухоль, пожирая доверие изнутри.

В тот вечер, увидев, как я спешно покидаю департамент, он не выдержал. Сердце оказалось сильнее разума – он надеялся, что ошибается, и хотел убедиться сам, прежде чем разрушить мою карьеру.

– Значит, это правда, – прошептал, когда я убрала руку. – Ты с ними заодно?

– Заодно? – я вскинула бровь. – Ты не понимаешь. Я...

– Понимаю больше, чем хотел бы! – голос срывался от боли. – Месяцы я наблюдал, надеясь, что ошибаюсь. Молился, чтобы ты оказалась лучше моих подозрений. Но...

Пистолет в его руке дрожал – не от страха, а внутреннего

конфликта. Даже подозревая меня, он не мог поверить до конца.

– Опустит оружие, – прошептала я. – Сейчас не время для объяснений.

– Как раз время, – палец лёг на спусковой крючок. – Сдавайся, Ерсель. Даже если ты... я не могу позволить тебе...

Хруст. Артур неловко наступил на осколок бутылки. Звук эхом разнёсся по складу.

– Что это было? – послышался настороженный голос бандита.

– Иди проверь.

Шаги. Приближающиеся, неумолимые. Я посмотрела в глаза Артуру – и увидела там понимание. Его лицо исказилось – подозрения боролись с инстинктом защищать напарника.

– Здесь кто-то есть! – крик прорезал воздух.

Всё взорвалось разом. Вспышки выстрелов осветили склад адским светом, пули засвистели в воздухе, оставляя за собой металлический привкус смерти. Артур инстинктивно толкнул меня в сторону, прикрывая собой, и в тот же момент пуля нашла его ногу.

Он упал, его крик потонул в грохоте перестрелки, кровь растекалась тёмным пятном по бетонному полу. И вдруг – вой сирен. Звук прорезал ночь, как лезвие по стеклу – далёкий, но приближающийся. Спецназ. Тот самый, которого бандиты ждали и боялись.

– Дерьмо! Нас сдали! – главарь выругался, его голос дрогнул. – Сколько их там?

– Блокпосты только на главных дорогах, – один из бандитов заглянул в окно. – Через промзону ещё можно прорваться, если поторопимся!

Я прижалась к полу рядом с Артуром, чувствуя, как его кровь просачивается сквозь ткань моих джинсов. Его дыхание было поверхностным, глаза мутнели от боли. У меня были минуты, может меньше.

– Уходим через задний выход! – крикнул главарь. – Товар берём с собой!

– А эти двое?

– Пусть копы с ними разбираются. У нас проблем хватает. Топот ног, лязг металла – они собирали наркотики в спешке, ругаясь и толкаясь. Сирены становились громче, к ним добавился рёв моторов и крики через мегафоны.

Я не дожидалась, пока звуки их шагов стихнут в дальнем конце склада, перевернула Артура на спину. Его лицо было восковым, губы синели.

– Артур, – прошептала, разрывая его штанину. – Держись. Сейчас всё будет хорошо.

Рана была глубокой. Оставались считанные минуты. Я действовала инстинктивно: сняла ремень, затянула жгут выше колена. Руки, помнящие сотни подобных операций, действовали сами собой. Многовековой опыт военного хирурга взял верх – давление на сосуд, остановка кровотечения, ста-

билизация.

А за стенами склада разворачивалась настоящая операция: лай собак, команды офицеров, хлопки дверей машин. Но бандиты исчезли, растворились в лабиринте промышленного района, как тени на рассвете.

Артур открыл глаза, посмотрел на меня – и в его взгляде больше не было подозрения. Только боль, усталость и что-то похожее на понимание.

– Ты... ты не с ними, – прохрипел он.

– Молчи, – я продолжала работать, не отрываясь от ра- ны. – Потерпи ещё немного.

Бандиты скрылись, унеся большую часть наркотиков. Но это были мелочи. Главное: Артур. Он потерял много крови, но остался жив.

– После этого у вас наладилось всё? – спросил Вальтер, брови нахмурились. Он слушал рассказ с тревогой, словно переживая каждую секунду.

– Нет, – я тяжело вздохнула, покачала головой, ощущая тяжесть воспоминаний. – Но первый шаг был сделан.

Я не понаслышке знала: человеческая жизнь может быть слишком хрупкой. Стоит приложить немного усилий, и она оборвётся, как тонкая нить под острым лезвием.

Потеря Марии, Феликса и Себастьяна оставила в душе зияющую рану, которая не зажила даже спустя десятилетия. Она кровоточила стоило мысленно назвать их имена. Больше не хотелось привязываться к смертным, обрекать себя на

новые потери.

Но Артур... рисковал жизнью ради меня, шагнул в огонь, не зная, выберется ли живым. Когда он очнулся в палате интенсивной терапии, пропитанной запахом антисептика и чужой боли, его напарник был рядом. С тех пор мы работаем вместе – два осколка, притёртых друг к другу временем и кровью.

Воздух стал холоднее. Осень напоминала о себе, а впереди нас ждала встреча, которая могла изменить всё.

АЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Сердце бизнес-квартала – мир, отполированный до зеркального блеска, где каждая поверхность отражала ложь.

Мы шли молча, мимо витрин магазинов, мимо кафе с уличными столиками, где люди прятались от надвигающегося ненастья. Вена медленно менялась вокруг нас – деловой центр оставался позади, улицы становились уже, здания – старше, людей – меньше.

Небоскрёбы вздымались вверх, словно лезвия, рассекающие облака, их стеклянные фасады превращали улицу в калейдоскоп слепящих бликов – тысячи глаз, наблюдающих за муравьиной суетой внизу. Рядом с этими монолитами власти даже самые дорогие автомобили казались игрушечными – жалкими попытками смертных продемонстрировать значимость.

Здесь жили те, для кого городские трущобы – дурной сон, который можно прогнать деньгами. Политики, бизнесмены, владельцы корпораций – их жизнь текла плавно, как дорогой коньяк в хрустальном бокале, оставляя после себя лишь горький привкус на языке. За высокими заборами и бронированными окнами их не касались ни голод, ни страх. Они дышали воздухом, очищенным от грязи и крови – по крайней мере, так им казалось.

Мы остановились у ателье с вывеской, стилизованной под

старину. Широкие мраморные ступени вели внутрь, их поверхность была настолько гладкой, что казалось – ступаешь по зеркалу, которое может треснуть от неосторожного движения.

– Здесь? – Вальтер скептически окинул взглядом скромный фасад, брови сошлись над переносицей.

– Не суди по обёртке, – я усмехнулась, толкая дверь, которая поддалась с тихим шипением.

Ателье нарочно выглядело неприметно – в этом районе конспирация была частью имиджа для особых клиентов, тех, кто предпочитал оставаться в тени.

Вальтер прошёл следом и замер, как поражённый молнией. Снаружи помещение казалось маленьким, но внутри встретил настоящий дворец роскоши с высокими потолками, украшенными лепниной.

Воздух был пропитан запахом дорогих тканей и парфюма. Вдоль стен возвышались стеллажи с огромным выбором тканей – шёлк, бархат, кашемир, их оттенки переливались, как драгоценные камни под светом хрустальных люстр. Каждый рулон был произведением искусства, но в этом великолепии читалось что-то зловещее – слишком идеальное, чтобы быть человеческим.

В глубине – обширная мастерская, несколько портных были кропотливо заняты делом. Их пальцы двигались с точностью хирургов, иглы мелькали, как серебряные молнии, прошивая ткань с такой скоростью, что казалось – они шьют са-

му реальность.

Ближе к центру – длинный прилавок с витриной. Под стеклом множество изысканных аксессуаров: золотые булавки с драгоценными камнями и филигранными узорами, ювелирные запонки в виде миниатюрных черепов, пряжки, украшенные эмалью. Каждый предмет будто шептал: *«Возьми меня, и ты станешь другим»*.

Я подошла ближе, позвонила в маленький серебряный колокольчик, стоящий на краю. Его звон – чистый и высокий – растворился в воздухе. Секунда. Две. Три. Из-за шторы появилась высокая фигура – движения плавные, как течение реки, но в них читалась грация опасного хищника.

– Добро пожаловать в наше ателье, – бархатный голос струился, как отравленный мёд. – Вам что-то подсказать?

Аккуратный макияж подчёркивал изумрудные глаза. Лиловые губы, цвета спелой сливы, добавляли образу загадочности и притягательности. Длинные волосы каскадом спускались ниже талии, обрамляя лицо, которое было слишком совершенным, чтобы быть человеческим. Светлое кружевное платье облегло утончённую фигуру, как вторая кожа. Улыбка была едва уловимой – как у змеи перед броском.

– Привет, Катерина, – я кратко кивнула, ощущая, как мышцы напрягаются, готовясь к схватке.

– Привет, – она грациозно облокотилась на прилавок, движение было намеренно провоцирующим. – Ты сегодня особенно красива и...

– Не время для комплиментов, – перебила я, стараясь сдержать волну отвращения, которая поднималась из глубин памяти. Ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы на коже.

– Холодна... – она раздраженно фыркнула, сжав губы, но заметив Вальтера, в глазах вспыхнул интерес хищника, увидевшего свежую добычу. – А кто этот молодой человек?

– Вальтер Шульц, – ответил он, подойдя ближе. Осанка выпрямилась, голос приобрёл стальные нотки – военная выправка взяла верх над неуверенностью. – Консультант департамента полиции.

Он представился с достоинством офицера: статная поза, уверенный голос. Катерина смотрела на него с нескрываемым любопытством, медленно прикусила губу – жест, который я знала слишком хорошо. И он не сулил ничего хорошего.

Катерина, словно божественный ангел, невероятно красива. Но не верьте глазам. За чарующей маской с бархатным голосом и грациозными движениями скрывается кровожадная и эгоистичная особа. Её «хорошее отношение» к смертным часто оборачивается их смертью – медленной, мучительной, наполненной страданием.

– Даже не думай, – я медленно облокотилась на витрину, протянув руку, лёгким движением коснулась её лица, и повернула на себя. Кожа под пальцами была холодной, как мрамор в склепе. Наши взгляды встретились. – Посмеешь ему

навредить, – уголки губ дрогнули, обнажая острые клыки, – пожалеешь.

Она мгновенно изменилась в лице: улыбка исчезла, как дым на ветру, во взгляде мелькнуло что-то, похожее на страх. Хорошо. Она помнила, на что я способна.

– Полагаю, – выпрямилась, демонстративно повернулась боком, скрестила руки на груди, – ты пришла не ради меня?

– Нет, – я кивнула, стиснув зубы до скрежета. – В городе орудует серийный убийца. А я не могу напасть на его след.

– Причём здесь я?

– Ты лучшая в убийствах и...

– Это комплимент? – перебив на полуслове, она высокомерно улыбнулась, в глазах плясали опасные огоньки. – Редкость для тебя.

– Поэтому я хотела попросить тебя помочь.

Она окинула меня взглядом, словно товар, и медленно вышла из-за стойки. Движения были грациозны, как у большой кошки, каждый шаг – продуманным. Подошла вплотную, обняла. Прикосновение было холодным, неприятным – как у мертвеца.

– Зачем тебе этот ненормальный? – прижалась сильнее, дыхание коснулось уха – ледяное, пахнущее кровью. – Проведи лучше время со мной...

Внутри проснулись старые чувства, которые давно превратились в отвращение к самой себе. Когда-то, века назад, я думала, что знаю, что такое любовь. Катерина была красива,

опасна, непредсказуема – всё то, что привлекало молодую и глупую Ерсель Розенкрофт. Но то, что я приняла за страсть, оказалось – неизлечимой болезнью.

– Ты что-то знаешь? – я с раздражением отстранилась, расцепив её руки, кожа словно горела там, где она касалась. Тошнота подступила к горлу.

– Может быть, – она кокетливо подмигнула, играя со мной, как кошка с полумёртвой мышью.

Катерина привычно думала только о себе, выгодно использовала любую возможность для манипуляций. Каждое мгновение рядом с ней было пыткой. Внутри полыхало пламя гнева и ненависти – эмоции, которые она умела разжигать мастерски.

– Достаточно пустых игр! – я импульсивно схватила её за горло. Шаг ближе. Рывком прижала спиной к прилавок, чувствуя, как стекло витрины трещит под давлением. – Если знаешь об убийце...

– Ты такая нетерпеливая... – она прищурилась, прикусила нижнюю губу. Злость лишь раззадорила. Я забыла, что насилие её возбуждает. – Напоминает старые времена, – подняла руку с театральной медлительностью.

Между пальцев – чёрная карточка с готическим шрифтом:

«АЛМАЗ»

«VIP»

Я отстранилась, попыталась взять её, но Катерина виртуозно убрала руку за спину – движение было плавным, как у змеи, уходящей от удара.

– Не так быстро, – улыбнулась, голос прозвучал как шёлк, пропитанный ледяной водой. – Отдам, за... желание.

Я посмотрела с упреком. Тяжёлый вздох. Она привычно и нагло манипулировала мной. Ни угрызений совести, ни вины. Всегда любила театральность. Но вся эта игра ради пустого эффекта.

В крови вспыхнуло что-то тёмное – пламя, которое умела разжигать одним прикосновением. Нежное касание пробудило бурю противоречивых эмоций: привязанность и ненависть, наслаждение и отвращение – дьявольские чувства, от которых невозможно избавиться.

– Кхм... Кхм... – внезапно послышалось за спиной.

Пронзительный взгляд Вальтера был холоднее зимнего ветра. Он наблюдал со стороны за происходящим, сжав кулаки, и едва сдерживал гнев, смешанный с презрением.

По спине пробежал холодок стыда. Я отпустила Катерину, шаг назад, отвернулась. Не хотелось, чтобы он видел мою слабость перед ней, уязвимость, которую так старательно скрывала.

А ей? Напротив. Казалось, этой стерве даже нравилось происходящее. Она питалась напряжением, наслаждалась каждой секундой моего унижения, смаковала власть, как до-

рогое вино. И это вызывало только больше отвращения к самой себе.

– Смелее, – она подняла руку, грациозно поманила его ближе, голос был опасно сладким. – Присоединяйся. Так будет... интереснее.

– Нет, откажусь. Это не... – он осёкся, опасаясь спровоцировать, но в голосе слышалась сталь.

– Пойдём, Вальтер, – я воспользовалась моментом, выхватила из её руки карточку. Она не сопротивлялась – улыбка говорила, что получила то, что хотела. Повернулась к выходу, каждый шаг был борьбой с желанием обернуться. – Мы здесь закончили.

– Увидимся! – её смех преследовал, как эхо из преисподней, а запах – жасмин, смешанный с чем-то металлическим – ещё долго витал в воздухе, напоминая о том, что некоторые грехи никогда не отпускают.

Дверь захлопнулась за нами с фатальностью выстрела. В кармане лежала чёрная карточка – ключ к разгадке. Но цена, которую пришлось заплатить, оставила во рту привкус пепла и сожаления.

###

Мысли кружились, как воронье над падалью. Я шла размеренным шагом вдоль шумной улицы, и каждый звук врезался в сознание, как осколки разбитого стекла. Город не за-

молкал даже на мгновение, его пульс бил в асфальте, в стенах домов, в лицах прохожих.

Рёв автомобилей смешивался с суетой и стуком каблучков по асфальту – симфония урбанистического ада, где каждая нота пропитана выхлопными газами и человеческим отчаянием.

– *«Катерина...»* – одно её имя оставляло во рту привкус пепла и крови. – *«Ненавижу просить её о помощи, но она единственная, кто может знать о таких вещах...»*

Обращаться к ней было унижительно – всё равно что добровольно шагать по раскалённому стеклу босиком. Каждое слово и взгляд в её сторону отдавались болью в груди и ядовитой волной ненависти, сжимающей горло. Но...

Она – владелица элитного ночного клуба, и знает почти всё, что скрывается в тених города. За безупречным фасадом её империи развлечений простирается сеть связей, от салонов высшего света до самых тёмных углов преступного мира. Но верить, что «просто так» всё расскажет? Наивно. У неё всегда была цена, и платить приходилось не деньгами, а собственной душой.

– *«Я вновь возвращаюсь к тебе...»* – мысль обожгла, как раскалённый нож по коже, оставляя невидимые шрамы.

Веками я стремилась её забыть, вычеркнуть, как неудачную страницу из книги жизни, написанной болью. Надменный вид, лживый взгляд и пустая улыбка вызывали волну ненависти и отвращения, которая поднималась из самых глу-

бин души – там, где прячутся демоны, которых не решаются выпустить на свет.

Пальцы сжались в кулаки, всё ещё чувствуя её пульс под кожей, горячий и предательски живой. Там, в ателье, хотелось забрать её жизнь, сломать, разорвать, как однажды она поступила со мной. И всё же не могла забыть обжигающие прикосновения – проклятая память, которая не давала покоя, словно заноза в сердце, которую невозможно извлечь.

Вальтер шёл впереди, его силуэт казался призрачным в дымке выхлопных газов. Взгляд задерживался на проезжающих мимо машинах, людях – он пытался отвлечься от тревожных мыслей, но плечи были напряжены, как струны. Внезапно остановился, повернулся – движение резкое, как удар кнута.

Взгляд был полон разочарования и чего-то большего – боли предательства, которая жгла сильнее кислоты. Рот приоткрылся, но слова застряли в горле.

– Тебя что-то беспокоит? – я остановилась в шаге от него.

– Это... – он прерывисто выдохнул, плечи дёрнулись, кулаки сжались, – неправильно. Всё, что я наблюдал...

Его раздирали противоречия, как буря в душе праведника, впервые столкнувшегося с реальностью греха. Рождённый в прошлом веке и воспитанный в религиозной семье, где мир делился на плохое и хорошее, он злился, презирал меня. Но что-то в глубине глаз говорило о другом – болезненном понимании: мир не чёрно-белый, а сотканный из оттенков

серого, каждый из которых пропитан кровью.

Я спрятала руки в карманы плаща, повернув голову, посмотрела вдаль, где город терялся в дымке смога и человеческих грехов. Понимала: ему неприятно. Но эгоизм шептал холодными губами: «*Это не его дело*».

– Мы с Катериной не такие, как ты, – голос прозвучал с холодным безразличием зимнего ветра. – Смертные постоянно загоняют себя в рамки морали и правил, строят клетки из собственных... принципов. Иные – свободны от этих пустых условностей.

– Но... – он сжал губы. – Вы ведь тоже были... человеком...

– «*Человеком...*» – мысленно повторила я, – «*Ах, Вальтер...*»

Поглощённый пустыми ожиданиями, он чувствовал себя преданным. Клетка морали сжималась вокруг, не давая вздохнуть полной грудью. Он хотел верить, что всё это – недоразумение, дурной сон, от которого можно проснуться.

Эта наивность одновременно притягивала и раздражала, словно свет свечи в пещере – красивый, но бесполезный против окружающей тьмы. Я не хотела делать его немым участником неприятной сцены. Но играть в моралиста? Генералу, убивавшего по первой прихоти? Лицемерие, достойное самых мрачных пьес Шекспира.

Я устала притворяться. После встречи с Катериной все маски треснули, как лёд под весом правды. Зачем скрывать

то, что он и так знает? Не ради жестокости, а его же безопасности.

Медленный шаг, ещё. Подошла вплотную, взяла за руку, прислонила её к своему лицу. Холодное прикосновение заставило его вздрогнуть, словно по коже провели кусочком льда. Он отвернул голову, пытался отстраниться, мышцы напряглись в попытке бегства. Безуспешно.

– Что ты чувствуешь? – голос прозвучал отстранённо, как из склепа. Превозмогая боль, он промолчал, челюсти сжались в немой борьбе. – Глупо упорствовать, Вальтер, – сжала пальцы чуть сильнее, чувствуя, как под кожей пульсирует его страх. – Я могу заставить тебя ответить...

– Холод... – дрожь прокатилась по его телу волнами, как предсмертная агония. – Страх...

Слова были излишни – он всё понял. Холодная бледная кожа, пронзительный звериный взгляд, и неестественно длинные клыки, от которых охватывает первобытный ужас...

Иные – хладнокровные убийцы, которым чужда мораль, сострадание. Мы – твари из кошмаров, ставшие реальностью в мире, где свет давно погас.

Я отпустила его, молча прошла мимо, направилась вдоль улицы. За спиной слышались неровные шаги – он следовал, но держался на расстоянии, словно боялся приближаться к хищнику, который может в любой момент показать клыки.

###

Город мелькал вокруг – равнодушный, вечный. Вальтер смотрел на меня иначе теперь. Не с восхищением, не с доверием – с осторожностью человека, который вспомнил, что идёт рядом с хищником.

Я не пыталась исправить это. Правда всегда лучше, чем иллюзии, даже если она режет острее, чем любое лезвие.

В конце квартала притаилась небольшая кофейня – островок света в океане городской тьмы. В воздухе витал запах свежемолотых зёрен, смешанный с ароматом корицы и чем-то домашним, почти забытым. Мы с Артуром часто заходили сюда между сменами – это было наше убежище от хаоса города и кошмаров улиц.

Круглые столики с резными стульями недалеко от входа приглашали насладиться иллюзией уюта. Я села за ближайший, позвонила в небольшой серебряный колокольчик, стоявший справа. Мелодичный звон разрезал тишину.

Минута. Две. Из стеклянных дверей вышел официант – молодой парень с добрыми глазами и руками, помнящими честный труд.

– Доброго дня, госпожа Ерсель, – он подошёл ближе, лицо озарилось улыбкой, искренней, как детский смех.

– Привет, Томас, – я кивнула, ощущая, как напряжение в плечах слегка отпускает в знакомой обстановке. Здесь я могла позволить себе роскошь – притвориться человеком.

Он улыбнулся, посмотрел на Вальтера с любопытством, которое пытался скрыть за профессиональной вежливостью.

– Этот господин с вами? – снова посмотрел на меня.

Вальтер стоял в нескольких шагах, охваченный сомнениями, не решался подойти, словно невидимая стена из страха и отвращения отделяла его от нашего столика.

– Не знаю, – я пожала плечами, чувствуя горький привкус правды на языке. – Ты со мной... – посмотрела на него, – Вальтер?

Он отвёл взгляд, неловкость сжимала грудь железными тисками. Неуверенный шаг, ещё один – робко присел напротив. Движения скованные, как у человека, который боится разбудить спящего дракона.

Томас не стал вдаваться в расспросы, молча положил перед нами меню – белые страницы с чёрными буквами.

– Спасибо, – Вальтер опустил голову. Взгляд скользил по строчкам, выискивая что-то знакомое в этом чужом мире.

Он сделал неожиданный выбор – кофе по-венски с взбитыми сливками и корицей. Хрупкий вкус ностальгии, смешанный с тревогой мирных улиц, которых больше не существует.

Томас записал заказ в потёртый блокнот, посмотрел на меня с ожиданием.

– Мне как обычно.

– Хорошо, – кивнул, забрал меню. Повернувшись, удалился готовить напитки, шаги эхом отдавались от брусчатки.

В свои двадцать три года Томас был воплощением молодости: широкие плечи, спортивное телосложение, пепельные волосы и изумрудно-зелёные глаза, которые светились добротой. Открытое лицо с тонкими чертами и дружелюбный характер напоминали мне владельца кофейни. Моего давнего друга – Михаэля.

Время словно повернулось вспять, как заводная игрушка, пущенная в обратную сторону. Мы познакомились на закате войны, когда мир ещё пах порохом и кровью, а смерть была ежедневной гостьей за каждым столом.

В то опасное время он служил в Алом Кресте. Он был отменным поваром, и обладал поразительной интуицией, граничащей с магией – с лёгкостью фокусника завоёвывал доверие окружающих, находя ключи к самым заржавевшим замкам человеческих сердец.

Я не стала исключением. Когда другие видели во мне только хладнокровного убийцу и оружие войны, он полюбил всем своим добрым сердцем, не требуя ни объяснений, ни оправданий.

После победы он переехал в Вену, и открыл небольшое кафе. Но время – безжалостный хищник, пожирающий всё живое. Сейчас ему уже перевалило за девяносто, и дело на внучатом племяннике, который по остроумию и харизме пошёл в дедушку.

Томас вынес заказы, поставил перед нами дымящиеся чашки – белый фарфор, как кости на чёрном бархате и по-

желав приятного аппетита, вновь удалился, оставив наедине.

Аромат свежемолотого кофе окутал столик, как тёплое одеяло воспоминаний. Вальтер опустил голову, недоверчиво посмотрел на чашку, поднял её дрожащими пальцами, и неуверенно сделал глоток.

– Очень... вкусно, – лицо озарила искренняя улыбка, первая за весь этот проклятый день. В голосе прозвучали сдержанные нотки радости – как солнечный луч, пробившийся сквозь грозовые тучи.

Его спокойствие было заразительным, как болезнь, которую хочется подхватить. Мои пальцы обхватили чашку, чувствуя приятное тепло – единственное в моём холодном мире. Аромат молока, смешанный с едва уловимой горчинкой кофейных зёрен, отвлёк от терзающих мыслей, как морфий от боли.

Я перевела взгляд вдаль: асфальт усеян красочными листьями – красными, оранжевыми, зелёными. Они сплетались в лоскутное одеяло осени, прикрывающее уродство города. Отдалённо слышался тихий шум – голоса прохожих, смех, лай собак – симфония жизни, которая продолжается, несмотря ни на что.

Внутри воцарилась хрупкая безмятежность – иллюзия, что мы с Вальтером вновь сидим за ароматным кофе, вдвоём, как в далёкие времена, когда мир казался проще, а будущее – предсказуемым.

– Простите, – он прервал неловкое молчание, голос зву-

чал тише обычного. – Я повёл себя грубо в ателье. Мои слова... – внезапно запнулся, вина застыла комом в горле. – Я не должен был так говорить...

Его бархатный голос отвлек от воспоминаний, вернув в настоящее – жестокое, безжалостное, не знающее пощады.

– Забудь об этом, – я отмахнулась, стараясь скрыть досаду. – Всё в порядке.

– Забыть? – в его взгляде читалось болезненное непонимание. – Вам... безразлично?

– Нет. Не хочу спорить с правдой.

– Правдой? – он слегка растерялся, наклонился вперёд, как молящийся перед алтарём. – О чём вы?

– Ты прав, Вальтер, – слова выходили медленно, каждое причиняло боль. – Таким, как я и... Катерина, безразличны чувства окружающих. Мы отнимаем жизни по прихоти, манипулируем, словно вокруг безропотные марионетки в кукольном театре смерти. Мы – чудовища, скрывающие смертоносный оскал за улыбкой.

– Но... – он несогласно нахмурился, сжал кулаки на столе, – вы служите в полиции, помогаете людям, пытаетесь поймать опасного маньяка. Как можете такое говорить?

Я усмехнулась, ирония звучала горько, как полынь на языке: полицейский клянётся помогать, защищать других, карать и наказывать зло. Он – непоколебимый и храбрый страж справедливости. Но...

В отличие от Артура, для меня работа в полиции – не при-

звание, а средство достижения собственных целей. Справедливость? Закон? Невинные жертвы? Пустое эхо над бесконечной пропастью человеческой глупости.

Я одержима жаждой насилия, с наслаждением причиняю боль. Прихожу в восторг, наблюдая, как обвиняемые испытывают страх на допросе, как их наигранная бравада рассыпается в прах, стоит немного надавить: предъявить пару хрупких улик или разыграть спектакль с «призрачными» свидетелями.

– Не строй наивных иллюзий, Вальтер, – голос звучал ровно, но внутри что-то сжималось, как рана, на которую насыпали соль. – Я гоняюсь за этим психопатом только потому, что он задел самолюбие. Убитые девушки мне... безразличны.

Слова жгли язык, как раскаленные иглы. Я хотела, чтобы он отвернулся, перестал смотреть на меня с этой болезненной надеждой. Лучше пусть видит во мне монстра – так безопаснее для всех.

– Безразличны? – голос звучал тихо, почти шёпотом, но в нём мелькали нотки разочарования и... неверия? – А... Артур?

– Артур... – я покачала головой, посмотрела на усыпанную листвою улицу, где жизнь текла своим чередом, не подозревая о тьме, которая скрывается в её глубинах. – Он безнадёжен. Двенадцать лет в полиции, а все еще верит в правосудие...

Разговор прервался. Вальтер тяжело вздохнул, стараясь скрыть досаду, опустил взгляд, уткнулся в чашку, словно ища в кофейной гуще ответы на мучившие вопросы.

Разочарование читалось в каждой линии лица, как в открытой книге. Я знала, что его беспокоит. Знала этот взгляд. Когда-то он считал меня идеалом: заместитель шефа Департамента Имперского Порядка, генерал армии и старший детектив, с лёгкостью раскрывающий одно сложное дело за другим...

Он равнялся на меня, восхищался, стремился во всём подражать. А затем узнал шокирующую правду: его «кумир» – опаснее всех, от кого стремился очистить улицы некогда родного города.

Ближе к вечеру, когда тени стали длиннее, а воздух холоднее, как дыхание смерти, хрупкий покой разбился вдребезги. Мелодия телефона прорезала тишину кофейни, как нож по шёлку – резко, безжалостно, возвращая из мира грёз в жестокую действительность.

Возвращение в реальность было болезненным, как пробуждение от анестезии. Иллюзия безмятежности растаяла, словно её и не было, уступив место привычной тяжести – работе, убийствам, охоте.

– Я кое-что нашёл, – произнёс Артур, в голосе слышалось возбуждение охотника, напавшего на след добычи. – Встретимся в 15 районе.

###

Машина ехала медленно, пробираясь сквозь вечерний трафик, как червь сквозь гнилое яблоко. Мы свернули на узкую дорогу, где фонари горели тускло, словно стыдясь освещать то, что творилось в тенях.

Рудольфсхайм-Фюнфхаус цеплялся за жизнь, как ржавый гвоздь в гниющей доске, источая смрад разбитых надежд и мёртвых мечтаний. Здесь, в лабиринте обшарпанных улиц, копошились призраки – мигранты с потухшим взором, наркоманы с пустыми глазами, выжженными кислотой, проститутки, чьи души истлели дотла.

Полицейские сухо именовали его «очагом преступности», но за этой казённой формулировкой билось сердце трагедии – обнажённое, уродливое, пульсирующее болью искалеченных судеб.

Главная улица, окутанная полумраком осеннего вечера, представляла воплощение урбанистического чистилища: облупившиеся фасады домов смотрели слепыми окнами, в трещинах асфальта валялись окурки и осколки разбитых бутылок, а между плитами прорастали сорняки – единственные живые существа, которые не сдавались в этом царстве запустения.

Воздух был пропитан густым, вязким коктейлем из дешёвого алкоголя, прогорклого пота и чего-то ещё – сладковатого, тошнотворного, как привкус ядовитой крови на языке.

У стены с облупленной неоновой вывеской «Эдем» – ирония, которую понимали только местные грешники – стоял Артур – ангел справедливости, по ошибке завернувший в адские гущи.

Рядом переминался с ноги на ногу невысокий смуглый мужчина – сгорбившийся, с дрожащими руками. Когда мы подошли, он вздрогнул – движение резкое, как удар током. Карие глаза метались из стороны в сторону, зрачки расширились от страха.

Пальцы, покрытые старыми ожогами – шрамами от сигарет или чего похуже – нервно теребили рукав выцветшей толстовки. На запястье виднелись свежие следы от лезвия – тонкие красные линии, как подписи отчаяния. Лицо распухло, под правым глазом – свежий синяк.

– Представишь своего нового... друга? – мой взгляд скользнул по незнакомцу, считывая каждую деталь: закрытая поза, руки скрестились на груди, плечи поднялись к ушам – всё так и кричало: *«Я вам не доверяю, и у меня есть на то веские причины»*.

– Да, конечно, – Артур кивнул, голос звучал сдержанно, но я уловила тонкие нотки тревоги, которые он пытался спрятать за маской профессионального спокойствия. – Познакомьтесь, – едва заметно кивнул в сторону мужчины, – Лайн Векс, – взгляд метнулся ко мне. – Он знал Софию Мартин.

Лайн коротко кивнул, будто опасался, что лишнее движе-

ние привлечёт беду. Губы дёрнулись в попытке что-то сказать, но слова застряли где-то в горле. После долгой паузы, тяжёлой, как надгробная плита, он выдавил из себя:

– Я знаю... знал... её.

Полицейские для него были не людьми, а – угрозой, от которой не спрятаться даже в самых тёмных углах города. Но в голосе звучал не только страх, но и усталость – глубокая, как у человека, который слишком долго не спал от ночных кошмаров.

Разговор шёл тяжело, каждое слово приходилось вытягивать раскалёнными щипцами. Габриэль, а точнее – София Мартин, приехала в Вену с чемоданом надежд, но они быстро превратились в тяжёлый груз разочарований.

Она мечтала о сцене, свете рампы, аплодисментах – жизни, которую показывают в кино. Но отказ за отказом и стресс съедал её изнутри, и вот уже искусство сменяется стеклянным блеском в глазах, а потом – дозой. А когда платить стало нечем – работой на улице, где мечты окончательно умирают.

Её сутенёром и дилером был Туз – местный наркоторговец – имя, что шептали в тёмных закоулках с презрением и едкой насмешкой, как проклятие.

– Он предложил ей работать на себя, обслуживать богатеньких клиентов за дозу, – голос Лайна дрожал, как осенний лист на пронизывающем ветру. Рука невольно сжалась в кулак, ногти впились в ладонь, оставляя полумесяцы на коже. – Обещал золотые горы... как всегда.

– А кто это? – Вальтер сдвинул брови, челюсть напряглась. Голос прозвучал глухо.

– Да никто, – Артур отмахнулся, в голосе сквозило неприкрытое презрение. – Мелкая сошка, возомнившая себя «мафиози». Жалкая пародия на криминального авторитета.

Я усмехнулась, чувствуя, как уголки губ дрогнули в холодной улыбке. Туз... Если только в рукаве шулера-неудачника. Этот «мелкий хулиган» был хорошо знаком в департаменте: низкорослый, с вечно бегающими глазками-бусинками, нервными, как у крысы в лабиринте.

Он попадался на побоях, паре незначительных краж и торговле сомнительными веществами. Но, по сути, был дешёвым дилером, сидевшим на собственном товаре – жалкое существо, от которого разило отчаянием и дешёвым одеколоном.

Лайн замялся, взгляд стал рассеянным, будто пытался вспомнить, как дышать в мире, где воздух стал ядовитым. Слова, как обрывки старой плёнки, медленно разворачивали перед нами жуткую картину – кадр за кадром.

Незадолго до смерти у Софии появился клиент: приглашал к себе, осыпал дорогими подарками, словно принц из мрачной сказки. Но после каждой такой встречи она словно таяла – кожа становилась бледнее воска, движения замедлялись, будто что-то невидимое высасывало из неё жизненные соки по капле.

На мою просьбу уточнить детали, Лайн пояснил, что пару

раз замечал глубокие отметины на руках и теле Софии:

– Странные следы, – голос стал тише, почти шёпотом. – Не походили на обычные синяки или порезы. Они были... иными, будто оставленные чем-то чужеродным. Как от когтей, но не животных.

Воздух вокруг нас сгустился, стал тяжелее. Я почувствовала, как инстинкты напряглись – древние, звериные, те, что спасали жизнь веками.

– Туз тогда был на взводе, – Лайн выдохнул, словно с облегчением избавляясь от тяжёлого груза воспоминаний. – В последнее время у него с деньгами плохо, а София приносила неплохой доход. Он не мог позволить, чтобы кто-то её «портил», – пауза. – Проследил за ней, ворвался... и увидел такое... – голос оборвался, как перерезанная струна. Язык нервно скользнул по потрескавшимся губам. – Кровь, свечи, стены, исписанные чем-то красным... будто логово самого Сатаны. А тот тип был не в себе – глаза, как у бешеного зверя, светились в темноте.

Вальтер резко выпрямился, брови сошлись над переносицей в глубокой складке недоумения.

– Постойте, – голос прозвучал скептически, как у человека, столкнувшегося с чем-то, что не укладывается в рамки привычной логики. – Глаза не могут светиться в темноте. Вы уверены в том, что видели? Возможно, это была игра света и тени? Или... – бросил осторожный взгляд на следы от игл на руках Лайна, – наркотики могли повлиять на восприятие?

Лайн покачал головой с отчаянной убеждённо­стью:

– Нет, нет! Я тогда был чист уже два дня. Я знаю, как это выглядит, но... – пауза затянулась, по спине пробежал холодок – тот самый, что предупреждает о близости чего-то противоестественного. Лайн смотрел прямо, не моргая, и в этом взгляде было что-то сломанное, но не лживое. Правда, какой бы чудовищной она ни была. – Поверьте! Я всё видел сам! – он вдруг повысил голос, отчаянно, как утопающий, хватаящийся за последнюю соломинку. – Своими глазами!

– Что было дальше? – я наклонилась вперёд, глаза сузились, выискивая намёки на ложь.

– Мы хотели проучить его, но он... – Лайн запнулся, прижал ладонь к рёбрам, будто боль физически вернулась в тело. – Он был сильнее, чем казался. Намного сильнее. Кинулся на нас, как одержимый. Я даже не успел ничего понять!

– Это он оставил вам этот синяк? – я указала на его лицо, где фиолетовая отметина цвела, как ядовитый цветок.

Лайн кивнул, не отводя взгляда – движение резкое, судорожное.

– Я видел, как он уводит Софию. Тащил её, как куклу. Она была... странная. Живая, но будто не совсем, – голос дрогнул. – Он что-то бормотал... про проклятье крови, древние ритуалы. А потом... всё, провал. Очнулся уже на улице.

– Когда это было? – спросил Вальтер.

– Три дня назад.

– Три дня... – я почувствовала, как в голове начинают

складываться куски мозаики, но картинка выходила тревожной, неправильной, как отражение в кривом зеркале.

По заключению Мина, София была мертва не больше суток, но её пытали – живой. Временные рамки не сходились, как сломанные часы, которые отсчитывают время в никуда. Между событиями зияла пустота в два дня – чёрная дыра, в которой могло происходить что угодно.

– Значит, – Артур говорил тише, чем обычно, голос стал осторожным, как у человека, ступающего по тонкому льду, – маньяк держит жертв где-то, пытается... а потом убивает?

– Кто знает, – я пожала плечами, чувствуя, как по коже бегут мурашки – тысячи маленьких ледяных иголок. – В голове у такого... только сам дьявол разберётся, – отвела взгляд, пытаясь придумать план. – Нужно узнать, где она могла находиться эти два дня. Зброшенные здания, подвалы, склады...

Тревога сжимала виски, каждый удар пульса отдавался болью. Дело усложнялось с каждой минутой, превращаясь из простого расследования в охоту на нечто более опасное, чем обычный маньяк.

Если Лайн не солгал – убийца был умнее и изощреннее, чем мы думали. Он действовал не просто расчётливо, а с садистским наслаждением – растягивал момент агонии жертв. И кто знает, возможно, сейчас в его сети попала новая бабочка – живая, дышащая, ещё не подозревающая, что её крылья уже опалены пламенем ада.

###

Мы ехали молча, каждый погружённый в собственные мысли. Вальтер смотрел в окно, наблюдая, как трущобы сменялись ухоженными районами, грязь – блеском.

Артур вёл машину, пальцы сжимали руль так крепко, что костяшки побелели. Он был напряжён – это читалось в каждом его движении. Для него расследование всегда было охотой, но сейчас что-то было не так. Слишком много странностей, слишком много деталей, которые не складывались в логичную картину.

Я сидела сзади, перебирая в голове факты: светящиеся глаза, странные следы на теле, ритуальная атмосфера. Всё указывало на одно – убийца был не просто психопатом. Он был чем-то большим. Возможно, одним из нас.

Машина свернула на тихую улицу, окружённую высокими деревьями. Здесь даже воздух был другим – чище, спокойнее. Фонари вырезали из темноты островки янтарного света, размывая границы между уютом и тревогой.

Вокруг стояла глухая, почти вязкая тишина – неестественная для города, словно кто-то выключил звук, оставив только напряжённое ожидание. И даже ветер, казалось, не решался нарушить этот гнетущий покой, боясь разбудить спящее зло.

Артур нахмурился, взгляд скользил по фасаду двухэтажного особняка: ровные линии, идеальный газон, просторный

гараж – всё здесь кричало о достатке и безупречности – даже бассейн походил на зеркало, отражая вечернее небо, в котором уже собирались тучи.

Внутри что-то сжалось железными тисками: слишком чисто, слишком правильно, слишком... далеко от того хаоса, к которому мы привыкли на работе.

– Эл, – его голос дрогнул, – здесь что-то не так... Может, Лайн ошибся адресом? Зачем человеку из элитного района заказывать девушку с Зиммеринга?

Я подошла ближе, чувствуя, как под подошвами хрустит гравий – звук напоминал треск костей в костре. Воздух пах чем-то ещё – едва уловимым ароматом, заставляя инстинкты напрягаться.

– Не знаю, Артур, но... – голос прозвучал слишком спокойно. – Каждый способен на убийство, если дать ему достаточно власти. Особенно те, кто привык считать себя богами.

Внутри вспыхнула злость – холодная, острая, как лезвие в морозную ночь. Элита, привыкшая к безнаказанности, легко меняет правила, когда им становится скучно. Им приедается обычная жизнь, и жажда новых ощущений толкает всё дальше – наркотики, извращённые связи, мелкие преступления, которые можно замести под ковёр связями. Закон для них – просто слово, а мораль давно стала разменной монетой в игре, где ставки – чужие жизни.

Районы, где нашли Софию и жил Лайн, были чёрными дырами на карте города – там постоянно исчезали люди, и ни-

кто не задавал лишних вопросов.

Чья эта заслуга? Бандитов, мафии, моих «собратьев» – тех, кто ищет жертв на обочине жизни, как стервятники падаль. Иные веками охотятся в таких проклятых местах, где никто не станет искать пропавших. Их исчезновение – статистика, не более значимая, чем погибшие мухи на лобовом стекле.

Мы поднялись на крыльцо. Стук в дверь эхом отдался в пустоте. Второй – чуть сильнее, нетерпеливее. Третий – уже с оттенком угрозы. В ответ – только эхо собственного дыхания.

– Похоже, – Вальтер понизил голос, – хозяев нет дома. Что будем делать?

Я усмехнулась. Настал момент, который Артур ненавидел – он всегда держался за правила. А теперь должен был стать молчаливым свидетелем их нарушения, соучастником преступления, которое должен предотвращать.

– Взлом с проникновением – плохая идея, Эл... – он сжал кулаки, ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы на коже. – Мы нарушаем то, что должны защищать. Становимся теми, кого ловим.

Я скользнула по нему взглядом, на губах заиграла злая улыбка. Ох уж эти австрийцы... В такие моменты их страсть к порядку вызывала одновременно уважение и раздражение. Правила? Похвально. Но времени на бюрократию не было.

– Если там действительно убийца, каждая минута может

стоять чьей-то жизни, – мой голос стал ледяным. – Хочешь ещё один труп? Или думаешь, маньяк будет ждать пока мы подпишем... бумажки?

Артур сжал зубы. В его глазах читалась борьба – человек, для которого закон был священен, вынужден был его нарушить. Но жизни важнее процедур.

Металл отмычек холодил ладонь. Замки поддались слишком легко – не по статусу для такого дома, где каждая деталь кричала о деньгах. Либо хозяин уверен в собственной неприкосновенности, либо кто-то уже позаботился о замках до нас. И второй вариант настораживал больше.

Я проверила панель сигнализации у входа – красный глазок мигал, как капля крови в темноте, но система была отключена. На дисплее высвечивалось время: 18:47 – меньше часа назад.

– Либо хозяин забыл включить при выходе, либо кто-то знал код, – произнесла, ощущая, как по спине пробегает холодок. – Это плохой знак. Профессионалы всегда отключают сигнализацию перед... работой.

Артур наклонился к панели, изучая индикаторы:

– А если убийца вернулся сюда? Может, мы его спугнули?

Мысль была отвратительной, но логичной. Если маньяк действительно использовал этот дом как базу, он мог вернуться за чем-то важным – уликами, инструментами или... новой жертвой.

###

Дверь открылась беззвучно. Внутри встретила темнота, густая, как смола. Я нащупала выключатель – пальцы скользнули по холодному пластику. Щелчок.

Свет залил холл, но не принёс облегчения. Напротив – усилил ощущение чего-то неправильного, скрытого за идеальным фасадом.

Мы вошли медленно, каждый шаг эхом отдавался от стен. Внутри пахло дорогим деревом и кожей – ароматы власти, смешанные с чем-то едва уловимым, что заставляло кожу покрываться мурашками. Дизайнерская мебель расставлена с хирургической точностью.

Просторная кухня сияла чистотой операционной. На мраморной столешнице – цвета слоновой кости с прожилками, напоминающими вены, стояли бокалы из тончайшего хрусталя.

Барная стойка была заставлена коллекцией алкоголя: бутылки односолодового Glenfiddich⁴ и Bordeaux Château Margaux,⁵ обе наполовину пустые – свидетели недавнего праздника. Рядом прозрачный Hennessy XO,⁶ сверкающий золотом, как жидкий металл, и массивная бутылка

⁴ Шотландский односолодовый виски.

⁵ Одно из самых престижных красных вин.

⁶ Коньяк категории Extra Old, выдержка не менее 10 лет, флагманский продукт дома Hennessy.

Chartreuse⁷ с этикеткой, потёртой от времени.

На полке притаилась крошечная рюмка с остатками абсента – зелёная жидкость походила на яд, а рядом лежала коробка сигар Cohiba,⁸ будто хозяин только что вышел на минутку и вот-вот вернётся.

Ванная поражала стерильностью – белизна кафеля слепила глаза, как снег в солнечный день. На стеклянных полках флаконы Chanel,⁹ хрустальные пузырьки с маслом для бритья, баночки с французскими кремами. Всё расставлено по линейке, как в аптеке или... лаборатории.

В библиотеке – книги в кожаных переплётах: «История Австрийской Империи» Грюнберга,¹⁰ «Психология преступления» Ломброзо,¹¹ «Сумерки богов» Ницше,¹² собрание сочинений Гофмана¹³ и – томик «Демоны» Достоевского,¹⁴ ко-

⁷ Французский травяной ликер, производится монахами-картезианцами с XVIII века по секретному рецепту из 130 трав.

⁸ Кубинские сигары премиум-класса, созданы в 1966 году первоначально для Фиделя Кастро, считаются одними из лучших в мире.

⁹ Французский дом моды, основан Коко Шанель в 1910 году, символ элегантности и роскоши.

¹⁰ Австрийский историк XIX века, автор фундаментальных трудов по истории Габсбургской монархии.

¹¹ Итальянский врач-психиатр, основоположник криминальной антропологии, автор теории «прирождённого преступника».

¹² Фридрих Ницше – немецкий философ, автор концепции «сверхчеловека».

¹³ Немецкий писатель-романтик, автор мистических новелл «Песочный человек», «Крошка Цахес», сказки «Щелкунчик».

¹⁴ Русский писатель, классик мировой литературы

решок был потёрт от частого чтения.

На стенах висели гравюры с видами старой Вены – город, каким он был столетия назад, когда кровь лилась на мостовые открыто, а не пряталась в подвалах. Портрет мужчины в военной форме XIX века смотрел со стены мёртвыми глазами.

Всё выглядело безупречно, стерильно: ни пылинки, ни следа борьбы, ни намёка на насилие. Но чем дальше мы заходили, тем сильнее ощущалась фальшь – будто за идеально натянутой поверхностью скрывалось что-то гнилое, разлагающееся, источающее яд.

– Мы зря теряем время, – Артур огляделся, в голосе звучала смесь сарказма и облегчения. – Не похоже на... логово Сатаны. Скорее на музей респектабельности.

Я нехотя согласилась – он прав. Но внутри зудело беспокойство, как заноза. Что-то было не так. Слишком идеально. Слишком... чисто.

– Возможно... – сказала, всматриваясь в своё отражение в полированном стекле картины, оно казалось чужим, искажённым, – но не могу отделаться от ощущения, что мы что-то упускаем. Давай ещё немного осмотримся.

Артур сжал губы. Каждая секунда была риском. Дом казался пустым, но перспектива объясниться с владельцем не радовала. Застань нас хозяин по возвращении – скандал будет громче новогоднего фейерверка, а последствия – страшнее электрического стула.

Я ещё раз обошла комнаты, тщетно ища хоть что-то, выбивающееся из стерильного порядка. Отсутствие зацепок злило и настораживало. Полагаться на слова парня, работавшего на «побегушках» у мелкого дилера, глупо. Но инстинкты, отточенные веками, подсказывали: Лайн не лгал.

Даже самый осторожный преступник оставляет следы – царапину на полу, пятно крови, забытую вещь. Любая деталь не на своём месте могла стать ключом к разгадке серии жестоких убийств.

Я закрыла глаза, доверившись интуиции, которая спасала жизнь сотни раз. И вдруг – В нос ударил едва различимый запах: ядовитый, тошнотворный, знакомый, как собственное отражение в зеркале – мёртвая кровь.

– *«Где ты прячешься, милый белый кролик...»* ¹⁵

След тянулся от дальней части дома, словно невидимая нить, ведущая в преисподнюю. Я открыла дверь, увидела лестницу, ведущую вниз – в темноту, которая дышала чем-то ещё более зловещим.

– Просто... подвал, – Артур пожал плечами, но голос выдавал напряжение. Каждый инстинкт кричал «Уходи!», но долг требовал проверить. – В таких домах это не редкость.

– Что ж, – я улыбнулась, чувствуя, как инстинкты хищника проснулись, требуя найти источник, – удостоверимся в твоей правоте.

¹⁵ Аллюзия на Белого Кролика из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла.

###

Ступени вели вниз, в темноту, которая казалась живой – дышащей, ждущей. Я сделала первый шаг, доски скрипнули под ногами, как кости в старой могиле. Холод поднимался снизу, обволакивая ноги, как ледяные пальцы.

Воздух был сладковато-гнилостным, с металлическим привкусом крови – так пахнет мясная лавка в летний зной, когда отключили холодильники и плоть начинает превращаться в пир для червей.

Артур, прикрыв нос рукой – жест защиты от неизбежного – освещал путь телефоном. Синеватое свечение экрана превращало его лицо в маску призрака. Пальцы дрожали от предчувствия – того животного инстинкта, который кричит: «Беги! Не смотри! Некоторые вещи лучше оставить в темноте!»

Он потянулся к выключателю на стене. Свет резанул по глазам – безжалостный, как хирургический скальпель, открыв картину, которая врежется в память навсегда. Мы с Вальтером замерли, как статуи в музее ужасов, где экспонаты слишком реальны, чтобы быть искусством.

– Боже мой... – голос Артура сорвался, мобильник едва не выскользнул из ладоней.

В центре комнаты – мужчина, привязанный к стулу верёвками, которые впились в плоть, оставляя борозды. Когда-то дорогой костюм представлял кровавые лохмотья. Пол

вокруг пропитался чем-то тёмным, липким, что блестело в свете лампы, как чёрная патока.

Но самое ужасное было выше – там, где должно быть... лицо. Оно было обезображено до неузнаваемости, словно плоть рвали когти дикого зверя – или чего-то более страшного. На шее – широкая рана от зазубренного лезвия – попытка отделить голову от тела, прерванная или оставленная незаконченной для большей жестокости.

К горлу подступила тошнота – от звериной ярости, с которой действовал убийца. Это был не просто человек, потерявший контроль. Это было нечто, что наслаждалось болью, смаковало каждый вздох агонии, превращало смерть в болезненное искусство.

Взгляд медленно скользнул по увечьям, читая историю пыток, написанную кровью на мёртвой плоти. Подушечки пальцев срезаны с хирургической точностью – убийца не хотел, чтобы жертву опознали по отпечаткам. Сквозь разорванную рубашку виднелись внутренние органы – работа того, кто либо знает анатомию, либо просто любит копаться в человеческих потрохах, как садовник в компосте.

И повсюду – следы отчаянной борьбы: глубокие царапины на полу, будто когти попытались зацепиться за жизнь. Сломанный ноготь в трещине деревянного стула – последний акт сопротивления. Брызги крови на стенах – хореография садизма.

Артур медленно подошёл ближе, дыхание было поверх-

ностным, прерывистым – лёгкие отказывались принимать воздух, пропитанный смертью. Пот выступил на лбу, несмотря на холод в помещении. И вдруг тишину нарушил едва уловимый шелест – звук, похожий на взмах крыльев летучей мыши.

Сердце пропустило удар, отозвавшись болезненной пульсацией в горле. Кровь стыла в жилах, как ртуть в разбитом термометре. Мы переглянулись – в глазах друг друга отражение страха – и одновременно выхватили оружие. Металл был холодным, успокаивающим, знакомым.

– Артур, – я жестом дала сигнал, голос стал ледяным, – прикрывай тыл.

Вальтер остался позади, прижавшись к стене, лицо побледнело. В глазах плясали тени – воспоминания о других временах, других войнах, где смерть носила тысячи масок.

Я направилась к ширме в углу – тёмная ткань колыхалась, словно за ней дышало что-то живое. Или что-то, что когда-то было живым... Шаг. Ещё. Доска скрипнула под ногами – звук отдался эхом в черепе.

Рука потянулась к ткани – и внезапно нечто сбило меня с ног ударом невероятной силы. Мир перевернулся, воздух вылетел из лёгких, по рёбрам прокатилась горячая волна боли.

Силуэт мелькнул в полумраке – тень, обретшая плоть, движущаяся со скоростью, недоступной смертному. В воздухе повис запах чего-то дикого, звериного – мускус хищника,

который слишком долго охотился в темноте.

Артур выстрелил – грохот в замкнутом пространстве ударил по барабанным перепонкам, гильза звякнула о пол, как монета, брошенная в пустой колодец. Короткий вскрик – не человеческий, а что-то среднее между рычанием зверя и во-ем ветра в заброшенном доме.

Артур замер, дуло пистолета дрожало в руке. Глаза расширились, зрачки сузились до булабочных головок – реакция мозга, который отказывается принимать увиденное.

– Человек... человек так быстро двигаться не может, – прошептал он, голос сорвался на шёпот. – Что это было? Эл, ты видела? Как он... как это возможно?

Рука с пистолетом опустилась, пальцы разжались и сжались снова – попытка восстановить контроль над реальностью, которая вдруг перестала подчиняться привычным законам.

Враг пошатнулся, но остался на ногах – движение было слишком плавным, слишком контролируемым для раненого. Зажал рану на плече, метнулся к выходу с нечеловеческой ловкостью, словно гравитация была – лишь вежливой просьбой.

Я вскочила, преодолевая головокружение и боль – каждый вдох отдавался ножом под сердцем – и бросилась следом. Кровь стучала в висках, сердце билось, как молот по наковальне времени.

Беглец двигался, как призрак – быстро, почти бесшумно.

Только тень на стенах и лёгкий запах крови намекали: это не галлюцинация.

– Артур! – крикнула, остановившись у подножия лестницы. Воздух всё ещё дрожал от присутствия чего-то противоестественного. – Не стой столбом! Вызывай подкрепление!

Но в глубине души знала: обычным полицейским с таким не справиться. Такой уровень подготовки и скорость – это спецназ, или кто-то ещё хуже. Наркоман на стимуляторах? Профессиональный убийца с военной подготовкой? Но почему тогда этот запах... почему каждый инстинкт кричал, что мы столкнулись с чем-то... неправильным?

###

Сердце колотилось в груди бешеным ритмом. Ноги несли вперёд, инстинкты взяли контроль – древние, отточенные веками охоты. Беглец уже скрылся за углом дома, но след крови тянулся за ним алой нитью – обвинительный приговор, написанный на асфальте.

Артур остался внизу – я слышала, как он кричит что-то в телефон, вызывая подкрепление. Голос звучал напряжённо, с нотками паники, которую пытался скрыть за профессиональной сдержанностью. Вальтер... стоял у трупа, смотрел на изуродованное тело с выражением человека, который видел подобное раньше, но так и не смог к этому привыкнуть.

Мне было не до них. Добыча убегала, а я не привыкла те-

рять то, что уже считала своим.

Но силы стремительно покидали тело, словно утекая через невидимые раны. Каждый шаг – пытка, написанная огнём на костях. Я едва поспевала за незнакомцем. Он превратился в тень, скользящую между фонарными столбами. Плечо жгла рана от выстрела Артура, но упорно держался впереди – звериная выносливость? Или последний рывок перед падением в бездну?

Спящие дома с тёмными окнами остались за спиной, превратившись в молчаливых свидетелей ночной охоты. Погоня оборвалась в небольшом парке, где тени деревьев сплетались в причудливые узоры под мертвенно-бледным светом фонарей. Ветви корчились, как пальцы, цепляясь за клочья тумана.

Я окончательно потеряла его из виду. Остановилась, чувствуя, как лёгкие горят изнутри. Погоня вымотала – каждая мышца ныла. Злость – горячая, липкая – kloкотала в груди. Но незнакомец ранен – моё преимущество.

Глубокий вдох. Выдох. Ещё раз. Закрыла глаза. Металлический привкус крови застыл в воздухе невидимой нитью – запах, который не спутаешь ни с чем.

– *«Нашла...»*

След вёл туда, где ночь становилась гуще. Впереди показались очертания аварийного здания – скелет из бетона, окружённый забором – зубы в пасти великана. В воздухе витал резкий коктейль: металлическая ржавчина смешивалась

с мокрой грязью и чем-то кислым, заставляющим морщиться от отвращения.

Повсюду валялся мусор: обломки металлической арматуры торчали из земли, как сломанные кости после неудачной операции. Разбитые окна заколочены досками крест-накрест, превращая здание в слепое чудовище. Под ногами хрустели осколки стекла, впиваясь в подошвы.

Внезапно – издали донёсся тихий шум: приглушённые голоса, шорох одежды, лязг металла – симфония насилия. В свете тусклого фонаря мелькнули силуэты – трое мужчин в тёмной форме и полицейских доспехах. На правом плече каждого – шеврон: роза с кинжалом – символ, от которого обострилось желание убивать.

– Инквизиторы... – я оскалилась, чувствуя, как клыки царапают губы. Сердце сжалось – горячим, пульсирующим – узлом ненависти. Во рту появился горький привкус желчи – вкус старых счётов. Эти крысы всегда появлялись в самый неподходящий момент, словно чуяли кровь за версту и слетались на запах смерти. – Вас ещё не хватало...

Ии лица скрывали капюшоны и маски, но не узнать адептов Алого Ордена мог только слепец – они двигались с той особой грацией хищников, которые знают себе цену и никогда не сомневаются в своём превосходстве – уверенность палачей.

Ситуация стремительно накалялась, как воздух перед грозой. Взгляд выхватил из полутьмы ещё один силуэт – мой

беглец.

Он пошатывался на дрожащих ногах, словно новорождённый жеребёнок, медленно перевёл взгляд с одного врага на другого. Губы искривились, обнажив острые клыки – последнее оружие загнанного зверя.

Угроза прозвучала пустым звуком. Но моё внезапное появление нарушило их план – инквизиторы рассчитывали на лёгкую добычу, одинокого и истекающего кровью беглеца. Привыкшие охотиться на слабых иных, не ожидали встретить того, кто знает, как убивать... профессионально.

Самоуверенность сыграла с ними злую шутку. Один из инквизиторов – самый крупный – молниеносно кинулся вперёд, не дождавшись сигнала товарищей. Быстрый. Ловкий, как змея перед смертельным укусом. Клинок описал дугу, рассекая воздух со свистом.

Но парень увернулся – инстинкт оказался сильнее слабости. Неглубокая рана полоснула по руке красной линией, как подпись на приговоре. Отпрянул назад, новая волна слабости накатила, как ледяной прилив. Тяжело рухнул на колени – звук глухой, но не окончательный. Капли крови упали на серый асфальт.

Расклад? Очевиден: полуобморочное состояние, дыхание сбилось, взгляд затуманился, руки дрожали. Сражаться с тремя умелыми противниками? Смешно. Беспомощная овца, окружённая голодными волками.

Противник ехидно усмехнулся – холодная улыбка пала-

ча, который знает, что работа почти закончена. Самоуверенный, с угрожающей поступью хищника – играет с добычей. Перехватил клинок в ведущую руку. Медленный шаг, ещё. Наслаждался страхом жертвы.

Что делать? Вариантов немного. Бросать открытый вызов инквизиторам – чистое сумасшествие. Но отдавать свою добычу этим фанатикам? Никогда. У меня есть вопросы к этому беглецу, а мёртвые не отвечают.

Я поспешила вмешаться, усталость отступила перед инстинктами – адреналин пробудил спящую мощь, которая дремала в венах. Столетия сражений не проходят даром: раненый хищник опаснее здорового – ему ничего терять.

Бесшумный шаг, ещё – тень, скользкая по краю реальности. Застала врага врасплох – зашла ему за спину, как призрак, материализовавшийся из самых тёмных углов ночи.

Он стал лёгкой жертвой собственной самоуверенности, потерял бдительность в момент торжества. Выпад. Враг отлетел в сторону, ударился о груды кирпичей. Глухой звук ломающихся костей. Взыл от боли.

Остальные, став свидетелями нападения, насторожились – движения стали резче, взгляды – цепче.

– Ничтожество! – прокричал один, голос дрожал от ярости и неверия. – Как смеешь бросать нам вызов?!

Другой окинул меня взглядом, полным угрозы и презрения – человек, который привык видеть только трупы. Разгневанный вмешательством, обнажил кинжал – лезвие блеснуло

в свете фонаря, как молния. Стремительный шаг. Кинулся в атаку. Опрометчиво. Глупо.

Звон лезвия о лезвие. Хаос металла и плоти. Металлический запах крови и страха повис в воздухе, как невидимый туман. Я едва успевала уклоняться от импульсивных выпадов – каждый удар мог стать последним. Миг – кинжал просвистел в сантиметре от горла, оставив на коже ощущение холодного прикосновения смерти.

Инквизиторы – опасные противники, воспитанные на крови и боли. Они знают смертоносные техники, прекрасно владеют почти любым оружием – настоящие мастера боя. Убивают без сомнений, молниеносно, хладнокровно – как машины, созданные для одной цели.

Но гнев – плохой советчик в бою. Я выждала момент, когда защита ослабла. Заход с уязвимого фланга, подсечка, точная, как удар гильотины. Он упал, ударился спиной о твёрдую землю. Глухой звук вырвался из горла – не крик, а что-то... первобытное. Тупая боль волной прокатилась по телу. Обхватил рёбра руками, переваливаясь с боку на бок, как раненое животное.

Убивать? Нет. Пусть мучается. Пока что. Я повернулась к оставшемуся наглецу, что посмел оскорбить. Наши взгляды встретились – хищник и жертва поменялись местами. Он застыл. Рука метнулась к кинжалу на поясе. Поздно. Слишком поздно.

Полностью бессильный перед стремительным натиском,

даже не успел понять, как оказался в тисках безжалостной смерти.

Наигранная бравада рассыпалась в прах, как карточный домик под ураганом. Мои пальцы сомкнулись вокруг его горла – тонкого, хрупкого, как стебель цветка. Рывок. Его ноги оторвались от земли. Удары сердца пронзили мёртвую тишину – стук, похожий на последние секунды бомбы.

Он вырывался, как рыба на крючке. Руки впились в моё запястье, стараясь разжать хват, но были слишком слабы. Грудь тяжело вздымалась в попытке сделать вдох. Глаза наполнились пылающей ненавистью и ужасом перед неминуемой расплатой – коктейль эмоций, который я видела уже тысячи раз.

– Чудо...ви...ще... – прохрипел он, задыхаясь.

– Чудовище... – мои пальцы сильнее сжались, чувствуя, как пульс учащённо барабанит под тонкой кожей. – Ах ты...

– Нет! – раздался прерывистый и полный отчаяния голос крупного инквизитора за спиной. – Умоляю! Остановитесь! Ему слишком рано умирать!

Мужчина неуклюже поднялся на ноги, шатаясь, словно пьяный. Тяжёлое дыхание смешалось с прерывистым кашлем – лёгкие наполнились кровью, каждая клетка тела изнывала от обжигающей боли.

Он искренне просил не убивать товарища. Голос дрожал – нотки настоящего страха.

– Остановиться... – тихо повторила я, мысленно усмех-

нувшись жестокой иронии момента. – Интересно...

Время стремительно утекало. Пульс под пальцами становился всё тише, реже – музыка затихающей жизни. Противник перестал сопротивляться, обмяк, как тряпичная кукла. Глаза закатились. Сознание уходило в бездну.

Гнев смешался с любопытством. Я свободной рукой сбросила с него капюшон, сдернула маску. И...

– «А...» – увидела молодого юношу. На вид не больше двадцати лет – тонкие губы, бледное лицо, искажённое мукой. На щеках не успел пробиться даже пушок. – *«Так вот откуда такая горячность...»*

Я ощутила странную жалость к этому мальчишке, который играл в войну без правил. Глубокий вдох. С неохотой отпустила его. Глухой звук удара – тело грохнулось. Беспомощно лёжа на пыльном кусочке асфальта и громко кашляя, он жадно глотал ртом воздух.

Судьба была благосклонной в эту ночь – смерть прошла мимо, едва коснувшись своим ледяным дыханием. Я не стала заострять на юнце внимание, повернулась к остальным врагам, чувствуя, как в висках пульсирует хищный огонь.

– Никчёмные крысы... – раздражённо фыркнула, клыки угрожающе блеснули в тусклом свете фонаря. – Проваливайтесь, пока не стали кормом для червей!

Инквизиторы не стали играть с огнём – даже фанатики иногда прислушиваются к голосу разума. Подчинившись инстинкту самосохранения, молча кинулись к молодому това-

рищу, подставили плечи и спешно отступили.

Я проводила их взглядом и убедившись, что исчезли, пошла к беглецу.

– Ты в порядке? – протянув руку, предложила помощь, стараясь сделать голос мягче и менее угрожающим. Но хищные нотки всё равно просачивались сквозь попытки быть человеческой.

– Ге...нерал... – он заикался. Глаза метались в поисках спасения. Руки, покрытые ссадинами и засохшей кровью, впились в землю, словно пытаясь удержаться от крика. – Чуд...

Я медленно присела на корточки, стараясь не делать резких движений – как при общении с раненым зверем.

– Тише... – поднесла указательный палец к своим губам. – Не надо начинать знакомство с оскорблений, – нырнула в карман плаща, достала удостоверение. – Старший детектив отдела особо тяжких преступлений, Ерсель Розенкрофт, – раскрыла перед ним кожаную корочку с блестящим значком. – Федеральный департамент полиции.

Его плечи болезненно напряглись, костяшки сжатых с нечеловеческой силой кулаков побелели. Он нервно сглотнул, охваченный мелкой дрожью. Взгляд с недоверием впился в удостоверение – пытался понять, не очередной ли это обман.

– Вы... – робко поднял голову. Наши взгляды встретились – хищник и жертва, оценивающие друг друга. Голос прозвучал

чал тихим шёпотом – не убьёте... меня?

– Нет, – мой голос звучал спокойно, но в нём чувствовалось обещание и угроза одновременно. Убрала удостоверение, протянула руку, вновь предложив помощь. – Если ответишь на пару... вопросов.

###

Мы шли по ночным улицам, окутанным предрассветным сумраком. Парень едва держался на ногах – каждый шаг давался с трудом, рана кровоточила, пропитывая ткань одежды. Я придерживала его за локоть, ощущая, как тело дрожит от усталости и боли.

Нужно было где-то переждать, перевязать рану. Полиция оцепила район вокруг особняка, Артур с подкреплением прочёсывал окрестности. Возвращаться туда было самоубийством – для него. Для меня – неудобством.

Я вспомнила о кофейне Михаэля. Она работала круглосуточно – одно из тех редких мест в Вене, где можно было укрыться от мира в любое время суток. И, что важнее, где не задавали лишних вопросов.

Мы свернули на знакомую улицу. Золотой свет витрин встретил нас, как обещание убежища.

В воздухе смешались сладкий аромат свежееиспечённых пирожных и горьковатый запах кофе – странный контраст между уютом и тревогой, которая сжимала грудь, как неви-

димый кулак.

Приглушённый свет ламп мягко падал на деревянные столики, отбрасывая тени, которые ползали по полу, как живые существа. Тихий шум разговоров создавал успокаивающий фон – декорацию нормальности в мире, где за каждой улыбкой могла скрываться смерть. Но расслабляться было слишком рано.

Мы переступили порог, словно входя в нейтральную территорию между войной и миром. Направились к дальнему столику у окна – место, где можно видеть всех, но остаться незамеченным.

Удобно расположившись на мягком диване, я жестом подзвала официанта – молодую девушку с янтарными глазами, и сделала заказ. Голос звучал обыденно, но каждое слово было рассчитано на то, чтобы усыпить бдительность моего собеседника.

– Эх... Здорово ты меня вымотал, – посмотрела на спасённого парня, губы тронула усталая усмешка. – Ненавижу погони...

– Простите... – виновато пробормотал он, опустив глаза, как школьник, пойманный на шалости.

– Проехали, – отмахнулась, но в движении читалась напряжённость хищника, который никогда не расслабляется полностью. – Как звать-то?

– Меня...? – он внезапно растерялся, словно забыл собственное имя. Глаза цвета морской волны смотрели с недо-

верием – в них плескался страх, смешанный с чем-то ещё. Осторожностью? Тайной? – Александр...

Через пару минут официантка принесла кофе и несколько пирожных – маленькие произведения искусства, слишком красивые для этого разговора. Пожелав приятного аппетита голосом, в котором звучала заученная вежливость, удалилась.

Александр продолжал сидеть, как кролик перед удавом – каждая мышца напряжена, готовность к бегству. Поднятые плечи выдавали скрытую тревогу. Руки едва заметно дрожали. Он не решался притронуться к десерту, словно еда могла оказаться отравленной.

– Не стесняйся, – я указала на кофе, прервав неловкое молчание. – За мой счёт.

Секунда молчания, за ней неуверенный кивок, медленно взял чашку дрожащими пальцами. Ощувив под кончиками приятное тепло – первое за эту ночь – закрыл глаза. Сердце немного замедлило ритм. Успокоилось. Ненадолго.

Я скользнула по нему взглядом: около двадцати семи лет, руки в ссадинах – свежих, ещё не успевших затянуться, тёмные волосы слегка растрёпаны ветром и погоней. Дорогие кроссовки, джинсы и толстовка в пятнах от песка и грязи – далеко не бродяга. Деньги у него есть. На правом плече длинный багровый шлейф – «подарок» от Артура, который будет напоминать о себе ещё долго.

На бледном лице играли тени от оконного стекла. Всмат-

риваясь, я пыталась разгадать загадку: что за птичка попала ко мне в сети? Маньяк, который прячется за маской невинности? Жертва обстоятельств? Или что-то большее? Третий вариант, который всегда оказывается самым интересным и опасным.

– Почему... – ощутив холодок по спине – инстинктивную реакцию добычи под взглядом хищника – он нахмурился, – вы так смотрите на меня?

– Ты серийный убийца, которого ищет полиция? – я не стала увильживать. Прямота – лучший способ сломать защиту.

– Я... – начал было он, но разговор прервал назойливый звонок мобильного – резкая мелодия, которая разрезала атмосферу, как нож по коже.

– *«Чёрт. Как всегда, не вовремя...»*

– Да? – я достала из кармана телефон, ответила с раздражением.

– Слава богу... – послышался взволнованный голос Артура, а за ним глубокий выдох облегчения. – Ты в порядке?

– Да. А что с особняком?

– Его оцепили. Ты поймала нападавшего?

Краткая пауза.

– ...Нет.

– Чёрт...

– Тише, Артур. Успокойся, – бросила взгляд на Александра, который напряжённо слушал каждое слово, пытаюсь собрать пазл из обрывков разговора. – У меня есть ещё па-

ра... зацепок. Завтра увидимся в департаменте, и всё обсудим.

Артур сопротивлялся, хотел убедиться лично, что со мной всё в порядке. Но я настояла на своём. Его забота и беспокойство иногда слишком... раздражали.

– Нет, Артур. Я без няньки обойдусь, – включила привычный сарказм. – Волноваться не о чем, – ложь, которая давалась легко, как дыхание. – Позаботься лучше о Вальтере и отвези домой.

– Я... – его голос сорвался. Слабость не оставила сил спорить. – Хорошо...

– Спасибо.

Я положила трубку с лёгким щелчком.

– Это был ваш... напарник? – с недоумением спросил Александр, в голосе звучала осторожность человека, который начинает понимать, что попал в игру, правил в которой нет. – Почему вы солгали ему?

Я промолчала. Что будет, узнай Артур правду? Начнёт действовать по протоколу – допрос, адвокат, бюрократия. Долго. Муторно. Невыгодно. Пока не знаю, кто этот парень, лучше разберусь сама, а потом можно – в расход.

– Неважно, – убрала телефон, и повернулась к нему лицом. – Ответь лучше, – вернулась к прерванному разговору, – что ты делал в том доме? – подалась вперёд. – И не увиливай. Услышу ложь, пожалеешь.

– Хотел поймать убийцу... – ответил он хрипло.

– Убийцу? – я нахмурилась, чувствуя, как пазл начинает складываться в неожиданную картину. – Откуда, – прищурилась, – знал, что он будет там?

Александр стиснул зубы. Молчал, как партизан на допросе – упрямо, решительно. Теряя терпение, которое и без того висело на волоске, я поспешила напомнить: он всё ещё в опасности.

– Послушай, – демонстративно окинула его взглядом, в котором было обещание неприятностей, – я не в настроении возиться с тобой, поэтому в последний раз спрошу вежливо, – обнажила кончики клыков. – Ты маньяк, который убивает ночных бабочек?

Он на мгновение замер. Глаза расширились – зрачки стали чёрными точками в море синевы – но удивление быстро сменилось холодной яростью.

– Какое вам до этого дело?! Разве... – осёкся, вспомнив, что вокруг сидят другие посетители, мирно потягивающие кофе в блаженном неведении.

Александр опрометчиво дал волю эмоциям. Глупо. Но понятно. Обвинения в убийстве от генерала, который превосходил по жестокости и жажде крови самых отъявленных серийных маньяков, задела за живое. Он боялся меня – страх читался в каждой линии тела – но принципы оказались сильнее. Интересно.

– Какое дело? – я безразлично проигнорировала его выпад, голос звучал как холодная сталь – любое неверное дви-

жение, и лезвие оборвёт жизнь. – Я старший детектив полиции, а ты был в доме, возможно принадлежащем кровожадному извергу. На его счету... три невинные жизни, – помедлила, наблюдая за реакцией, как энтомолог за насекомым под микроскопом. – Прятался в комнате с истерзанным трупом. Иной, у которого, не сомневаюсь, руки по локоть в крови, – губы дрогнули в ехидной усмешке. – Ещё аргументы нужны?

– Нет, – сквозь зубы процедил он. – Я, как и вы, охочусь на него. И у меня есть свои... причины.

– Вот как? – я наклонилась чуть вперёд, вторгаясь в его личное пространство. – Просветишь?

Александр напрягся – не хотел отвечать. Но испытывать терпение генерала – себе дороже. Прояснив недопонимание, заверил, что не причастен к смерти мужчины в подвале. Но подтвердил: в доме оказался неслучайно. Мотивом служила – личная месть. София Мартин была его близкой подругой. Как удобно.

– Незадолго до её смерти мы сильно... поссорились, – его голос дрожал: гнев и разочарование плясали с виной в тесном танце. – Я умолял её бросить опасное ремесло. Обещал позаботиться. Но...

Классика жанра. Благородный рыцарь спасает «падшую даму». Только спохватился слишком поздно. София не стала слушать, посчитала его слова пустым звуком. Хлопнула дверью, и импульсивно ушла в ночь, которая оказалась по-

следней.

На следующий день он узнал о роковом происшествии из новостей – сводка, где жизнь превращается в статистику – и пришёл в ужас. Долго не мог поверить, что София просто исчезла из мира, как задутая свеча. Но горечь потери сменилась яростью – знакомое чувство, которое я понимала лучше, чем хотелось.

Пока мы с Артуром и Вальтером общались с Лайном, он нашёл Туза – избив до полусмерти, вытащил информацию о клиенте из богатого квартала.

– Услышав об этом психе, я захотел лично встретиться с ним.

Затяя была опрометчивой и опасной. Но он не думал о последствиях – горе затуманило разум. Хотел только одного: чтобы изверг заплатил за Софию. Даже если это будет стоить собственной жизни.

Проникнув в дом с чёрного входа, осмотрелся. Но, подобно нам, столкнулся с идеальной чистотой – стерильностью, хуже любой грязи. А проходя мимо подвала, ощутил слабый запах крови – инстинкты сработали, как у охотничьей собаки, взявшей след. Спустившись по лестнице, увидел истерзанное тело со следами насилия.

– Осмотрев его, пытался найти следы убийцы, но появились вы, – недовольно сжал тонкие губы. – Я не хотел рисковать...

– И поэтому спрятался?

– Да. Я... – внезапно его прервал хриплый кашель, вырвавшийся из груди, как лай раненого пса. Он поднёс руку к губам, поспешил справиться с приступом. На краю ладони – тонкая линия крови.

– Это плохо... – я достала из кармана платок, протянула ему. Белая ткань казалась флагом перемирия. – Похоже, ты сильнее ранен, чем думала.

– Не обращайтесь внимания, – он отмахнулся, но платок взял – жест, который выдавал больше, чем слова. – Я буду в порядке.

– *«Конечно, будешь»* – промелькнула мысль в голове, горькая, как полынь. Но я не подала виду. – *«Все так говорят, пока не падают замертво. А ты пахнешь смертью сильнее, чем думаешь»*.

В воздухе кафе запахло чем-то ещё – металлом и озоном. Приближалась гроза. Или что-то похуже.

###

Кофейня осталась позади – тёплый островок в холодном мире, который становился всё более чужим с каждой минутой. Мы вышли на улицу, и осенний воздух ударил в лицо – резкий, влажный, пахнувший дождём, который недавно прошёл по городу.

Запах мокрого асфальта смешался с выхлопными газами в тяжёлый коктейль городской тоски, который оседал в лёг-

ких. Улица казалась вымершей: только редкие отблески фар прорезали сумрак, и шелест листвы, приглушённый осенним ветром – последнее дыхание умирающего года.

Один квартал, второй. Каблуки отстукивали ровный ритм по вымощенной брусчатке – метроном приближающейся катастрофы.

Вид Александра становился всё тревожнее – рана на плече вновь открылась, словно старый грех, который отказывается быть забытым. Кровь медленно просачивалась сквозь тёмную ткань толстовки, оставляя влажные пятна. Лицо бледное, как у покойника, готового к последнему причастию. Шаги тяжелее, дыхание – прерывистое. Не ровен час – потеряет сознание прямо на этих холодных камнях.

Варианты? Больница – но иной, потерявший много крови – пороховая бочка. Кто знает, когда он сорвётся и превратит стерильную палату в бойню? Может домой? Нет. Слишком опрометчиво приглашать незнакомца на собственный порог, где каждая вещь хранит секреты. И бессмысленно – времени на дорогу нет. Смерть не ждёт расписания.

Нужно действовать сейчас. Здесь. Но нападать в толпе – самоубийство.

Мы прошли ещё пару кварталов, свернули на тихую улицу. Впереди, у обочины, показалась фигура, словно материализовавшаяся из городских теней – призрак современной ночи.

Девушка. Цветастый корсет обнимал хрупкие рёбра, ко-

роткая латексная юбка блестела под фонарями, тонкая куртка была накинута на голые плечи – жалкая защита от холода. На шее – тонкая цепочка с дешёвой подвеской в форме ангельского крыла, в ухе – серебряная серёжка-кафф. Ирония судьбы: ангел, торгующий своим телом в аду.

Она дрожала – не только от холода, который прогрызал до костей. В позе застыло ожидание, в глазах – усталость и тревога, которую не скроешь даже под слоем макияжа. Прерывистое дыхание вырывалось из губ маленькими облачками пара. Губы сжаты в тонкую линию – последняя попытка сохранить достоинство. Чужая на этом празднике жизни, где никто не ждёт гостей без кошелька.

Я остановилась, обдумывая возможность. Одинокая бабочка на пустынной улице. Без свидетелей. Без спасения. Не иначе как сама судьба решила вмешаться – или это было жестокое совпадение, какими полон этот мир?

Взгляд скользнул к Александру. Он тоже заметил её – дыхание прерывалось, зрачки расширились. Разум всё сильнее заслоняла пелена слабости. Жажда нашёптывала: *«Выбора нет. Возьми то, что предлагает ночь»*.

Медленный шаг к добыче – движение хищника, который знает, что жертва никуда не денется. Ещё. Девушка заметила нас, повернулась – в взгляде промелькнула надежда или... отчаяние? В такие моменты разницы нет. И то, и другое приводит к одному финалу.

Вблизи она казалась моложе: тонкие черты, словно выре-

занные из слоновой кости, длинные тёмные волосы, которые падали на плечи, как траурный саван. Стрелки на веках придавали кукольное изящество – красота, созданная для того, чтобы быть разрушенной.

Я поймала себя на мысли:

– *«Ещё одна потерянная душа...»*

Внутри кольнуло что-то похожее на жалость – острое, неожиданное чувство, которое давно считала мёртвым. Сколько их было? Приехавших в столицу в поисках лучшей жизни, и мечтавших о друзьях, успехе, шансах, которых никто не даст? А в итоге – холодные улицы, зависимость и страх, который становится привычным, как собственное имя, утренний кофе, вкус слёз.

Я остановилась в двух шагах, скользя взглядом по её фигуре. Она робко подняла голову, попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой – маска, которая уже не скрывает трещин на душе.

– Холодно сегодня, – тихо заметила она, кутаясь в куртку, тонкую, как надежды на завтрашний день. Взгляд скользнул к Александру. Он старался не смотреть в её сторону, пытался удержать хрупкий контроль над зверем внутри. – Вы со спутником ищите... компанию?

Я чуть склонила голову, позволив себе мягкую, почти дружелюбную улыбку – маску, за которой скрывались острые клыки.

– Компанию? Нет. Скорее что-то более... близкое, – от-

ветила, делая шаг ближе. Запах её дешёвых духов смешался с холодным воздухом. – Ты давно здесь?

– С самого вечера, – девушка опустила голову, нервно поправила волосы дрожащими пальцами. – Обычно к этому времени уже никто не подходит...

– Значит, сегодня наш счастливый день, – произнесла я чуть тише, позволяя голосу звучать нежно, успокаивающе – как колыбельная перед последним сном. – А ты как считаешь?

Она хихикнула, неуверенно, будто не поняла – шутка это или обещание? В глазах промелькнула надежда, что всё закончится быстро и просто.

– Да. Только... заранее, если можно.

Я достала купюры медленно, театрально, чтобы она видела каждое движение – ритуал, который предшествует жертвоприношению. Девушка с благодарностью взяла деньги, спрятала во внутренний карман куртки – тридцать сребреников современности.

– Здесь или найдём место... потише? – спросила, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. Взгляд метался от меня к Александру – инстинкт животного, почуявшего ловушку.

Тревога сжимала грудь невидимым кулаком. Интуиция нашёптывала: «С ними что-то не так». Но нужда толкает людей на опрометчивый риск, как наркотик – на новую дозу.

Я медленно протянула ей руку – жест, который мог быть началом танца или похоронным обрядом. Повела за собой.

Несколько метров до тёмной арки – место, которое город создал специально для таких сделок, скрытое от посторонних глаз и совести.

Она прислонилась к стене в тени деревьев. Рука скользнула к корсету, ослабила завязки знакомым, отработанным движением. Расслабленная поза, томный взгляд – роковая наивность, которая привела к краю пропасти.

Моя рука скользнула по её лицу – кожа была нежной, тёплой, живой. Слишком живой для того, что должно было случиться.

Я прислонилась ближе, коснулась губами шеи – там, где пульсировала артерия, неся кровь к мозгу, который ещё не понимал, что смерть уже выбрала свою жертву.

– Не бойся, – прошептала. Голос звучал как тёплый шёлк. – Будет не больно.

Она вздрогнула, ощутив острое прикосновение. Дыхание стало прерывистым. Сердце застучало быстрее – тук-тук-тук – смесь страха, боли и вместе с этим странная эйфория, почти наслаждение сильнее любых наркотиков. Противоречие, от которого хочется сбежать, но невозможно, потому что ноги превратились в свинец.

Кровь обожгла губы – горячий, манящий поток, лишаящий способности мыслить о чём-то, кроме голода. Демон внутри зарычал: *«Забери всё. Не делись»*. Но этот хрупкий ангел должен был спасти другую жизнь – того, кто мог помочь поймать настоящего монстра.

Я заставила себя отступить. С трудом. Едва сдерживаясь. Каждая клетка тела протестовала против этого решения. Бросила взгляд на Александра – его лицо было маской слабости, отвращения и злости, смешанных в коктейль, который отравляет душу.

Он стоял в трёх шагах, сжимал кулаки, будто пытался раздавить собственную беспомощность. В глазах читалось осуждение, смешанное с чем-то ещё. Зависть? Страх? Или просто ненависть к тому, что приходится выбирать между плохим и худшим?

– Закончи с ней, – холодно бросила, не давая себе времени на сожаления – роскошь, недоступная для монстров.

– Нет... – выдохнул он сквозь зубы, словно стоял на краю пропасти и видел бездну под ногами. В голосе дрожала ярость, но под ней зияли трещины. Запах крови ударил в голову. – Я... – тяжёлый, прерывистый вздох, – не буду этого делать...

Эмоции мимолётно сменяли друг друга на его лице – искренние, настоящие, без притворства. Я смотрела на него, и внутри что-то дрогнуло – возможно, последние остатки человечности.

– *«Нет, это не наш парень. Не тот, кого ищет полиция. Наш психопат убивает с наслаждением, а этот – мученик в клетке собственной совести».*

Но его раны... Жажда была слишком сильна, как прилив, который сносит дамбы. Зверя не удержать жалкими принци-

пами – они рассыпаются, как песок под напором инстинктов. Но лучше так – тихо, аккуратно, чем окончательно потеряет контроль и превратит всю улицу в бойню.

– Ты слишком слаб, чтобы противостоять ему, – бросила я, намеренно провоцируя, как матадор дразнит быка алой тряпкой.

– Нет... – Александр не хотел уступать, но голос предательски дрогнул, выдавая неуверенность. – Я... смогу.

– Он хладнокровный зверь. Наслаждается страданиями, как поэт – стихами. Чужие жизни – прах под ногами. А ты сейчас похож на живой труп, – кивнула на хрупкую бабочку, она дрожала у стены, не понимая, что стала свидетелем собственного приговора. – Хочешь выжить в смертельной игре? Придётся чем-то пожертвовать. Или даже стать...

– Как вы, генерал?! – резко перебил он, подавшись вперёд, глаза вспыхнули гневом. Обнажил клыки – последний аргумент отчаяния. – Кровожадным монстром, которому нет места в цивилизованном мире?

Я усмехнулась, но в этом жесте было больше боли, чем радости. Вот оно – настоящее сопротивление. Не страх, а злость.

Мне нравилась его дерзость. Александр не боялся бросить вызов даже тому, кто мог убить его одним движением. В нём было что-то... настоящее – пламя, которое не так-то просто затушить. В охоте за маньяком он мог стать ценным союзником.

– Именно, – губы дрогнули в злой улыбке – спектакль, призванный скрыть усталость и обиду, которые накопились за столетия. Он считал меня монстром. Жестоким. Беспринципным. Хорошо. Я уже слишком далеко зашла по дороге проклятых, чтобы показать слабость. – Или хуже.

На его лице отразилась боль – чистая, неподдельная. Он понимал: я права. Неважно, насколько хочешь казаться праведным – реальный мир слишком жесток для белых рыцарей. В нём нет места добрым героям, особенно если враг – хладнокровный психопат, который превратил убийство в искусство. И всё же...

Он боролся с собой, до последнего цеплялся за жалкие остатки человечности. Но запах крови всё сильнее бил в голову, пробуждая то, что должно спать. Жажда, которую подавлял, прорывалась наружу, как лава из вулкана. Инстинкты требовали своего – неважно, что говорил разум. Он всегда слабее.

– Я... – он сдался. Неохотно. С сожалением, которое разрывало душу. Сделал шаг к девушке – падение в пропасть. Голос сорвался. – Не хочу этого делать... Она...

– Выбирай – она или смерть до рассвета, – я прошла мимо, не оставляя ему выбора, который и так был иллюзией.

Голод взял верх – древний, первобытный, не знающий жалости. Принципы рухнули под натиском природы, которая старше всех законов. Александр склонился над ней, отбросил спутанные волосы дрожащими пальцами.

– Прости меня... – прошептал, и в этих словах была вся боль мира.

Клыки коснулись шеи. Девушка тихо простонала – вздох ветра в заброшенном доме. Понимала ли она, что происходит? Могла ли изменить свою судьбу? Вряд ли. В такие ночи никто не ждёт спасения – только милосердную смерть.

Глоток. Второй. Третий. С каждой каплей она становилась всё слабее, как цветок, срезанный под корень. Холод накрыл ледяным саваном. Янтарный взгляд помутнел. Сердце билось всё медленнее – тук... тук... тук... – метроном умирающей жизни. Дыхание стало судорожным, хриплым.

Я задержалась на мгновение, наблюдая за ними – режиссёр кровавого спектакля. Александр старался сделать всё аккуратно, нежно, без лишней боли. Но, ощутив на губах обжигающий вкус, окончательно потерял контроль. Зверь внутри проснулся и больше не хотел спать.

Испытывала ли сожаление? Возможно. Но без этого урока – жестокого, но необходимого – как ампутация, которая спасает от гангрены – он никогда не поймёт того, за кем охотится.

Её сердце почти затихло – последний аккорд симфонии. Ноги подкосились. Она медленно осела у стены. Александр опустил на корточки, закрыл ей глаза – последний акт человечности.

– Я хочу поймать его, – голос был хриплым от сожаления и вины, которые будут преследовать его до конца дней. – Ото-

мстить за Софию, – посмотрел на меня. – Вы... можете мне?

Я достала визитку – белый прямоугольник, окрашенный невидимой кровью. Протянула ему, не глядя в глаза.

– Не обещаю. Официально мои руки связаны, – голос звучал устало. – Но у нас с тобой теперь общий секрет, – бросила взгляд на безжизненное тело девушки, которая ещё час назад мечтала о тёплом доме. – Если найдёшь что-то стоящее – звони.

В этот момент поняла: иногда даже монстры ищут искупления. Но получают только новые грехи – как проценты по долгу, который невозможно выплатить.

ЗАПРЕТНОЕ ИСКУШЕНИЕ

Я оставила Александра на улице с визиткой в руках и грузом нового греха на душе. Он смотрел мне вслед – взгляд был полон вопросов, на которые не собиралась отвечать. Не сейчас. Возможно, никогда.

Девушка лежала в тени, её сердце больше не билось. Ещё одна жертва города, который пожирал надежды, как Кронос – своих детей. Александр найдёт способ избавиться от тела – инстинкт выживания научит его быстрее, чем любые уроки.

С каждым шагом город менялся вокруг меня. Трущобы остались позади. Впереди показались знакомые очертания фасада – храм современного декадентства, где грех продавался под неоновым светом. Смесь минимализма с элементами роскоши притягивала взгляды, как магнит металл. Стены, облицованные тёмным зеркальным стеклом, отражали огни города, создавая иллюзию бесконечного мерцания и превращая здание в живой калейдоскоп ночной жизни – красивый, гипнотичный, опасный.

«АЛМАЗ»

Название, выложенное крупными хромированными буквами, подсвечивалось мягким голубым светом – цветом замёрзших слёз. Буквы мерцали холодным, почти мистиче-

ским блеском, обещая удовольствия, за которые придётся платить не только деньгами.

Вход, обрамлённый высокими чёрными колоннами, украшали тонкие неоновые линии. Они переливались оттенками синего и фиолетового, словно электрические вены в ритме музыки.

Возле распахнутых массивных дверей из стекла с золотыми вставками толпилась разношёрстная публика – обычная клубная молодёжь. Деньги есть, вкуса в меру, энергии через край. Но в их глазах – голод, который не утолят ни наркотики, ни близость, ни музыка.

Слева группа девушек в блестящих мини-платьях обсуждала планы на ночь, их смех – острый, режущий – звенел, как разбитое стекло под каблуками. Одна из них, с ярко-розовым макияжем, который делал её похожей на куклу из витрины секс-шопа, поправляла массивные серьги-кольца, поблёскивающие в свете неона.

Справа парень в красной рубашке с принтом и рваных джинсах демонстрировал новые Air Jordan¹⁶ своим друзьям – кроссовки стоимостью месячной зарплаты патрульного, но кого это волнует в двадцать лет, когда смерть кажется красивой легендой?

За ними девушка в изумрудном боди и высоких сапогах до бедра проверяла макияж в камере телефона – её губы цвета

¹⁶ Легендарная линейка баскетбольных кроссовок Nike, созданная для Майкла Джордана в 1984 году, культовый символ спортивной моды.

спелой вишни контрастировали с платиновыми волосами. В экране отражалось лицо, которое через несколько лет станет маской, скрывающей разочарование.

Рядом компания в стиле преппи,¹⁷ но с клубным уклоном: яркие поло, короткие юбки в клетку и массивные золотые украшения – костюмы для спектакля под названием «молодость».

Напротив входа стоял разгорячённый мужчина с взъерошенными волосами – чужак в этом мире красивых фасадов. На плечах кожаная куртка, и чёрная рубашка. Тёмные джинсы и яркие кроссовки дополняли бунтарский образ – туристические трофеи человека, который искал себя в чужих городах, но так и не нашёл.

Он размахивал перед охранником руками, импульсивно крутил телефоном и бумажником. Движения резкие, раздражающие, словно пытался доказать что-то, что не мог выразить словами.

В воздухе витал запах дешёвого одеколona и алкоголя – гремучая смесь самоуверенности, которая взрывается от одной искры.

Демиан стоял – неприступная скала посреди бурного моря человеческих страстей, – совершенно не обращая внимания на буйного посетителя. Его холодный, почти ледяной взгляд скользнул по парню, словно оценивая его как нечто незначи-

¹⁷ Стиль одежды, восходящий к американским частным школам и университетам Лиги плюща: классические рубашки, свитера, брюки чинос, лоферы.

тельное – муху, которая жужжит, но не кусает. Он даже не утруждал себя ответом, лишь слегка приподнял бровь, молча намекая: *«Ты действительно хочешь продолжать эту жалкую пантомиму?»*

Его крупное телосложение, широкие плечи и рост под два метра внушали уважение даже в этом районе, где статус измерялся не только банковским счётом, но и умением выжить до рассвета. Ворот белоснежной рубашки аккуратно застёгнут, галстук с едва заметным узором добавлял строгости гробовщика. Из-под правого рукава дорогого, идеально сидящего костюма выглядывали золотые часы люксовой марки – время, которое стоило дороже, чем жизни большинства людей в этой очереди.

А парень? Уступал по всем параметрам: на пару сантиметров выше меня – небольшое преимущество, которое, видимо, считал «решающим». Но явно не заботился о последствиях – классический случай фатальной глупости, которая рано или поздно потребует кровавой платы.

Я подошла ближе. Устав от гневных возгласов, которые резали воздух, как ногти по стеклу, похлопала его по плечу – лёгкое прикосновение, которое могло стать последним в его жизни – и вежливо намекнула:

– Эй, друг, может хватит?

Но поглощённый собственной персоной, незнакомец проигнорировал любезный жест. Ошибка.

– *«Что ж... Раз вежливость не помогает...»*

Пальцы впились в воротник его куртки, ткань под ногтями затрещала. Не обращая внимания на шокированную толпу, которая разом замолчала, с силой швырнула его вглубь улицы. Тело описало красивую дугу в воздухе – почти балетное движение, если бы не звук удара об асфальт.

Толпа взорвалась реакциями. Девушки в блестящих платьях ахнули – звук, который мог быть восхищением или ужасом. Одна из них, с розовым макияжем, отступила на шаг, прикрыв рот ладонью.

Парень в красной рубашке немедленно достал телефон – снимать драку для TikTok, потому что в наше время даже насилие становится контентом. Девушка в изумрудном боди одобрительно свистнула, глаза горели азартом.

Компания в стиле преппи переглянулась, кто-то нервно захихикал. Несколько человек отступили к стене – инстинкт самосохранения, который подсказывал: не связывайся с тем, кто швыряет людей, как мешки с мусором.

Демиан безразлично проследил за «полётом» – в его глазах не было ни удивления, ни осуждения. Только профессиональная оценка техники.

– Добрый вечер, госпожа Ерсель, – поприветствовал он голосом, в котором звучало уважение к мастерству.

– Привет, – я кивнула, жестом указав на лежащего на асфальте парня, он стонал, как раненое животное. – Опять докучают отбросы?

– Не беспокойтесь, – он отмахнулся, видел достаточно

крови, чтобы удивляться мелким неприятностям. Голос звучал спокойно, но с лёгким оттенком превосходства. – Это мелочи. Такие, как он, даже не заслуживают вашего внимания, – кинул взгляд на растерянную толпу, губы дрогнули в слабой улыбке. – Хотя развлечение получилось неплохое.

Пока мы разговаривали, наглец неожиданно быстро пришёл в себя – выживаемость, которая у идиотов часто превышает все разумные пределы. Тяжело поднялся на ноги, резко мотнул головой, пытаясь вернуть мир в фокус. На лице – раздражение, серый взгляд метал молнии, тонкие губы исказились в угрожающей гримасе. Он импульсивно отряхнул одежду, пребывая в бешенстве, угрожающе подался вперёд – не понял урока.

Я усмехнулась. Овечка кидает вызов волку? Вряд ли такой балаган стоило продолжать. Но после всего случившегося за день была не прочь устроить драку – хорошая разминка перед встречей с Катериной, где понадобится вся выдержка.

– Тебе нужна помощь с этим ничтожеством? – окликнула Демиана, не сводя взгляд с парня.

Стоило озвучить вопрос, он кинулся – движение быстрое, и – предсказуемое. Но едва оказавшись рядом, получил удар в рёбра – точный, профессиональный, рассчитанный на максимальный эффект.

Демиан, несмотря на свои внушительные размеры, двигался с поразительной грацией и точностью, словно хорошо обученный боец – или просто человек с тяжёлым прошлым,

которое научило его бить первым.

Удар был сильным, парень мгновенно потерял ориентацию. С громким стоном рухнул на колени, согнулся пополам, обхватил живот руками. Воздух вышел из лёгких со свистом, как из проколотой шины.

– Беру свои слова обратно, – признала я, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя приятную усталость. – Ты хорош.

– Спасибо, – он улыбнулся, но в глазах читалась лёгкая ирония. Демиан знал себе цену. Вернувшись к входу, снял ограждение – путь в преисподнюю был открыт. – Проходите, – жестом пригласил внутрь, добавив с предостережением, в котором звучала искренняя забота. – Госпожа Катерина не любит долгое ожидание.

Рука скользнула в карман плаща, нащупала чёрную карточку – холодный пластик под пальцами напомнил о цене, которую заплатила за информацию в прошлый раз. VIP-доступ в мир Катерины никогда не был бесплатным. Но сегодня я пришла не просить – я пришла требовать.

Достав, продемонстрировала Демиану. Готический шрифт мерцал в неоновом свете, как обещание или проклятие.

– Знаю, – кокетливо подмигнула, широко улыбаясь. – Поэтому и заставляю её ждать.

Демиан хмыкнул – звук, в котором смешались понимание и сочувствие. Проводил меня взглядом, в котором читалось

любопытство: выйду ли я отсюда живой?

– Удачи, госпожа Ерсель. Надеюсь, вечер будет менее... взрывным, чем обычно.

Я промолчала, но внутри усмехнулась. Сомневаюсь. С Катериной взрывы – это не побочный эффект, а традиция. И сегодня я планировала устроить особенно красивый фейерверк.

За спиной раздался стон поверженного противника – музыка, которая сопровождала мой вход в логово хищницы. В воздухе пахло дорогим парфюмом и страхом – коктейль, который подавали в этом заведении каждую ночь.

###

Двери захлопнулись за спиной с мягким шипением – звук, который напоминал последний вздох перед погружением в бездну. Снаружи остались холодный ветер, неоновые огни и крики пьяной молодёжи.

Вестибюль встретил полумраком и приглушённым светом. Стены из чёрного мрамора поглощали звуки, превращая каждый шаг в эхо из другого мира. По бокам – высокие зеркала в золочёных рамах, они отражали бесконечные коридоры, словно приглашая заблудиться в лабиринте собственных пороков.

На первом этаже грохотала современная музыка, вырываясь из мощных колонок волнами звука, которые вибриро-

вали в груди. Световые лучи метались по залу, оставляя на танцполе причудливые узоры – карту человеческих желаний, написанную неоном и тенью. Люди двигались в едином порыве, подчиняясь ритму, лица светились от восторга, смешанного с блёстками макияжа.

Запах дорогих духов смешивался с алкоголем, создавая тяжёлый коктейль ночной жизни – аромат, который оседал на языке горьким привкусом. По сторонам от диджея на пилонах извивались девушки в откровенных нарядах. Лица скрывали неоновые лисьи маски – загадочный и хищный вид, что завораживал толпу.

Поодаль расположился бар, обрамлённый голубым ореолом. За ним несколько человек беседовали за бокалами новомодных коктейлей, их смех терялся в общем гуле.

Я не задержалась. Первый этаж – для тех, кто искал простых удовольствий. Танцы, алкоголь, иллюзия свободы, которая закончится к утру похмельем и опустошёнными кошельками. Моя цель была выше.

Второй этаж, разделённый широкой лестницей, кардинально отличался – как рай от чистилища. Обстановка в кремовых полутонах. За столами из красного дерева сидели мужчины в дорогих костюмах. В их глазах читалась непоколебимая уверенность хищников, которые давно забыли, что такое жалость.

Они решали судьбы корпораций, заключали сделки между компаниями, словно торговцы душами на ярмарке дьяво-

ла. Деньги правили миром. А здесь правили теми, у кого есть деньги.

Между рядами скользили официанты – призраки в белых рубашках. Безупречное знание этикета, готовность исполнить любое желание: принести дорогой алкоголь, изысканные блюда или организовать исчезновение неудобного конкурента.

Я бросила взгляд на столики – лица знакомы. Политики, чиновники, бизнесмены. Те, кого показывают по телевизору с улыбками и обещаниями светлого будущего. А здесь они снимали маски, обнажая истинные лица – жадные, порочные, готовые на всё ради власти.

Никто не обратил на меня внимания. Здесь все знали правила: не задавай вопросов, не смотри слишком долго, не забывай лица. Кто нарушает – исчезает. Просто. Быстро. Без следов.

На самом верху скрывалась обитель избранных – логово монстров в человеческом обличье. Вход только по «особому приглашению». Скрытый за специальными стёклами, он хранил немало секретов и интриг. А сколько крови впиталось в эти дорогие ковры, сколько криков поглотили звукоизолированные стены...

У входа возвышались фигуры охранников – Леон и Адриан. Строгие костюмы, белые рубашки, оценивающий взгляд. Внешне они не уступали Демиану, но лишь казались грозными – театральная постановка для смертных, которые не по-

дозревали, с кем имеют дело.

– Госпожа Ерсель, – Леон улыбнулся, но в глазах – лёгкая обида – острая, как осколок стекла. – Давно не виделись. Уж думал, вы нас совсем забыли...

– Простите, парни, – я пожалала плечами, чувствуя, как напряжение дня оседает тяжестью в шее, превращая мышцы в камень. – В последнее время много дел. Все эти кровавые убийства и пресса... Шеф вне себя от злости.

– Мы соскучились, – Адриан поддержал брата, потянулся к ручке двери – движения мягкие, почти заботливые, но в них читалась сила, способная сломать человека пополам.

– Я тоже, ребята, тоже, – голос прозвучал теплее, чем планировала.

Дверь открылась беззвучно, словно приглашая в другой мир. Зал дышал роскошью: мягкий свет, хрустальные люстры, зеркала и золотая отделка. Воздух был насыщен дорогими духами и металлическим привкусом, напоминая о настоящей природе этого места. Из скрытых колонок доносилась тихая музыка.

Поодаль, за резными дверьми – комнаты для уединения: мягкие кровати, вино, приглушённый свет, изменяемый по настроению. Что ещё нужно для романтического знакомства «поближе»? Только готовность не задавать лишних вопросов о том, почему простыни приходится так часто менять.

Недалеко от бара в ложах сидели посетители – коллекция красивых чудовищ. Вокруг них порхали официанты в

откровенных нарядах. В руках серебряные подносы с алко-голем и десертами – каждое блюдо произведение искусства, но самым изысканным деликатесом здесь была – человеческая кровь.

Катерина – гордая королева ада, расслабленно лежала на мягком диване в центре. На открытые плечи ниспадали вол-ны пепельных волос. Искристое золотое платье подчёркива-ло утончённую фигуру, но не могло скрыть холода, который исходил от неё, как от глыбы льда. В правой руке сверкал хрустальный бокал с вином.

Казалось, весь вечер вращался вокруг неё. Довольный взгляд медленно скользил по посетителям – хищник оцени-вал стадо. Остановился на мне. Рука плавно поманила к себе – приказ, которого невозможно послушаться.

Я невольно содрогнулась. По спине пробежал холод, в гор-ле застрял комок отвращения.

– *«Сколько таких жертв, как я, на её счету?»* – мысль пронзила сознание, как раскалённый штык. – *«Сколько душ она сгубила за века этой фальшивой жизни ради собствен-ного развлечения?»*

За её совершенной и манящей красотой скрывалась тьма и порочные желания, способные поглотить любого, кто по-дойдёт слишком близко.

Я тщетно пыталась скрыть раздражение, мысленно искала повод сбежать. Ненависть сжимала горло раскалённой удав-кой, каждый вдох давался с трудом. Каждый шаг к ней был

тяжелее предыдущего, как подъём к эшафоту. И вдруг – голос за спиной. Знакомый, тёплый, мягкий, как шёлк, которым душат жертв.

– Ерсель!

Я повернулась, и сердце пропустило удар. Возле барной стойки – мужчина. От одного его вида воздух становился разреженнее. Непринуждённая поза, пронзительный взгляд и эта холодная, почти мистическая красота. Длинные светлые волосы обрамляли молодое лицо с острыми скулами, добавляя очарования.

В светло-голубых глазах читались спокойствие и нежность – или искусная маска, за которой скрывались столетия грехов? Сшитый на заказ стильный тёмно-бордовый костюм украшали запонки ювелирной работы. Ворот белой рубашки слегка расстёгнут, обнажая кожу. В руке – круглый стакан с виски и льдом. Неожиданность.

– Сколько помню, – я подошла ближе, чувствуя, как учащается пульс, бровь едва заметно дёрнулась вверх, – ты всегда предпочитал вино, – вопросительно окинула взглядом. – Отчего такая резкая перемена, Авель?

Авель Оберхофт. Прекрасный, как божественный ангел – если ангелы могут быть проклятыми. Он всегда был для меня гораздо большим, чем просто знакомым. Века дружбы, соперничества, любви, граничащей с ненавистью – каждая роль оставляла свои шрамы на душе.

Стоило на миг встретиться с его пронзительным взгля-

дом – и сердце замирало от хрупкого волнения. Статный. Загадочный. Он словно шкатулка с множеством тёмных секретов, которые хочется раскрыть, даже когда разум кричит: «Опасность!»

– Со временем вкусы... меняются, – он сделал краткий глоток, отставил пустой стакан в сторону с тихим звоном. – Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Взаимно, – я почувствовала, как губы сами собой растягиваются в улыбке, которая могла быть последней. – Насколько знаю, ты живёшь в Париже.

– Я здесь... – кончик его губ едва заметно дрогнул в мимолётной усмешке, глаза на мгновение потемнели, как небо перед грозой. – По делам. А тебя что привело в это логово Сатаны?

– Мне нужна помощь, – я указала на Катерину, чувствуя, как челюсти инстинктивно сжимаются. – А эта шельма единственная, кто может дать подсказку...

– Подсказку? – он вскинул бровь, но затем отвёл взгляд, словно собирая в голове кровавый пазл. – А, кажется, понял. Видел... новости. Ты ищешь маньяка, убивающего молодых девушек?

– От тебя ничего не скроешь, – я выдохнула, ощущая знакомое тепло в груди – смесь восхищения и тревоги.

Разговор был коротким, но каждое слово весило больше, чем казалось. Мы постояли пару минут, вспомнили прошлое – осторожно, как сапёры разминируют бомбу, подели-

лись нынешними «успехами». Затронув тему, он похвастался, как хорошо стало жить во Франции, и мельком посетовал на Алекса с его раздражающим вспыльчивым характером.

– *«Всё тот же Авель»* – подумала я. – *«Жалуется на проблемы, которые сам же и создаёт. Некоторые вещи не меняются даже за столетия».*

Отвлечшись от беседы, украдкой бросила взгляд на Катерину. Её утончённое лицо исказила тень высокомерия – ревность сочилась ядом с каждым вздохом. Пристально наблюдая за нами, она была недовольна. Очень.

– Ты единственная, кому она прощает наглость, – Авель насторожился, голос стал непривычно тихим, плечи напряглись, как у кота, готового к прыжку. – Я был бы... осторожнее.

– Правда? – я притворно удивилась, слегка наклонила голову, чувствуя, как внутри загорается знакомый огонёк дерзости. – Ты действительно думаешь, что у этой старой ведьмы есть что-то, кроме непомерных амбиций и жажды крови?

– Ого, – он тихо засмеялся, но смех прозвучал натянуто. Взгляд метнулся к Катерине. – Как грубо...

За улыбкой скрывалась тревога. Катерина ревнива к тому, что считает своим. Злить её равносильно дразнить спящего дракона. Прожив больше нас, она умна, хитра, коварна. А её «дружелюбный» характер заслуживает особой удавки.

– Пари? – предложил Авель, в голосе послышались знакомые игривые нотки.

– Нет, – я покачала головой, ощущая на языке горечь разочарования. – Сам знаешь, каждый раз проигрываю, да и... – тяжёлый вздох, плечи опустились под грузом усталости. – Мне нужна информация.

На его лице отразилось лёгкое разочарование – брови чуть сдвинулись, губы дрогнули. Он поднял руку и жестом попросил бармена повторить – движение изящное, но в нём читалась привычка командовать.

– Тебя не посещала мысль воспользоваться возможностью и убить её? – вновь перевёл на меня взгляд, голос звучал с привычной ледяной расчётливостью хищника.

– Я пыталась. Трижды, – призналась, чувствуя, как сжимаются кулаки. – Но эта ведьма всё ещё... жива, – выпрямившись, похлопала его по плечу. Мышцы под рукой были твёрдыми, как камень. – Была рада повидаться.

– Взаимно, – он кивнул, и на мгновение его маска спала – в глазах мелькнула искренняя теплота, быстро сменившаяся привычной холодностью.

В воздухе между нами повисло что-то недосказанное – воспоминания, которые лучше было оставить в прошлом. Но оно имеет привычку возвращаться в самый неподходящий момент, как старые шрамы, которые болят к непогоде.

Авель проводил меня взглядом – в нём читалось что-то между сочувствием и насмешкой. Он знал, что меня ждёт. Все знали...

###

Я медленно направилась к дивану, где Катерина ждала, как паучиха в центре паутины. Каждый шаг давался тяжелее – ноги словно налились свинцом.

– Наконец-то, – её голос был мягким, как бархат, но под ним скрывались стальные клинки. – Я уже начала думать, что ты забыла о старых... традициях.

Она не сказала «друзьях». Не сказала «обязательствах». Только «традициях» – слово, которое превращало всё происходящее в ритуал, от которого невозможно сбежать.

Запах ее дорогих французских духов наполнял комнату – тяжёлый, душающий аромат жасмина и мускуса. Он лип к коже невидимой плёнкой, проникал в лёгкие, как яд. Приглушённый лиловый свет – бархатный занавес в театре смерти – окутывал пространство иллюзией безопасности.

– *Нет, не сейчас. Не снова.*

Внутри клокотало сопротивление, горячее, как лава в жерле вулкана. Последние остатки воли цеплялись за разум стальными когтями, оставляя кровавые борозды на стенах сознания.

Я пыталась отстраниться, но тело не слушалось – мышцы напряглись в отчаянной попытке бегства, но побег от себя невозможен. И вдруг – в тишине, нарушаемой только вздохами и гулким стуком сердца – раздался стук, едва слышный.

Миг – и на пороге появился силуэт, вырезанный из теней

и грёз. Мужчина. Молодой, привлекательный – не больше двадцати пяти – очередная жертва, чтобы ещё сильнее затянуть петлю вокруг моей шеи.

Он выглядел как ангел, переодетый в костюм грешника: обтягивающий кожаный жакет, чёрные брюки. Короткие светлые волосы слегка растрепаны, словно только что проснулся. На левой руке – серебряные кольца – украшения, которые скоро станут памятниками, на шее – тонкая цепочка с небольшим крестиком. Наивность, замаскированная под браваду. Ягнёнок в львиной шкуре.

Он закрыл за собой дверь с тихим щелчком – звук эхом отозвался в висках, как выстрел в пустой церкви. Уверенно приблизился к кровати. В каждом движении – напускная самоуверенность. Лисий взгляд манил загадочностью, но в глубине плескался страх.

Он жаждал запретного наслаждения – мотылёк, летящий на огонь, и готовый сгореть ради мимолётного удовольствия. В движениях читалась та особая рискованность молодости, которая считает смерть красивой легендой.

Его прикосновения всколыхнули новую волну желания – тёмного, всепоглощающего, от которого кружилась голова и сердце учащённо билось, грозясь вырваться из пылающей груди. Кожа под его пальцами вспыхивала, как трут от искры, разум медленно таял, как воск под пламенем свечи.

Внутри бушевал ураган чувств – любовь и ненависть сплелись в смертельном танце. Я пыталась бороться с искушени-

ем, оттолкнуть его молчаливым жестом, но руки не слушались, словно принадлежали кому-то другому.

– «*Остановись...*» – отчаянно кричала душа, цепляясь за хрупкие остатки человечности, как утопающий за обломки корабля. – «*Ты убьёшь его... Нет... Не делай этого...*»

Тело дрожало, каждая мышца протестовала против происходящего. Теряя контроль, я не хотела подаваться дьявольской и губительной страсти, отнимать невинную жизнь у равнодушного мира.

Но старания оказались напрасными – попытки остановить лавину голыми руками. Невидимые цепи Катерины были крепче стали. Контроль рассыпался, как первый лёд на весенней реке.

Тело предало раньше, чем разум. Я покорно признала себя побеждённой, закрыла глаза, крепче прижала прекрасного незнакомца к себе – его кожа была тёплой, пахла мятой и запахом утра, которого он больше не увидит. Клыки вошли глубже в бездну проклятия.

Тук-тук-тук... Тук... Тук... Каждый удар хрупкого смертного сердца становился тише – ритм жизни ускользал сквозь пальцы, как музыка, которая затихает в пустом концертном зале. Дыхание прерывалось – последняя песня лёгких, которые забывают, как дышать.

Он подошёл слишком близко к краю, был обречён с того момента, как переступил порог. Веки слегка подрагивали, как крылья умирающей бабочки, губы застыли в улыбке –

последней иллюзии безмятежности.

Ощущения невозможно передать словами. Кровь – тёплая, сильная, живая – согревала, дарила покой, но вместе с ним – привычное отвращение к себе, горькое, как полынь. Хаос в мыслях сменился оцепенением, похожим на наркотическое забытьё. Я была готова на всё, чтобы продлить эти мгновения совершенства. И вдруг...

– Госпожа Катерина! – донёсся из-за двери голос Демиана – громкий, тревожный, пробивший наваждение, как ледяной душ. – Федеральная полиция устроила переполох на первом этаже!

Услышав о беспорядках, она мгновенно взяла себя в руки – кукловод, который внезапно потерял интерес к игрушке. Вскочила с кровати, движения резкие, точные. Оделась с механической точностью, рывком открыла дверь. Поинтересовавшись, что происходит, импульсивно вскинула руки – ногти сверкнули в лиловом свете.

– Да как им наглости хватило?! – гневно воскликнула. Голос дрожал от ярости. В глазах полыхал опасный огонь – пламя, способное спалить всё живое.

Катерина демонстративно вышла из комнаты, каблуки отстукивали по полу дробь – похоронный марш для тех, кто посмел нарушить её покой. Остался только запах жасмина и безжизненное тело юноши, который искал спасение, а нашел еще один грех...

###

Туман в сознании медленно рассеивался. Я резко мотнула головой, пытаюсь прогнать наваждение – каждое движение отдавалось болью в висках, как удары колокола. Встала на ноги, мир качался, как палуба корабля в шторм. Колени подгибались. Пошатываясь, неуклюже подошла к двери. Во рту стоял горький привкус меди и стыда.

– «Опять...» – гнев смешивался с ненавистью. – *«Чёрт возьми, опять я позволила ей это сделать. Опять поддалась на её игры, как наивная школьница».*

Я оперлась о дверной косяк, закрыла глаза на мгновение. Дыхание выровнялось, пульс замедлился. За стеной слышались приглушённые голоса – нервные, взволнованные. Что-то случилось.

Зал встретил тревожной тишиной – как кладбище в полночь, где даже ветер боится шелестеть листвой. Вокруг – гнетущая пустота, которая давила на плечи, как свинцовый саван.

Несколько официантов стояли возле бара, их лица бледные, как мел, руки дрожали, перебирая пустые бокалы.

– Надо же, какие гости... – прошептал один, в голосе сквозила едкая усмешка, но под ней страх. – И в такое неподходящее время.

– Думают, здесь что-то найдут? – другой нервно сглотнул, кадык дёрнулся, губы кривились в полуулыбке. – Бедняги не

знают, с кем связались.

– Интересно, как долго они продержатся, – третий сжал кулаки, взгляд был полон скрытого злорадства. – Госпожа не любит незваных гостей. Особенно в... униформе.

Они тихо перешёптывались, как заговорщики, с тревогой ожидая развязки происходящего. Но в их словах читалась уверенность – их хозяйка не так проста, как кажется смертным.

Со стороны лестницы послышались шаги – тяжёлые ботинки звучали, как барабанная дробь. Каждый удар отдавался в груди – предвестник беды.

– Отдел убийств! – грубый мужской голос разрезал тишину. – У нас ордер! Пропустите!

Катерина, услышав требование, угрожающе сверкнула взглядом – в нём плескалась ярость, готовая выплеснуться потоком крови и разрушений. Импульсивно оскалилась, обнажив клыки.

Она была готова убить любого, кто без дозволения переступит запретный порог. Но что-то подсказывало: ещё рано. Собрав остатки хрупкого контроля, через силу кивнула Демиану – каждый жест стоил ей нечеловеческих усилий, как удержание разъярённого тигра на цепи.

– Леон, Адриан, – тут же сообщил он по рации, голос был напряжённым. – Пропустите их.

Миновав охрану, полицейские во главе с несколькими детективами прошли по коридору. Движения резкие, углова-

тые – угроза, облачённая в форму закона. Воздух наэлектризовался от взаимной враждебности, словно перед грозой, которая разорвёт небо на части.

Один из них, держа в руках ордер – белый лист бумаги, который мог стать чьим-то смертным приговором – злобно и презрительно ухмылялся. Хищная улыбка акулы, учуявшей кровь в воде.

– Только этого не хватало... – тихо прошептала я сквозь зубы, чувствуя, как в груди нарастает знакомая тяжесть. – Максимилиан здесь – значит, дело серьёзное.

Кто этот наглец, предвкушающий громкий арест? Старший детектив отдела тяжких преступлений и по совместительству заместитель Аларика – Максимилиан Кёниг.¹⁸ Имя, которое в департаменте произносили со смесью уважения и отвращения.

Высокий, около тридцати пяти, с холодными серыми глазами – льдинки, в которых отражалась чужая боль, но не собственная совесть. Дорогой костюм сидел идеально, как вторая кожа, галстук был затянут так туго, что казалось – он задыхается от собственной важности. В движениях читалась уверенность человека, который привык ломать чужие жизни ради карьеры.

К королевской семье он, слава Богу, не имел отношения, но фамилия соответствовала нраву: высокомерный, надменный. Эгоист до мозга костей. Стремясь навязать своё мне-

¹⁸ С нем.: «Король».

ние, которое считал единственно верным, раздражал добрую половину отдела – гнойная заноза в теле справедливости.

В шаге от него шёл Артур – лицо мрачное, как грозовая туча. Увидев меня, он замер. Челюсть сжалась так сильно, что мышцы заходили желваками. В глазах – смесь недоумения и... разочарования? Предательства?

– Эл? – голос сорвался, как натянутая струна. – Какого чёрта ты тут делаешь?!

Внешний вид вызвал у него неоднозначные эмоции: взгляд рассеянный, верх рубашки расстёгнут, юбка помята, губы припухли от поцелуев. Картина, которая говорила сама за себя.

Я поспешила привести себя в порядок. Пальцы дрожали, застёгивая пуговицы, каждое движение было пыткой.

– Артур, Максимилиан, – игнорируя косые взгляды других полицейских, кивнула в их сторону. Голос прозвучал хрипло, словно после долгого крика. – Зачем вы здесь?

– Меньше разгуливай по сомнительным заведениям, чтобы не задавать глупых вопросов, Розенкрофт! – злобно фыркнул Максимилиан, губы искривились в брезгливой гримасе.

Каждое слово капало ядом. Его лицо исказилось маской праведного гнева – театральная постановка для публики. Возмущённый происходящим, он пытался разозлить меня – опасная и опрометчивая затея.

Внутри поднималась волна ярости, горячая, как лава. Хо-

телось свернуть ему шею, услышать хруст позвонков. Но ему... повезло.

Артур, стоя рядом, был единственным якорем, удерживающим меня от мгновенной кары. Не желая делать напарника свидетелем кровавой расправы – а потом объяснять, почему коллеги превратились в фарш – я предпочла промолчать.

Максимилиан, наслаждаясь мнимым «триумфом», злобно усмехнулся – самодовольная ухмылка крысы, которая думает, что поймала кота. Перевёл взгляд на Катерину, демонстративно поднял перед ней ордер – пустышка, выдаваемая за оружие.

– У Софии Мартин, жертвы серийного убийства, на теле было фосфорное тату в виде алмаза – своеобразный пропуск в этот клуб, – обратился к ней, каждое слово звучало, как удар молота по наковальне. – В её крови обнаружен специфический наркотик, – помедлил, с нескрываемым наслаждением наблюдая, как её всё сильнее охватывает ярость. – У нас есть основания полагать, что он покупался здесь, – повернув голову, кратко кивнул Артуру.

Воздух стал гуще. Дыхание участилось, пульс застучал в ушах барабанной дробью – ритм приближающейся катастрофы.

– На ближайшее время вы, госпожа Рейнст, и весь старший персонал клуба задержаны, – Артур сделал жест патрульным, рука описала театральную дугу. Голос звучал официально, отработанно, но я слышала скрытое напряжение. –

Вы проедете с нами.

Ситуация накалилась до предела – пороховая бочка с подожжённым фитилём. Детективы нагло заявили на пороге Алмаза, посмели обвинить клуб в причастности к нашумевшим убийствам и торговле смертельными наркотиками.

Катерина подалась вперёд, готовая совершить непоправимое – хотела свернуть Артуру шею. Глаза пылали демоническим огнём – два угля в бездне ненависти, готовых спалить мир дотла. Но...

– Нет! – я преградила ей путь, выставила руки вперёд. Опрямительно. Опасно. Но убей она их всех – и завтра федералы снесут это место с лица земли вместе с нами. – Не надо. Не здесь. Не сейчас.

Её лицо выражало недоумение и растерянность – эмоции, которые редко показывала. Импульсивно вскинула руку, словно собираясь нанести удар.

– Ты защищаешь этих жалких... смертных? – в глазах читалось разочарование – предательство любимой игрушки, что вдруг обрела собственную волю.

Я покачала головой, медленно указала на патрульных – их руки уже лежали на кобурах, готовые выхватить оружие при первом подозрительном движении. Провоцировать их – неразумно. Ордер, подписанный федеральным прокурором, позволял применять силу. А мёртвые полицейские означали войну, которую мы не выиграем.

Алые губы злобно сжались, внутри пылали противоречия

– буря в хрустальном бокале, готовая разбить его на тысячу осколков. Катерине всегда было сложно контролировать эмоции – слишком много веков власти и безнаказанности. Кровь была её языком, смерть – любимой мелодией.

Она не хотела уступать – каждая клетка тела протестовала против необходимости подчиниться. Но риск был неоправданно велик, как ставка в игре, где банк – собственная жизнь. Отринув притягательную мысль устроить кровопролитие, медленно посмотрела на Артура – оценивающий взгляд хищника, что решает, стоит ли дичь охоты.

– Как скажете... – высокомерно и раздражающе улыбнулась. Голос звучал сладко, как мёд, смешанный с ядом, – детектив.

###

Мы ехали в тишине. Катерину и персонал клуба увезли в отдельных машинах. Максимилиан самодовольно покинул место «триумфа», оставив нас вдвоём.

Артур пребывал в ярости – не той холодной злости, что тлеет и ждёт своего часа, а бушующем пламени, пожирающем всё на своём пути, оставляя за собой только пепел и сожаления.

Он дрожащими руками крепко вцепился в руль, словно спасательный круг в штормовом море – тщетная попытка сдержать ураган, что разрывал изнутри. Лицо – обычно при-

ветливое и доброжелательное – исказилось в гримасе раздражения – маска актёра сползла, обнажив истинную сущность.

Челюсти сжались до скрежета зубов – звук, похожий на скрип старых половиц в заброшенном доме. Взгляд метал молнии. Пульс бешено колотился в висках, как отбойный молоток по бетону. Он, словно загнанный зверь, был готов броситься на обидчика – только вот им оказалась я. Парадокс, который резал по живому.

– Что ты там делала? – процедил, голос дрожал от едва сдерживаемой ярости, каждое слово было пропитано недоверием.

Не выдержал. Пламя гнева взяло верх над хладнокровием – древняя битва между разумом и эмоциями, где побеждает тот, кто сильнее кричит. Обида жгла изнутри. Он хотел знать правду. Наивный...

– Алмаз... – продолжил, и в этом слове прозвучал яд кобры, готовой к смертельному укусу. – Из-за таких заведений, как он, у нас всегда будет работа, – сверкнул осуждающим взглядом. – Полицейский порочит себя, разгуливая по таким местам.

– *«Порочит себя...»* – мысленно повторила я с горечью. – *«Ах, Артур... Если бы ты только знал, что там действительно происходит, какие грехи скрываются за позолоченными стенами...»*

Искренне убеждённый, что имеет полное право, как напарник и друг, он хотел отчитать меня, вменить чувство ви-

ны, вбить в голову понятия о чести и долге. Но вместо пустых оправданий и слёзных признаний я иронично усмехнулась. Внутри зашевелилось что-то тёмное.

Для большинства смертных Алмаз – престижный клуб, где всё законно: лицензионный алкоголь, общение и веселье в рамках приличий, декорации цивилизованности. Но то, что происходит в запретном зале, заставит позавидовать самые развращённые заведения преисподней.

Слушая бесплодные нотации, которые сыпались, как град по крыше, я мысленно представляла, как будет забавно ещё сильнее разозлить моего «праведного» напарника. Дразнить его, как кот мышью перед последним укусом.

– *«Может, рассказать ему правду?»* – шептал цинизм сладким голосом искусителя. – *«Поведать во всех красочных подробностях, как развлекалась с молодым официантом незадолго до их прихода?»*

Воспоминания пробудили внутри волну неподдельного восторга: тихие вздохи, которые превращались в хрипы, горячая кровь на губах и красивая, нежная смерть... Хотелось посмотреть на лицо Артура, узнай он, с каким рвением и наслаждением я забрала хрупкую жизнь.

Опасные мысли роились в голове, как ядовитые пчёлы в разворошённом улье:

– *«Я искала информацию о маньяке. Только методы у меня... нестандартные»* – полуправда, которая могла прозвучать убедительно. А может сказать, что это было – *«По дол-*

гу службы? Под прикрытием?» – или просто признаться с циничной улыбкой. – *«Да, я убиваю ради удовольствия. До-волен?»*

Притягательный абсурд на грани безумия. Но в реальности раскрывать себя – как ходить по минному полю в темноте. Узнай кто-нибудь, что детектив полиции по собственной воле и с наслаждением совершает тяжкие преступления – моей карьере и спокойной жизни наступит быстрый и болезненный конец.

Не дождавшись ответа и заметив циничную усмешку, которая играла на моих губах, как пламя свечи, Артур окончательно разозлился. Лицо покраснело, словно его облили кипятком. Кулаки сжались. Учащённое сердцебиение смешалось с прерывистым дыханием – разъярённый бык перед атакой.

Он резко нажал на тормоз. Послышался пронзительный визг шин по асфальту – звук, который режет по нервам, как ногти по стеклу. Меня бросило вперёд, ремень врезался в грудь. Свернул на обочину – движения резкие, полные подавленной агрессии, готовой выплеснуться наружу. Отпустил руль, со злостью расстегнул ремень, импульсивно вышел, хлопнув дверью так, что стёкла задрожали.

– Выходи! – обойдя машину широкими шагами, с силой открыл дверь с моей стороны. Металл скрипнул в протесте.

Я не стала усугублять ситуацию, которая и так балансировала на грани взрыва. Но едва оказалась на ногах, он схватил

за ворот рубашки. Рывок. Притянул вплотную.

– А теперь поговорим как следует...

Ставки резко возросли, как температура в печи. Не подзревая об опасности, он смел открыто угрожать генералу – хищнику, что мог разорвать его на куски одним движением, как ребёнок бумажную куклу.

Я чувствовала, как тьма внутри понемногу берёт контроль, словно чёрный прилив заполняет последние островки человечности. Её голос звучал в голове сладким шёпотом: *«Как легко было бы сломать ему шею... Один поворот, хруст позвонков – и никаких больше вопросов. Только тишина и покой».*

– Отпусти... – окинула его холодным взглядом, едва сдерживалась от того, чтобы показать, кто здесь настоящий хищник. Клыки удлинялись в предвкушении.

– Ответ сначала на вопрос! Что ты...

Крик от резкой боли прорезал воздух. Он осёкся на полуслове, глаза расширились от неожиданности. Сжимая его руку в стальных тисках, я намеревалась доходчиво объяснить: даже напарнику не позволю так себя вести. Кости скрипели под давлением – звук тихий, но отчётливый.

Артур побледнел. Глаза расширились – не от боли, а от шока. В них мелькнуло понимание: я сильнее. Намного сильнее, чем он думал. И это его напугало.

– Я не стану повторять, – голос прозвучал тише. Но каждое слово было пропитано угрозой.

Он разжал ладонь, отпустил ворот, отстранился, словно от раскалённого металла. Придерживая запястье, которое наверняка покроется синяками к утру, пристально окинул взглядом – в нём мелькнуло что-то похожее на... страх? Перед тем, кто находится выше в пищевой цепочке.

– Да что с тобой происходит?! – раздосадовано воскликнул, голос дрожал. – Сначала, не сказав ни слова, рванула за тем психом в элитном районе, а теперь я обнаруживаю тебя в том клубе! Твой вид... – он умолк, слова застревали в горле. – Эл, скажи мне правду... Неужели ты пользуешься услугами этого... борделя?

– Нет, – демонстративно скрестила руки на груди, чувствуя, как напряжение между нами накаляется до предела. Какая ирония... Он думает, что я покупаю секс? А я покупаю кровь. Но в каком-то смысле он прав – это тоже низко и отвратительно. Разница лишь в том, что моя валюта – чужие жизни. – Это не то, о чём ты думаешь...

– Так объясни! – голос сорвался на крик, отчаяние провалилось сквозь злость. – Я волнуюсь за тебя! Не понимаешь разве?

В тот момент мы стояли друг против друга на пустынной обочине, словно два бойца перед решающей схваткой. Холодный ветер трепал его волосы. В глазах смешались боль и мольба – коктейль, который мог бы растопить каменное сердце.

Артур искренне беспокоился, пытался понять, как мы до-

шли до этой точки невозврата, где каждое слово может стать последним.

– «Бедный, наивный. Он хочет спасти того, кто давно потерян, вытащить из бездны существо, недостойное помощи? Я – хищник, а он – добыча. И единственное, что его спасало – статус напарника, тонкая нить, которая удерживала монстра в клетке. И всё же...»

Посвящать его в мрачные детали произошедшего казалось не просто неправильным – смертным приговором. Он не был готов к правде, которую так отчаянно жаждал. Правду, что убивает медленнее пули, но также неотвратно.

– Это тебя не касается, – демонстративно отвернулась, открыла дверь, села в машину, чувствуя, как злость клокочет в груди. – Ещё раз посмеешь угрожать, – с трудом сдерживая тёмное желание разорвать его, сверкнула взглядом. – Очень сильно пожалеешь.

Слова повисли в воздухе, как приговор, написанный кровью на стене. В салоне автомобиля стало холодно, словно смерть заглянула в окно и решила остаться на ужин.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Я стояла за односторонним зеркалом, наблюдая за допросом. Воздух в комнате был тяжёлым, напряжение буквально ощущалось кожей, дрожь от предчувствия взрыва. Каждый звук – шелчок ручки, скрип стула, шорох бумаги – отзывался в висках.

Катерина сидела – королева пауков в центре своей сети, – и наслаждалась каждым движением попавшей в ловушку мухи – Максимилиана. Пальцы, украшенные кольцами с чёрными камнями, барабанили по столу ритм, похожий на капли крови.

Один его надменный вид раздражал – слишком прямолинейный, честный для её извращённых игр, где правила писались болью и садизмом.

– Скажите, госпожа Рейнст, – он сжал губы, пальцы едва заметно дрожали. Поочередно подвинул к ней фотографии убитых девушек – портреты боли. – Вы знаете их?

Она окинула снимки взглядом, словно рассматривала произведения искусства в галерее ужасов. Каждое фото задержало внимание на секунду дольше, чем следовало бы невинному человеку. Губы изогнулись в улыбке, способной вскрыть артерию одним движением.

– Нет, – голос звучал как мышьяк в вине. Она изобразила притворное отвращение: поднесла руку к горлу в театраль-

ном жесте – актриса, играющая ангела перед занавесом, за которым прячется бойня. – Впервые вижу такую... мерзость.

– «Лжёшь» – мысль пронзила меня, как раскалённый штык.

Алые губы Катерины изогнулись в ехидной усмешке, глаза метали искры торжествующего превосходства – хищница, которая знает, что охотник безоружен, а капкан – дешёвая подделка.

Её слова звучали фальшиво. Открыто бросая вызов, она знала – у полиции нет реальных доказательств, способных её уличить. Только подозрения, которые в суде стоят меньше, чем дым от сигареты.

– По нашим сведениям, – Максимилиан сжал челюсти, чувствуя, как злость поднимается в горле, – они часто посещали ваш клуб.

– И что? – она демонстративно закинула ногу на ногу, движение плавное, гипнотическое – змея, выжидающая подходящий момент, чтобы впиться клыками в горло. – Алмаз пользуется завидной популярностью, – гордо подняла голову, свет лампы превратил её лицо в маску из золота и теней. Скулы заострились. – Каждую ночь наши залы переполнены... голодными душами.

Последние слова прозвучали с особым сарказмом. Максимилиан почувствовал, как по спине пробегает холодок. Всё было против него – игра в шахматы с дьяволом, и каждый ход – новая ловушка.

Один слабый аргумент, за ним второй, третий – пустая трата времени. Обвинить Катерину было не в чем – она скользила между законом, как ртуть между пальцами.

Алмаз был популярен. Каждую ночь его посещали десятки людей – агнцы, идущие на бойню с улыбками на накрашенных губах. К охране тоже не было претензий – Демиан и его парни пристально следили за порядком, маскируя волчью стаю под овечьими шкурами из дорогих костюмов.

Но у Максимилиана был козырь в рукаве – последняя карта в проигрышной игре, где ставка – справедливость.

– А что скажете на... это? – он подвинул результаты лабораторных анализов, бумага шуршала, как крылья летучей мыши в склепе. – Алый дурман. У последней опознанной жертвы он был в крови.

Впервые за весь допрос в глазах Катерины мелькнуло что-то похожее на настороженность. Едва заметное, как рябь на поверхности тёмного озера, под которым прячутся утопленники.

Алый дурман – синтетический наркотик – дарил ангельские видения и обрекал на адские муки. Появился на улицах внезапно, как чума. Дорогой. Желанный. Но всего пара приёмов – и душа растворялась в агонии, оставляя лишь пустую оболочку, которая дышала по привычке.

– Наркотики? – она театрально всплеснула руками, но пальцы едва заметно напряглись – единственная трещина в маске. Воздух задрожал от притворного возмущения. – Боже

мой, детектив, вы действительно думаете, что мой клуб... – склонила голову, тень упала на лицо, скрывая глаза. – Я веду честный бизнес.

Максимилиан сжал кулаки под столом. Каждая улыбка Катерины была пощёчиной, взгляд – ударом хлыста по оголённым нервам. Злость клокотала внутри. Но он должен был держать себя в руках – хищник в клетке, которого дразнят через прутья.

Но времени было мало. Без прямых доказательств её придётся отпустить через 24 часа. И она это знала. Улыбка на её губах говорила яснее слов: *«Вы проиграете, детектив. Как и все до вас»*.

###

Провал. Два часа в этом танце с дьяволом, и ничего. Лишь субъективные домыслы и горечь поражения на языке.

– Вы и ваши люди... свободны, – Максимилиан был вынужден отступить, как армия, проигравшая битву. Слова звучали приговором самому себе.

– Вот как? – Катерина медленно поднялась, движения грациозные, как у большой кошки. Обвела комнату взглядом, словно оценивая поле битвы после безоговорочной победы. – А я думала... – одарила его взглядом, полным презрения, – мы с вами ещё поиграем в эту восхитительную... игру.

Своей «игрой» она намеренно злила его, испытывала на прочность – психологическая пытка, растянутая во времени, как агония на дыбе. Но поделаться нечего: без веских оснований его руки связаны невидимыми цепями, которые крепче стальных кандалов.

Катерина вышла в коридор, неоновые лампы мерцали с частотой больного сердца. Заметила меня возле наблюдательной комнаты. Лицо озарилось игривой улыбкой – садист, обнаруживший любимую игрушку в коробке с остальными сломанными куклами. Вопреки опасениям, допрос только поднял ей настроение.

Наши взгляды встретились. В её глазах плескалось торжество – она знала, что я смотрела. Знала, что я видела её победу. И это доставляло ей удовольствие.

Следом за ней вышел Максимилиан: лицо красное от ярости, как маска гнева в японском театре, кулаки сжаты – снаряд, ищущий новую цель для взрыва. Став свидетелем нашего молчаливого обмена взглядами, он пришёл в бешенство.

– Она что надо... – подойдя, встал по правую руку. – Теперь понятно, что заставило одного из... – ехидно усмехнулся, но звук походил на рычание зверя, – лучших детективов променять честь, – голос упал до едва слышного шёпота, пропитанного ядом. – Эта шлю...

Я молниеносно схватила его за воротник рубашки, прервав поток грязи. Ткань затрещала под пальцами. Сдавила шею. Рывок. Прижала к стене. Дыхание стало прерывистым.

Запах его страха смешался с терпким одеколоном.

– Повтори... – прошипела сквозь зубы, чувствуя, как клыки удлиняются, прорезая дёсны.

Он тщетно старался выпутаться. Хрипел, извивался – муха в паутине, которая не понимает: чем больше бьётся, тем сильнее запутывается в липких нитях. Глаза расширились – увидел то, что скрывалось за человеческой маской.

Стена леденила его спину – холодный бетон стал молчаливым свидетелем медленной агонии. Он судорожно хватал ртом воздух. Каждый вдох – борьба. Его пальцы впивались в мои руки, ногти царапали кожу, оставляя красные полосы – последние росчерки отчаяния.

Упрямый, наглый, он совершил роковую ошибку: развязал язык, забыв, что слова имеют цену, а некоторые стоят жизни.

Поздний час и слепая зона камер сыграли на руку, словно судьба сама протягивала окровавленную ладонь. Коридор был пуст – ночная смена ушла на обход нижних этажей. Ни детективов, ни патрульных. Только флуоресцентные лампы гудели над головой, как умирающие осы, отбрасывая мертво-белый свет на серые стены – операционная, где вскрывают трупы и ищут причины смерти, которые всегда одинаковы: человеческая глупость.

Перед взором мелькали обрывки: инцидент в клубе, жалкие оскорбления и попытки задеть Катерину... Каждое слово эхом отдавалось в голове, подливая масло в огонь ярости.

Память – жестокая любовница, которая никогда не забывает обид.

Жизнь Максимилиана висела на тонком волоске – как паутина под дождём, готовая порваться от малейшего прикосновения ветра. Я чувствовала, как адреналин пульсирует в висках горячими волнами, пальцы сильнее сжались. Ни законов, ни моральных границ.

Он терял сознание, перестал сопротивляться – марионетка, у которой обрезали нити. Удары сердца стали тише – затихающие отголоски похоронного марша, который играют на заброшенных кладбищах.

– *«Он заслуживает этого!»* – шептал внутренний голос, тёмный и соблазнительный, как сирена, зовущая моряков на острые скалы. Но другой, тихий и настойчивый, напоминал с упрямством священника на исповеди. – *«Ты обещала себе не переходить черту. Ещё одна смерть – и станешь тем же монстром, которого преследуешь».*

Хотелось довести дело до конца, оборвать тонкую и хрупкую нить, что связывала его с жизнью – одним движением, как садовник срезает увядший цветок. Но убийство в департаменте полиции не останется незамеченным.

Рука неохотно разжалась. Он неуклюже сполз на пол, как сломанная кукла, закашлялся. Жадно глотал ртом воздух. Я опустилась на корточки, присела напротив – движение хищника, который изучает раненую добычу – протянула руку. Коснулась его подбородка, повернула лицо на себя. Кожа бы-

ла мокрой от пота, липкой от страха.

– Хочешь... продолжим? – поймала его взгляд, губы растянулись в хищном оскале. – Я очень хочу, – медленно нырнула в карман, достала десятицентовую монету, показала ему. Металл поблёскивал в свете ламп, как маленькое солнце. – Орёл – и испытаешь такую боль, которую в самых страшных кошмарах не сможешь вообразить.

Лёгкое движение – и монета полетела вверх. Время, казалось, замедлилось, каждая секунда растягивалась в вечность. Поймав её, зажала в кулак – жест фокусника, который знает, как обмануть доверчивого зрителя.

Максимилиан, охваченный дрожью, неотрывно смотрел на руку – его дыхание вновь стало прерывистым, хриплым. Зрачки расширились. Губы беззвучно шевелились – может, молитва? Или проклятие?

Он боялся. Но понимал: бежать некуда. Медленно потянулся к пистолету – опрометчиво, глупо, отчаянно, – последняя попытка переломить ход игры, которая была проиграна с самого начала.

Я резко схватила его за руку, угрожающе смерила взглядом – в нём плясали огоньки, которые обещали агонию.

– Дёрнешься, – сжала запястье, наблюдая, как он морщится от боли, – и убью тебя на месте, – рывок. Импульсивно притянула вплотную. Он почувствовал запах моих духов, смешанный с металлическим привкусом опасности. Раскрыла ладонь театральным жестом.

Интуиция не подвела опытного детектива. Увидев орла, он широко открыл глаза, на миг забыв, как дышать – лёгкие словно окаменели. В ужасе открыв рот, хотел позвать на помощь, но я вежливо намекнула: *«Это очень плохая идея»*.

– Тише, детектив... Кёниг, – произнесла шёпотом, поднося палец к губам в жесте, который мог показаться игривым, если бы не контекст. Голос звучал чужим, как эхо из подземного мира, где правят другие законы. – Привлечете внимание – и жертв станет... больше, – пауза. – А вы ведь, – слегка наклонила голову, ехидно улыбнулась, – не хотите подвергать опасности коллег? – резко отпустила его, он упал назад, ударившись затылком о стену. Звук был глухим, окончательным. – Ещё раз посмеешь оскорбить её или меня – распрощаешься не только с карьерой.

Последние слова прозвучали как приговор, который нельзя обжаловать. Флуоресцентные лампы продолжали гудеть над головой, равнодушные к человеческим драмам, разыгрываемым под их холодным светом. Максимилиан понял: игра окончена, и он проиграл не только партию, но и право на ошибку.

А за всем этим, словно тень искусителя, наблюдала Катерина – самовлюблённая эгоистка, хладнокровный монстр в обличье ангела. Она манипулировала людьми, использовала, как шахматные фигуры на доске. Убивала, наслаждаясь агонией, словно изысканным вином многолетней выдержки.

Но я не могла ничего сделать... Не могла, потому что она

– мой мастер – та, что надменно и жестоко лишила выбора, отняла всё, что было дорого. И за это ненавижу её всем, что осталось от моей человечности.

Но... узы крови сильнее ненависти. И это было проклятие, от которого невозможно сбежать. Даже если захотеть.

###

В коридорах эхом отдавались чужие шаги – звуки нормальной жизни, от которой я отдалялась с каждым днём, как корабль от берега в шторм. Артур остался с пустыми руками, был вынужден отпустить Демиана и всех арестованных в запретном зале – марионетки вернулись к своему кукловоду.

Он оперся в проёме дальней допросной, недовольный взгляд сверлил спины Катерины и её подчинённых – тени, скользящие по стенам, словно предвестники беды, которая уже постучала в дверь.

Я не хотела возвращаться к обсуждению вечера, пыталась пройти мимо, как призрак, который боится собственного отражения. Но...

– Нападение на заместителя шефа департамента, и при исполнении... – он медленно перевёл взгляд, голос дрожал от гнева и разочарования, срываясь на хрип. Флуоресцентные лампы отбрасывали на его лицо жёсткие тени, превращая знакомые черты в маску. Казалось, он видел перед собой не напарника, а чужого человека, готового растоптать всё,

что считал священным. – Это уголовное преступление, Эл.

– Преступление? – фыркнула я, едва сдерживая саркастическую усмешку. – Ну, раз ты всё видел, то, наверное, уже вызвал... подкрепление? Или обойдёмся очередными пустыми нотациями?

– Пустыми... нотациями? – повторил он с досадой в голосе, каждое слово падало, как капли кислоты на раскалённый металл. Шаг ближе. Плечи напряглись под тканью рубашки. – Я не узнаю своего напарника. Откуда в тебе такой... эгоизм?

Я проигнорировала настойчивость, шаг в сторону – танец уклонения, который знала наизусть. Попыталась уйти. Но он преградил путь, превратившись в стену из плоти и боли – барьер, который не даёт сбежать от правды, какой бы горькой она ни была.

Тишина повисла как Дамоклов меч. Он терпеливо ждал ответа. Но какое оправдание было подходящим для монстра в человеческом обличье? Что мог сказать детектив, чья «правильность» слишком часто ставилась под сомнение? Как объяснить ему, что я не лучше тех, от кого он клялся защищать родной город? Что каждую ночь борюсь с желанием уничтожить всё вокруг, превратить мир в пепел?

Я поддалась гневу, в очередной раз перешла допустимую черту: угрожала полицейскому в департаменте юстиции. При всей своей терпеливости, Аларик такого не простит... Карьера висит на волоске, как и всё остальное в моей жиз-

ни – иллюзия нормальности, которая рассыпается от одного неверного движения.

– Что ты хочешь услышать? – голос прозвучал тише, чем планировала, слова растворились в воздухе, как дым от потушенной свечи.

– Правду. Что связывает тебя с Алмазом?

Артур неожиданно перевёл ракурс с Максимилиана на Катерину – хотел знать, почему ради той, кто возможно причастна к смерти невинной девушки, я готова зайти так далеко. В его глазах читался страх – не за себя, а за меня. Что его напарник окончательно потерял в лабиринте собственных демонов.

Я считала это лишним – слишком тёмный секрет, слишком много крови для такого чистого и наивного идеалиста.

– Правда тебя не устроит. Ты попусту тратишь время.

Но уклончивый тон подлил масло в огонь, который уже пожирал остатки доверия между нами. Артур не собирался игнорировать происходящее. Эмоции захлестывали – взгляд наполнился разочарованием, смешанным с чем-то большим: болью предательства, которая режет острее ножа. Демонстративно положил руку на пистолет.

Время замерло. Мир сузился до одной детали – его ладони на кобуре. Я напряглась. Сердце колотилось о рёбра.

– *«Он не посмеет. Не на меня. Не после всего, через что мы прошли».*

Но в его глазах была решимость человека, который готов

сделать то, что считает правильным. Даже если это разобьёт ему сердце.

– Артур, – сделала шаг назад, – ты совершаешь ошибку...

– Ошибку? – вспыхнул он, глаза сузились, голос стал ледяным, каждое слово – удар хлыста по обнажённой коже. – Ты напала на старшего офицера департамента! Ранее я застал тебя в клубе, который, возможно, распространяет опасный наркотик, не говоря об оказании услуг сомнительного толка! И ты говоришь мне про ошибку?!

Я сжала губы. Природное бунтарство и высокомерие приказывали ответить на провокацию. Но разум признавал: гнев справедлив. В его голосе звучала боль человека, который видит, как рушится всё, во что верил, как замок из песка под напором прилива.

Мои поступки запутали его. Как напарники, мы хорошо ладили, быстро раскрывали сложные дела, обеспечили многим пожизненный билет в места с решётками на окнах. Но теперь тот, кому он доверял, без колебаний нарушал всё, что так старался защитить.

– Ты думаешь, я слепой? – его голос дрожал от обиды и бессилия, каждое слово было пропитано горечью. – Ты нарушаешь закон, Эл. С каждым днём всё дальше отдаляешься от меня, от всего, что поклялась защищать! И я... – запнулся, сглотнул комок в горле. – Я не знаю, как тебя вернуть...

В груди кольнула что-то похожее на... сожаление? Он застрял на перепутье – между светом и тьмой, правом и

местью. Искренне пытался найти причину, толкнувшую на опрометчивый шаг. Наивно верил: *«Это не я, а последствия долгого стресса, связанного с громким делом»*.

Наивное заблуждение. Оправдания убийству в клубе и падению на Максимилиана не было – и не могло быть. Я хотела так поступить и поступила. Выбор был мой – и сделала его давно, когда решила, что собственные цели важнее законов.

– Не устраивай пустых сцен, Артур, – холодно ответила, чувствуя, как что-то окончательно замерзает внутри – последние остатки тепла, которое когда-то называлось человечностью. – Меня не нужно возвращать. Я всегда была такой. Просто ты не хотел этого замечать. Намерен обвинить или выдать шефу, – с безразличием в голосе добавила, готовая к последствиям. – Действуй.

– Я не собирался давать этому огласку, – его голос надломился, как сухая ветка под тяжестью снега. – Просто объясни, что происходит. Мы напарники, но... – растерянно отвёл взгляд, опустив голову, тяжело вздохнул, – сейчас не знаю, можно ли тебе доверять...

Происходящее окончательно загнало в тупик, из которого был только один выход: правда. Я чувствовала, как внутри борются две силы: одна – холодная и расчётливая, шептала:

– *«Артур никогда не поймёт, кто я на самом деле»*. – Другая – слабая, но настойчивая – напоминала – *«Он единственный, кому могу доверять. Последний шанс. Последняя ни-*

точка, связывающая меня с человечностью. Если порву её – пути назад не будет».

В коридоре повисла тишина. Где-то далеко тикали часы, отсчитывая секунды – последний аккорд симфонии доверия.

– Хорошо – слово вырвалось раньше, чем успела его остановить. Внутри что-то дрогнуло – последняя попытка удержать маску. – Но не здесь. Продолжим разговор утром. У меня дома. Там я всё расскажу.

– «Расскажу... Если найду в себе силы. Если к утру не превращусь окончательно в монстра, который уничтожит всё, что когда-то любил. Если останется хоть что-то от той Ерсель, которой он когда-то доверял.»

Артур кивнул – движение было тяжёлым, будто голова сделана из свинца. В глазах читалась надежда – хрупкая, как первый лёд, но всё ещё живая: *«может быть, утром всё будет по-другому? Может быть, солнце растопит холод, который поселился между нами?»*

Может быть. Но я знала: некоторые истины убивают не сразу – а разъедают изнутри, превращая человека в пустую оболочку. И то, что скажу ему завтра, может стать той каплей, которая переполнит чашу его веры в справедливость.

###

Ночь утонула в тяжёлых размышлениях. Я обхватила подушку, прижалась к ней лицом, но терзающие мысли не от-

пускали – острые когти вчерашнего вечера впивались в сознание, как заусенцы на совести.

Тиканье часов на стене усиливало гнетущее напряжение, каждый звук бил по нервам. И – внезапно раздался стук – тихий, деликатный, знакомый, как дыхание.

– Госпожа Ерсель, вы проснулись? Можно войти? – в голосе Вальтера звучала давно забытая современным миром вежливость. Он открыл дверь, сделал шаг, ещё. Я почувствовала, как мышцы невольно расслабляются – условный рефлекс, выработанный годами доверия. Подошёл ближе к кровати, окинул меня взглядом, в котором читалась досада, смешанная с нежностью. – Вы не спали всю ночь? – укоризненно покачал головой, морщины у глаз углубились от беспокойства, которое носил, как крест. Голос звучал как смесь заботы и лёгкого раздражения – тон человека, который устал видеть, как те, кого он любит, разрушают себя изнутри. – Ваше здоровье пострадает от этого...

– Всё будет в порядке...

Я отвернулась, чувствуя, как в горле пересыхает от ложной бравады. Не хотела показывать слабость – старая привычка, что сидела в костях, как осколки битого стекла.

Вальтер не питал наивных иллюзий. Знал: отчитывать бесполезно – я слишком высокомерна, чтобы прислушиваться к смертному, чья жизнь ограничена одной незначительной эпохой. Но он помнил другую меня. Ту, что кричала от боли и горя в горящем Берлине сорок пятого, когда мир ру-

шился на части, а кровь текла рекой по мостовым. Как давал слово защищать меня даже ценой собственной хрупкой жизни.

– *«Сколько лет прошло?»* – мелькали мысли, согревая ледяное сердце. – *«Семьдесят? А он всё тот же – мой верный страж, мой якорь в этом безумном мире».*

– Понимаю, не слушаете, – тяжело вздохнул, плечи опустились под грузом воспоминаний, которые носил, как чемодан, полный свинца. Пальцы сжались, потом разжались – старая привычка контролировать эмоции, выработанная в окопах и допросных. – Но я вынужден попросить поберечься. Вчера вы пришли очень поздно и выглядели уставшей, – присел рядом, кровать слегка прогнулась под его весом. – Я переживаю за вас. Не думайте о плохом. Вы гениальный детектив и обязательно раскроете правду.

Его бархатный и нежный голос успокаивал, как колыбельная из далёкого детства, от которого остались лишь разбитые осколки в музее памяти. Он был уверен: я справлюсь с любыми трудностями – слепая вера солдата в своего командира, пронесённая через десятилетия, как олимпийский огонь через века.

К десяти часам в дверь постучали. Неуверенно, но настойчиво. Я узнала его шаги ещё до того, как он произнёс своё имя – тяжёлая поступь человека, несущего груз ответственности на плечах, как Атлант несёт небосвод.

Голос Артура за дверью звучал твёрдо, но с ноткой трево-

ги – музыкой, которую научилась читать за годы знакомства. Пульс участился. Мне не хотелось открывать, но обещание есть обещание – даже демоны должны держать слово, иначе мир поглотит окончательный хаос.

Он переступил порог, разулся с привычной аккуратностью. Повесив плащ на вешалку, не спеша прошёл в гостиную – движения контролируемые. Кивком поприветствовал Вальтера – признание между мужчинами, понимающими язык силы. Сел на диван, отключил телефон, положил его экраном вниз на стол – символический жест, отрезающий связь с внешним миром.

– Итак, – посмотрел на меня, мышцы челюсти напряглись, превращая лицо в маску солдата перед боем. – Ты обещала всё рассказать.

Я не решалась начать разговор. Сомнения сжимали грудь, как невидимый корсет, затягивающийся с каждым вдохом. Мысленно перебирала варианты, думая, как сказать правду и стоит ли это такого риска? Но ложь между напарниками – яд замедленного действия.

– Артур, – села рядом на край дивана, чувствуя, как холод сковывает пальцы, превращая их в ледяные когти. – Катерина не причастна к смерти Софии. Произошедшее вчера в клубе... – помедлила, пытаюсь скрыть дрожь в голосе. – У нас непростые отношения. Она изредка помогает мне в расследовании. Но... – горло стянула невидимая удавка, каждая мысль о ней, даже имя, жгло, как кислота на открытой ране.

– У вас что-то... большее? – интуитивно предположил он, голос стал тише, осторожнее.

– Это сложно объяснить... – я отвела взгляд, чувствуя, как сердце колотится о рёбра. – Артур, – собралась с духом, втянула воздух полной грудью, словно готовясь к прыжку в пропасть. – Наш разговор разрушит всё, во что ты до этого верил, знал...

Повисло тревожное молчание – густое, как туман над кладбищем, где покоятся мёртвые иллюзии. Он нахмурился, обдумывая сказанное, пальцы барабанили по колену нервным ритмом. Принимал решение, взвешивал на весах доверия, затем произнёс:

– Мы напарники, – голос стал твёрже, плечи расправились, как у солдата, принимающего присягу. – Если я прошу тебя доверять мне, то и сам обязан. Даже если это будет что-то вроде: «Я инопланетянка, и мой корабль припаркован на крыше».

– Хорошо...

Услышав про иных, Артур предсказуемо не поверил. Иронично улыбнулся – натянутая маска скептицизма, за которой пряталась растерянность. Посчитал сказанное неуместной шуткой, глупым розыгрышем, попыткой разрядить атмосферу. Но увидев клыки – замер. Лицо побледнело до цвета пергамента.

– Господи... – сидя с широко открытыми глазами, тихо прошептал, правая рука сжала подлокотник дивана, костяш-

ки побелели. Дыхание стало прерывистым, как у человека, который внезапно понял, что всю жизнь жил в декорациях. – Это правда... – взгляд метнулся к Вальтеру, ища в нём спасительный островок знакомого мира, но интуиция заставила напрячься. – А ты? Ты тоже...?

– Нет, – Вальтер покачал головой, и я заметила, как его пальцы легко коснулись пояса – старая привычка проверять, на месте ли оружие, выработанная в годы, когда смерть ходила по пятам. – Я обычный человек. Но... – он замолчал, словно подбирая слова, что не взорвут и без того хрупкую реальность.

– Но? – Артур нервно сглотнул, ожидая очередного шокирующего ответа.

– Я намного старше вас, – Вальтер выпрямился, и в нём проступили черты того солдата, что когда-то маршировал по европейским дорогам, оставляя за собой пепел и кровь.

– Старше? – он отодвинулся, голос стал тише, почти шёпотом. Инстинкт самосохранения требовал дистанции от всего, что нарушало законы природы. – Это... как?

– Я родился в 1912 году и служил в Вермахте, – без тени сомнения ответил Вальтер, и посмотрел на меня с тем же знакомым преданным взглядом, что когда-то в Польше и Риме – взглядом человека, который выбрал свою сторону и не сожалеет. – Под её командованием.

Артур откинулся назад, словно получил удар в солнечное сплетение. В глазах промелькнул ужас – не от самого фак-

та, а от осознания масштаба. Сколько лет? Сколько смертей? Сколько тайн хранит этот дом?

Я молчала. В памяти всплыли осколки войны: форма генерала, отточенные движения, дым над руинами. Вальтер – тогда ещё капитан – единственный, кто понял мою истинную природу и не предал.

– *«Он видел, как я убивала. Видел кровь на моих руках. И всё равно остался».*

Единственный, кто выбрал чудовище вместо человечества, потому что увидел в нём что-то, достойное защиты. И даже спустя десятилетия – не забыл клятву, принесённую в дыму сражений.

###

Воздух в комнате загустел, словно перед грозой. Тишина натянулась острой струной, готовой разрезать привычную реальность. В глазах Артура плескались волны шока – они разбивались о скалы его убеждений, превращая привычный мир в руины.

Он смотрел на нас, как археолог на найденные останки инопланетной цивилизации – его понимание трещало по швам, рассыпаясь хрупкими осколками. В зрачках отражались тени невозможного, превращая знакомое в калейдоскоп кошмаров.

– Абсурд, – истерический смех прорвался сквозь стис-

нутые зубы. Ладонь накрыла лицо, пальцы дрожали мелкой дрожью. – Генерал Вермахта... нацисты... мёртвый, но оживший офицер СС... – голова мотнулась из стороны в сторону, словно пытался стряхнуть липкую паутину видений. Взгляд метнулся ко мне – в нём смешались отчаяние и последняя надежда на здравый смысл. – Эл... а давно ты ...?

– Иной? – я позволила губам изогнуться в призрачной улыбке, наблюдая, как кровь отливает от его лица. – Катерина обратила меня в 1501 году.

Артур застыл. Глаза распахнулись так широко, что казалось, вот-вот лопнут сосуды. Челюсть отвисла, мышцы шеи напряглись. Рот приоткрылся? Но слова вязли, отказываясь складываться в осмысленные звуки.

– Четыре... больше четырёх веков? – голос прорвался хрипом, словно сквозь удавку.

– Да.

Информация просачивалась в его сознание медленно, как кислота, разъедающая металл. Дыхание сбилось. Костяшки пальцев побелели – он вцепился в край стола, словно в спасательный круг. Зрачки расширились. Вены на висках пульсировали, отбивая панический ритм.

Он балансировал на краю пропасти между сном и безумием. Мне было знакомо это чувство – когда привычный мир рассыпается в прах, оставляя лишь осколки того, что казалось неизблемым. Столетия прошли с тех пор, как моя собственная реальность разлетелась вдребезги. Но этот разго-

вор давался особенно тяжело.

Артур молчал несколько минут, переваривая услышанное. Взгляд метался между мной и Вальтером, словно пытался найти подвох в наших лицах.

– А... – облизнул пересохшие губы, голос звучал неуверенно, – а как же всё то, что показывают в... фильмах? – жест рукой, словно очерчивающий невидимую картину. – Превращения в летучих мышей, и дым... распадение на рассвете...

Кадык дёрнулся, когда он произнёс последние слова. В глазах мелькнула детская надежда – может, всё не так страшно? Может, это как в кино?

– Стереотипы. – я мимолётно улыбнулась, наблюдая, как последние иллюзии рушатся в его сознании. Артур словно разом забыл, что миром правит физика, а реальность прозаичнее и страшнее. – Голливудская чушь для доверчивых зрителей.

– Думал, вы что-то... сверхъестественное, – разочарование просочилось в голос. Он ожидал триллера, а получил сухую лекцию по биологии. Облегчение проступило на лице бледным рассветом. – Оказалось так... обыденно.

– Всё имеет объяснение, – согласилась я.

– А... кровь? – вопрос вырвался почти шёпотом. Кадык снова дёрнулся, словно он произносил это слово впервые в жизни. – Тоже миф?

Тишина опустила тяжёлым саваном. Артур сжался, готовясь к удару. Его надежда была почти осязаемой – и такой

хрупкой.

– Увы, – я пристально посмотрела ему в глаза, понимая: сейчас разрушу всё. Окончательно. – Внешне иные могут казаться людьми. Но внутри... внутри мы давно перестали ими быть.

Он вздрогнул, задержал дыхание. Облегчение испарилось, сменившись осознанием: его напарник – чудовище, зависящее от крови других. Бледность вернулась.

– Значит...

– Нет, – я покачала головой, предвосхищая мысль. – Иные не всегда доводят дело до конца. При должном самоконтроле жертва остаётся жива.

– Значит, вы прибегаете к убийствам только в крайних случаях? – отчаянная надежда звенела в голосе, как последняя струна разбитой скрипки.

За годы работы детективом Артур видел слишком много и понимал: мир не чёрно-белый. Он видел эгоистичных психопатов, больных убийц, которые наслаждались страданиями. Наркоманов, ломающих чужие жизни из-за дозы. И тех, кто брал правосудие в свои руки, когда система оказывалась беспомощной, как труп на дне болота: отцов, убивающих ради детей. Жертв, мстящих палачам. Их кровь пахла горькой справедливостью.

Но большинству из нас плевать на мораль, закон, или правила. Мы выходим на охоту, выбираем самых незащитных, тех, кто не сможет дать отпор, кого не будут искать.

– После обращения грань стирается. Ощущения обостряются до боли. Жажда накрывает ураганом, сметая всё, что имело значение. Не важно, каким праведником ты был при жизни – первый раз всегда заканчивается убийством.

– И у тебя тоже? – голос Артура дрожал. Он съёжился, плечи напряглись. Боялся ответа, который уже знал.

Я не стала лгать. Короткий кивок. Воспоминания хлынули потоком: барочная спальня, позолоченная лепнина, тихое эхо каблуков на мраморных ступенях. Служанка – девочка не старше двенадцати, с ангельским лицом и косичками цвета спелой пшеницы.

Через минуту её сердце остановилось в моих руках.

– Боже... – слово сорвалось с губ почти беззвучно.

Правда ударила Артура, как кувалда по стеклу. Глаза распахнулись в животном ужасе – не удивлении, а первобытном страхе. Лицо стало восковым. Руки затряслись так сильно, что он спрятал их под стол.

– *«Она убивала. Сколько раз? Сколько тел? Сколько из тех, кого я считал пропавшими, на самом деле стали её жертвами?»* – читалось на его лице.

Рядом с ним сидел настоящий монстр. Тот, чей путь начался с убийства невинной.

– Ты действительно... – он замялся, тщетно пытаясь скрыть отвращение. Инстинктивно отодвинулся – рефлекс выживания, – ничего не чувствуешь?

Я видела, как он вжался в спинку стула, ожидая услышать

бесчувственный ответ. Но правда сложнее.

– Почему же... Нам не чужды человеческие эмоции – радость от первых лучей солнца, пробивающихся сквозь облака. Печаль при виде увядающих цветов в витрине. Даже сострадание к брошенному на улице котёнку. Я всё ещё плачу над книгами с печальным концом.

Любовь тоже не исчезает. Она жжёт сильнее, чем в смертной жизни. Ревность превращается в яд, разъедающий изнутри. Гнев – в пожар, сжигающий всё на своём пути. Страх перед одиночеством становится пыткой, растянутой на столетия.

Но есть одно «но» – тёмная жажда. Когда она поднимается из глубин, то сметает все. Принципы рассыпаются в прах. Мораль становится пустым звуком.

В этот миг неважно, кто перед тобой – друг, которому доверяешь тайны, или враг, которого ненавидишь. Возлюбленный, чьи губы помнят твои поцелуи, или случайный прохожий, чья тень мелькает в безликой толпе. Чужие жизни теряют всякую ценность, а законы превращаются в пустые слова на бумаге, где всё дозволено.

Жажда не делает бесчувственными – она делает нас чудовищами, способными чувствовать каждую эмоцию жертвы и наслаждаться этим.

###

Артур сжал кулаки до боли. Внутри бушевала безмолвная война между разумом и инстинктом выживания, каждый отчаянно требовал своего. Мои слова вонзались осколками разбитого зеркала, медленно прорезая кожу привычного мира, оставляя кровавые дорожки сомнений.

В его глазах одновременно плескались ужас, отвращение и какая-то болезненная завороченность – как у человека, наблюдающего автокатастрофу в замедленной съёмке. Не может отвернуться, хотя каждый кадр режет по живому.

– «Артур...», – подумала я, изучая его лицо, словно карту разрушенного города. Он боролся с осознанием того, что годами работал рядом с убийцей, делил утренний кофе в пластиковых стаканчиках, обсуждал дела над холодными сэндвичами, смеялся над глупыми шутками в патрульной машине. – *«Его мир больше никогда не будет прежним».*

И он это понимал – и ужасался. Тело сковала свинцовая тяжесть, словно на плечи легли железные цепи. В груди хлопотали болезненные сомнения – яд медленно разливался по венам, отравляя каждую клетку надежды.

Невыносимая правда терзала его разум и сердце, превращая в кровавые лоскуты всё, во что верил. Справедливость. Закон. Добро. Простые слова, которые ещё утром имели смысл.

Он сидел в полной растерянности, губы беззвучно шевелились. Задача почти невозможная – осмыслить то, что только что взорвало всю картину мира. Наклонился вперёд, об-

хватил голову дрожащими руками – поза человека, отчаянно пытающегося удержать рассудок от распада. Пальцы впились в волосы, на коже остались красные следы – словно пытался вырвать невыносимые мысли из черепа.

– Я... – голос вырвался хрипом. Плечи вскинулись, дыхание участилось, как у марафонца на финишной прямой. – Мне сложно это понять, – обессиленно опустил голову, закрыл лицо ладонями. – Всё разом навалилось... Нужно время...

В его душе громом клокотала глубокая обида. На протяжении лет я нарушала всё, что он с таким трудом защищал – закон, справедливость, веру. Его моральный компас превратился в сломанную стрелку, беспомощно мечущуюся в поисках нового севера в мире, где исчезли все ориентиры.

Я понимала его боль. Она мучила как открытая рана, в которую сыпали соль. Сердце сжала непривычная тяжесть – странное чувство для того, кто давно забыл, что такое раскаяние.

Рука медленно потянулась к его плечу. Пальцы едва коснулись ткани рубашки – попытка показать, что монстр во мне не затмил человека полностью. В голове металась отчаянная мысль:

– *«Может, ещё не всё потеряно? Может, найдём выход? Может...»* – резкий визг телефона разорвал хрупкий момент, как взрыв гранаты в церковной тишине. Звук пронзил воздух металлическими иголками. Артур вздрогнул. Я за-

стыла, пальцы зависли в воздухе. Связь прервалась, не успев начаться. – «*Чёрт! Кому там не сидится на месте?!*» – ярость ударила по вискам приливной волной.

Рука рефлекторно метнулась к карману. Момент человечности испарился, словно его и не было. Имя на экране исказило лицо гримасой отвращения:

«Максимилиан Кёниг»

«Федеральный департамент полиции»

– Максимилиан... – процедила сквозь стиснутые зубы. Пальцы сжали телефон с такой силой, что пластик угрожающе затрещал. – Тебя ещё не хватало...

Внутренний голос шептал предостережение: «Не отвечай». Этот раздражающий выскочка перешёл все границы дозволенного, настойчиво искал не просто неприятностей – смерти. Мысль свернуть ему шею всё ещё роилась в сознании. Не хотелось лишний раз поддаваться соблазну.

Но телефон продолжал надрывно визжать, как раненое животное в капкане. Максимилиан никогда не отставал – проклятый зануда с австрийской настойчивостью. Второй вызов. Третий. Четвёртый. Палец яростно смахнул отбой.

Пятый звонок. Вальтер нервно поёжился – чутьё подсказывало: если кто-то так настаивает, случилось что-то серьёзное. Согласна ли я? Отчасти. Максимилиан – заноза в причинном месте, но как полицейский стоит многого. Или ре-

шил испортить день. Оба варианта раздражали одинаково.

– Алло! – рявкнула в трубку.

– Привет, красавица! – послышалась наигранная беззаботность в голосе, словно пытался натянуть маску клоуна поверх похоронного костюма. – Как дела?

Я замерла. Максимилиан никогда не называл меня «красавицей» – скорее «исчадием ада» или «ходячей катастрофой». Что-то было не так.

– Какого чёрта тебе надо? – всплыла, решив, что он издевается. – Не хватило вчерашнего? Хочешь ещё?

– Эл, при всём уважении к твоей способности превращать мою жизнь в ад, сейчас не время, – голос дрожал, как у самоубийцы перед прыжком с крыши. На фоне слышались приглушённые голоса и торопливые шаги – департамент кипел, как встревоженный улей. – Нам нужно поговорить.

– Поговорить... – я с трудом удержалась от желания скинуть вызов. – О чём?

– У нас гость. Весьма... колоритный, – нервная усмешка просочилась в интонацию. – Молодой парень, лет двадцати пяти. Назвался Маркусом. Утверждает, что он наш убийца.

– Что...? – недоверие сжало горло стальными пальцами. – Максимилиан, что за бред ты несёшь?

– Вот именно! Когда он заявил это дежурному, я тоже не поверил. Обычно они не приходят с повинной в таком... приподнятом настроении, – голос стал осторожнее, но сарказм никуда не делся. – Он сидит в допросной уже полтора

часа. Не просит адвоката, воды, сигарет. Просто улыбается, – напряжённый вздох. – Знаешь, у меня чувство, что он... развлекается.

Максимилиан говорил легко, но в тоне читалось напряжение – нервозность за привычным профессионализмом.

– Но это не все, да?

– О, самое интересное, – он явно смаковал момент, но осторожно. – Он знает детали, которые мы не публиковали. Все детали. Описывает места преступлений так... живо. Словно лично присутствовал на них.

– Максимилиан...

– Да, дорогая? – тон стал ещё осторожнее. Почуял опасность.

– К делу.

– Будет разговаривать только с тобой. И ещё... – пауза, как перед поднятием занавеса в театре теней. – Он использует интересную терминологию. Называет тебя... как бы деликатно выразиться... генералом.

Сердце пропустило удар. Слово ударило кувалдой по грудной клетке. Мышцы превратились в гранит, кровь застыла в жилах ледяными иглами.

– Повтори... – голос стал шёпотом, режущим собственный слух.

– Генерал, – он произнёс слово осторожно, словно держал в руках взведённую гранату. – Сказал: «Передайте генералу: я жду». Ещё упомянул «старых знакомых» и «коллег по це-

знакомы. Надеюсь, не слишком тесно?»

Напряжение прошило тело электрическим разрядом. Тревога смешалась с желанием разорвать его на кровавые лоскуты при следующей встрече. Сволочь. Даже сейчас не упускал возможности съязвить, осторожно обволакивая сталь шёлком.

– Как выглядит этот парень? – я попыталась отвлечься от притягательного желания, разливающегося лавой по венам.

– Стильный. Тёмные волосы, высокий. Одет... скажем, как человек с альтернативными взглядами на моду. Но глаза... – умолк, подбирая слова, как заговорщик. – За двенадцать лет я видел много психов. Но этот... Эл, он смотрит так, словно знает жуткий секрет и наслаждается этим. И самое интересное...

– Что ещё?

– Поэтично выражается, – нервный смешок. – Сказал, что до полуночи у нас есть время подготовиться к «настоящему представлению», – голос стал серьёзнее. – Эл, не знаю, что за игру он затеял, но... этот парень другой. И не в клиническом смысле.

– Хорошо. Скоро буду. И, Максимилиан?

– Да?

– Если он ещё раз назовёт меня генералом – скажи, что ему понадобится... травматолог. А ты держись подальше от комнаты допроса.

– Понял, – облегчение в голосе стало почти осязаемым. – Передам твои... нежные приветствия.

Гудки в трубке. Максимилиан отключился быстро – умный смертный. Стоило раз «поговорить по душам», и научился держать язык за зубами.

Губы сжались до белой линии. Руки дрожали. Дыхание стало глубоким, болезненным. В сознании набатом проносились его слова:

– *«Генерал? Старые знакомые? Коллеги по цеху?!»* – каждая фраза подливала масло в огонь, пылающий в груди. – *«Кто этот мерзавец?! И откуда он знает?!»*

Рука сжалась, и прежде, чем успела подумать, телефон импульсивно полетел на пол. Удар. Треск. Осколки разлетелись по комнате, как звёзды по ночному небу.

Плечи болезненно напряглись. Гнев пульсировал в висках – клыки обнажились, на языке проступил вкус собственной – горький, отвратительный – крови. Лицо исказилось – маска человечности дала трещину.

Вальтер медленно отступил. Пальцы судорожно сжались вокруг старых отметин на шее – воспоминание о том дне, когда я впервые показала ему, что такое настоящая боль. Глаза метались, ища спасения. Губы дрожали, не в силах произнести ни звука.

Артур вздрогнул от внезапности, вжался в диван – инстинкт самосохранения сработал автоматически. Он видел меня раздражённой, недовольной, но не такой. Не настоя-

щей.

– Простите... – закрыла рот ладонью, увидев страх в их глазах. Тот первобытный ужас, что люди испытывают перед хищником. – Не хотела напугать. Мне... сложно даётся контроль эмоций.

Недоверие. Привычное. Оправданное. Неважно, насколько дорог иному смертный – семья или что-то большее. Человек всегда в опасности. На расстоянии одного импульса от смерти. Одной вспышки гнева. Одного момента потери контроля.

Мы можем притворяться людьми столетиями, но звериная суть никуда не исчезает. Просто... дремлет, ожидая подходящего момента.

– Нужно ехать в департамент, – посмотрела на Артура – его бледность соперничала с мраморной статуей. – Похоже, убийце надоело играть в прятки.

– Наш... маньяк? – его голос дрогнул на грани шока.

– Да, – кивнула, наблюдая, как он борется с дрожью в руках. – Максимилиан сказал, что некий Маркус пришёл с повинной. Заявил, что он убийца, которого мы ищем. Но... – помедлила, чувствуя, как в животе свивается холодный узел тревоги. – Будет разговаривать только со мной. И знает то, чего... не должен.

Артур искренне удивился – брови взметнулись вверх, рот приоткрылся. Даже в шоке детектив в нём не исчез.

– И что тебя настораживает? – спросил, цепляясь за про-

фессиональные привычки, как за обломки реальности.

– Предчувствие... – взгляд метнулся к Вальтеру. Его поза напоминала загнанного в угол зверька. – Я сталкивалась с подобным. Давно. И это... – слова застряли в горле, перетянутые алой удавкой воспоминаний.

В воздухе повисла тревожная тишина. Что-то подсказывало: игра только начинается. И ставка в ней – жизнь.

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Департамент звучал как оркестр перед катастрофой. Привычный гул голосов сменился приглушенными шепотами, словно все боялись потревожить злых духов, что притаились в углах.

Воздух сгустился до консистенции ртути, каждый вдох давался с трудом. Тревога просачивалась сквозь стены, оседала в легких. Запах адреналина – едкий, животный, смешанный с потом и застоявшимся табачным дымом – въедался в ноздри.

Сердцебиение коллег отдавалось в висках неровной барабанной дробью – десятки ритмов, сбившихся в тревожную какофонию. Даже кофе-машина работала тише, её бульканье терялось в зловещей тишине.

В наблюдательной комнате собрались несколько детективов – мрачные фигуры у мониторов. Франц нервно затягивался сигаретой, пепел сыпался на мятую рубашку серыми хлопьями. Свободная рука барабанила по столу нервным ритмом. Тук-тук-тук. Запах табака смешивался с кислым амбре пота и горьким кофе.

Рядом с ним Штайнер, молодой лейтенант, покусывал ногти до крови. Глаза метались от экрана к экрану, словно искали ответ в мерцающих пикселях. Кончики пальцев дрожали.

Максимилиан стоял неподвижно, руки скрещены на груди, лицо – каменная маска невозмутимости. Только едва заметное подергивание левого века выдавало напряжение, кипящее под железной самодисциплиной. Дыхание ровное, но слишком контролируемое – как у снайпера перед выстрелом.

Сержант Вебер в углу комнаты курил третью сигарету подряд. Затяжки короткие, жадные, дым выходил рваными клубами через сжатые губы. Его напарник Штеффан стоял рядом, пальцы сжимались и разжимались. Взгляд потерялся где-то в собственных мыслях.

В коридоре у двери допросной стояли бойцы спецназа – черные фигуры с автоматами наперевес. Их присутствие превращало привычные коридоры в военную базу, где каждый шаг мог стать последним. Тяжелые ботинки скрипели по линолеуму нервным ритмом. Рации потрескивали статичными сообщениями. Металлический лязг оружия смешивался с учащенным дыханием – симфония надвигающегося хаоса.

– Seriously? – Артур растерянно окинул взглядом вооруженных до зубов бойцов. – Для одного парня в наручниках? Который даже палец о палец не ударил?

– Приказ сверху, – буркнул Максимилиан, но в его голосе слышалось собственное недоумение. – Как только он заявил о причастности к серийным убийствам, начальство запаниковало. Боятся, что у него есть сообщники. Или что он попытается покончить с собой.

– *«Или кто-то наверху знает больше, чем говорит»* – по-

думала я, изучая лица спецназовцев. В их глазах читалось то же недоумение – профессионалы понимали абсурдность ситуации. Охранять обычного подозреваемого, как особо опасного террориста. – *«Когда последний раз видела столько вооруженных людей в одном месте?»* – бросила взгляд на командира. Настоящий богатырь с каменным лицом, вырезанным из гранита. – *«Ах да, во время войны... Только тогда враг был понятен. А сейчас мы охраняемся от призраков».*

Происходящее неприятно напоминало прошлое: шеф сидел за столом, безуспешно пытался разговорить подозреваемого. Но парень молчал – каменная стена, о которую разбились слова.

Аларик умолк. Минута тянулась как час. Две. Тишина давила на барабанные перепонки. Взял папку с материалами дела, тяжело привстал – движения выдавали усталость человека, который слишком много повидал. Выйдя из-за стола, повернулся к двери. Каждый шаг отдавался эхом в коридоре. Вена на виске пульсировала, челюсти сжались до скрежета зубов – звук, от которого мурашки пробегали по коже.

– Что-то удалось выяснить? – в голосе Артура слышалось напряжение. Пальцы нервно теребили край плаща. Самоконтроль еще не вернулся – сырые нервы торчали наружу.

Шеф недовольно сжал губы, покачал головой. Плечи опустились под тяжестью неудачи. Несмотря на большой опыт, остался с пустыми руками: ни признания, ни намек на заложников.

– Нет, – фыркнул, как недовольный бык перед атакой. Взгляд скользнул к стеклу, за которым сидел Маркус – тень в человеческом обличье. – Этот тип поднял на уши всех. Говорит: является маньяком, которого разыскиваем, – посмотрел на меня, протянул папку. Пальцы дрожали от усталости и подавленной ярости. – Твоя очередь, Розенкрофт. Этот псих будет разговаривать только с тобой.

Тяжелый воздух сдавил легкие – словно опустилась в глубины океана без акваланга. Казалось, стены вот-вот обрушатся на голову. По спине пробежала холодная дрожь – змея страха вползла под кожу и свернулась клубком между лопатками.

Пальцы застыли в воздухе, не решаясь взять папку. Взгляд задержался на плотном картоне, и в памяти всплыли отголоски допроса Карла. Тот тоже сидел так спокойно. Тоже улыбался. А потом начались убийства. Тысячи. Тысячи жизней, которые я могла спасти, если бы разглядела правду раньше. История повторялась, как избитая пластинка, что заедает на самом неприятном месте.

– Всё в порядке? – голос Аларика выдернул из кошмара забытых образов. – Ты что... – удивленно вскинул бровь, заметив бледность на моем лице. – Испугалась?

– *«Испугалась...»* – слово ударило как пощечина.

Да. Возможно. Внутри было желание развернуться, уйти, раствориться в коридорах. Допросная казалась зубастой пастью, готового разорвать на куски. Но если отступлю сей-

час...

Я отвела взгляд, машинально взяла папку – почти вырвала из рук. Холод обложки обжег пальцы, как январский лед. Каждый шаг по коридору отдавался гулким эхом в черепе, смешиваясь со стуком собственного сердца. Воздух сгущался, царапая лёгкие.

Дверь допросной скрипнула – зловещий звук эхом отдался в коридоре. Маркус, увидев меня на пороге, ехидно ухмыльнулся, демонстративно скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу – поза хищника, что знает: добыча сама идет в пасть.

Его внешность одновременно отталкивала и притягивала взгляд – как дорожная авария, от которой невозможно отвернуться, хоть и тошнит. Левая сторона лица и шея в шрамах от ожогов – белесые паутинки, хранящие историю боли. Темные волосы взъерошены, словно он только что проснулся. Один глаз карий, другой – светло-голубой.

Поверх плеч кожаная куртка с поясом – черная, как крыло ворона. Под светлой футболкой с темным узором – атлетичное телосложение. Справа на черных штанах маленький серебряный крестик – ирония судьбы или издевательство над верой? Левое ухо и бровь украшал пирсинг – металлические капли крови.

– *«Слишком нарочито...»* – мелькнула мысль, острая как осколок стекла. – *«Слишком... театрально».*

Маркус выглядел как панк из учебника по криминалисти-

ке. Демонстративный бунтарь, вызывающий, агрессивный – но что-то в этом образе не складывалось. Словно актер, слишком старательно заучивший роль, но забывший вжиться в характер.

Глаза... они его выдавали. Слишком чистые, как родниковая вода. В них не было той пустоты, которую я видела в других. Той мертвенной холодности, что отличает настоящих монстров от пустых теней за окном.

Я видела глаза убийц. Настоящих. Там всегда было что-то выеденное изнутри – словно часть души просто исчезла, оставив после себя зияющую дыру. А здесь горел живой огонь. Пусть и скрытый за театральной маской.

Я подошла ближе, медленно отодвинула стул. Металл скрипнул по полу – звук разрезал тишину. Присела напротив, изучая каждую черточку его лица. Небрежно кинула на стол папку – глухой удар разбилась о стены допросной.

– Старший детектив отдела тяжких преступлений федерального департамента полиции, Ерсель Розенкрофт, – представилась, чувствуя, как горло сжимается от напряжения. – А вы... Маркус, верно?

Он улыбнулся, кивнул. Движение плавное, почти грациозное – танец хищника. Но пять веков жизни научили меня одному: настоящее зло не кричит о себе. Оно тихое, незаметное. Прячется за улыбками и вежливостью. А этот... слишком громко заявлял о своей опасности.

– *«Серийные убийцы не носят кожаные куртки с пирсин-*

гом» – подумала, изучая его позу. – *«Они носят костюмы и улыбаются соседям. Они неприметные, как яд без вкуса».*

– Вы утверждаете, что являетесь тем, кого полиция разыскивает в связи с жестокими серийными убийствами. Это так? – голос прозвучал ровнее, чем ожидала. Профессиональная маска легла на лицо, как вторая кожа.

– Да, – его улыбка стала шире, обнажив белые зубы.

– Скажите... – я раскрыла папку, одну за другой выложила перед ним снимки истерзанных жертв. Каждое фото жгло пальцы, как раскаленный металл. – Вы узнаете их?

Он немного наклонился вперед, молча изучал фотографии. Пальцы слегка постукивали по столу – ритмично, как капли крови, что сочатся из раны.

– Великолепная работа, – спустя миг поднял взгляд, и в нем вспыхнул странный блеск – фосфор на болоте. – Вы согласны?

Я не ответила, молча вглядывалась в его лицо, прислушивалась к собственным инстинктам. Дыхание ровное, пульс спокойный. Никаких признаков возбуждения при виде жертв – а должны быть. Настоящий садист не смог бы так легко контролировать реакции. Что-то здесь не так.

– *«Хватит играть в маски»* – решила, чувствуя, как в груди разгорается охотничий азарт. – *«Время проверить, насколько хорошо он вжился в роль».*

Я откинулась на спинку стула, изобразила нарочитое безразличие. В воздухе повисло напряжение.

– Знаете, что самое странное в убийстве? – посмотрела ему прямо в глаза. – Все думают, что это как в фильмах. Драматично. Громко. А на самом деле... – пауза, полная яда, – это тихо. Почти интимно. Последний вздох звучит как шепот... влюбленного. Вы помните этот шепот, Маркус?

Он кивнул, но в глазах мелькнула неуверенность – едва заметная трещина в идеальной маске. Дыхание сбилось на долю секунды.

– И этот момент... когда понимаешь, что держишь в руках чью-то жизнь. Буквально. Она трепещет в ладонях, как подбитая птица, горячая, хрупкая. Это танец на грани двух миров, где ты – бог и палач в одном лице. Пульсирует под пальцами... – улыбнулась холодной улыбкой хирурга, – а потом остывает. И тепло уходит, словно его никогда и не было, оставляя после себя лишь холодный, бесполезный кусок плоти.

Маркус поморщился – слишком человеческая реакция для того, кто должен наслаждаться этим процессом. Бледность затронула его лицо, как первый признак болезни. Рука дрогнула, сжалась в кулак.

– *«Попался»* – триумф разлился в груди теплой волной. Охотничий инстинкт не подвёл – я видела дрожь в его пальцах, слышала учащенное дыхание, расширенные зрачки. Не возбуждение садиста. Отвращение. Страх. – *«Настоящий убийца засиял бы при этих словах, как ребёнок перед сладостями. А ты... ты играешь в монстра, не понимая, что на-*

стоящие монстры не морщатся от описания крови».

– Не знаю, кто, – я убрала фотографии обратно, демонстративно закрыла папку. Напряжение в мышцах растворилось, сменившись хрупким спокойствием. – Но вы не наш убийца. Слишком много... человечности в глазах. Какова истинная причина вашего прихода? Хотите присвоить чужую... славу?

Спектакль окончился, занавес опустился. Понимая, что обмануть не вышло, он громко засмеялся – звук эхом отразился от стен, превращая допросную в театральную сцену. В смехе слышались нотки облегчения и... восхищения?

– Потрясающе! – иронично захлопал, и в аплодисментах было что-то зловещее. – Вы не разочаровали меня! Все, что я слышал о вас – подтвердилось.

– Вот как? – я насторожилась, холодок пробежал по позвоночнику. – И что же вы... слышали?

– Нет, не так, – он покачал головой, в глазах мелькнул хищный огонь. – Давайте сыграем в игру. Ответ за ответ. Только честно.

– Шутите? – я тихо рассмеялась, но смех прозвучал натянуто, как треск старого дерева перед падением. – Что вы можете предложить, кроме дешевого спектакля?

– Подождите, генерал, – невозмутимо ответил он, и в голосе появились металлические нотки. – Развязка нашей беседы совсем близка. Как и ваше... прозрение.

Я скрестила руки на груди – скрытая провокация. Не по-

верила. Зря. Все случилось именно так, как он сказал. Буквально через пару минут в допросную вбежал ошеломленный Максимилиан – лицо бледное, как мел, дыхание сбитое, глаза расширены от ужаса.

– Что с тобой? – поспешила за ним в коридор, ощущая, как тревога сжимает горло. Сердце забилося быстрее, кровь пульсировала в висках. – Этот парень, – указала на дверь допросной, – не тот, кого мы ищем.

– погоди, Эл, – он спешно протянул планшет дрожащими руками. – Посмотри... Просто посмотри.

Я неохотно последовала просьбе. Взгляд упал на экран – и мир перевернулся. Свет планшета резанул по глазам холодным голубым светом. В онлайн-режиме транслировалось видео из темного заброшенного места. Изображение дергалось. Камеры ночного видения с нескольких ракурсов показывали шокирующую картину: шесть человек сидели спинами друг к другу – круг отчаяния. Рты были заткнуты кляпками, головы бессильно висели на груди. Один из заложников мелко дрожал, другой, кажется, уже не дышал. Руки крепко связаны веревками. Тела и пол залиты кровью – почти черной в зеленоватом свете.

– Проклятье! – импульсивно выругалась, чувствуя, как ярость вскипает в груди. Руки сжались в кулаки – под кожей проснулось что-то старое, опасное, едва сдерживаемое железной дисциплиной. Меня поймали в ловушку. Как неопытного новичка. Пятьсот лет опыта – и я велась на его игру, как

слепой котёнок. Желчь подступила к горлу. Унижение жгло сильнее любого физического огня. – Так вот о какой развязке шла речь...

Я вернулась в допросную. Маркус окинул надменным взглядом – охотник, наблюдающий, как добыча возвращается в клетку. В его глазах плясали отблески триумфа.

– Все еще не заинтересованы? – подавшись вперед, раздражающе улыбнулся. В этой улыбке читалось что-то знакомое – и пугающе чужое одновременно.

###

Воздух сгустился до консистенции крови – каждый вдох давался с трудом, словно дышала через мокрую ткань. Маркус нагло провоцировал, намеренно злил. Каждое его слово было отравленным кинжалом, медленно вонзаясь в старые раны. Я едва сдерживалась, чувствуя, как в груди нарастает знакомый жар – предвестник ярости, которая могла снести все на своем пути.

Хотелось стереть наглую ухмылку с его лица, прибегнуть к самым изощренным методам, заставить его говорить. Пальцы дрожали от желания обхватить его горло – почувствовать, как под кожей пульсирует жизнь, которую так легко прервать. Но...

– Интересная мысль вас посетила, генерал, – он продолжал ехидно улыбаться, посмотрел в сторону стекла, словно

видел сквозь него всех, кто наблюдал за нами. Взгляд скользнул по отражению, как по зеркалу души. – Но мы оба знаем – вы так не поступите. Ваши... коллеги все увидят, – вновь посмотрел на меня. – Детектив Майер станет не единственным, кто узнал правду... о том, что вы за чудовище на самом деле.

Сердце пропустило удар – болезненный сбой ритма, от которого потемнело в глазах. Кровь застыла в жилах, как отравленная река зимой. Холод разлился по телу волнами, начиная с затылка и заканчивая кончиками пальцев. Я опешила от услышанного, смотрела на него широко открытыми глазами – и в этом взгляде отражался весь ужас осознания.

– *«Как он...»* – мысль зависла на полпути, словно наткнулась на стену. – *«Артур. Он знает про Артура»*, – ощущение, будто кто-то вскрыл череп и залез внутрь грязными руками, перебирая воспоминания, как вещи в старом комод. – *«Не просто догадка. Он видел. Чувствовал. Читал меня с того момента, как я вошла в эту комнату»*.

– Сволочь... – злобно процедила сквозь зубы, чувствуя, как инстинкт хищника рвётся наружу. Каждое слово жгло горло, как концентрированная кислота. Ногти впились в ладони до крови – мелкие полумесяцы боли, что помогали удержать контроль.

Проклятый телепат. Дождался, пока я окажусь рядом, пролез в сознание, как вор в темную комнату, а теперь открыто шантажировал осколками прошлого. Но в его знании

было что-то еще – слишком точное, слишком... интимное. Он не просто читал мысли. Он знал меня. Но откуда? И главное – зачем?

– Поздравляю... – губы дрогнули в ехидной усмешке – привычный способ скрыть тревогу, выработанный веками. Подойдя, села за стол, стараясь не показать, как подгибаются колени. – Ты привлек мой интерес, – откинувшись на стул, демонстративно закинула ногу на ногу – поза расслабленности, которая была полной противоположностью внутреннему напряжению. – Что дальше?

Он приподнялся, оперся руками на стол – движение хищника, готовящегося к прыжку. Мышцы рук напряглись, проступили под кожей.

– Вам интересны те люди на видео? – наклонился ближе, и я почувствовала его дыхание на лице. Теплое, с металлическим привкусом и чем-то еще... знакомым. Запах, который будил в памяти отголоски прошлого – смутные, но пугающие. – Не так ли? Особенно тот... юноша справа. Он напоминает вам кого-то?

Мой взгляд метнулся к планшету – словно подчиняясь гипнозу. Действительно, один из связанных... светлые волосы, хрупкое телосложение, детские черты лица. На долю секунды экран планшета исчез, и я увидела другое лицо – доброе, с невинной улыбкой.

– «Феликс...» – имя обожгло изнутри, как глоток расплавленного свинца. Пальцы сжали планшет так сильно, что

экран треснул под давлением – тонкая паутинка, расплзающаяся по стеклу. Но я не чувствовала боли в руках. Только пустоту в груди, где когда-то билось что-то живое.

– Где они? – голос прозвучал хрипло, словно утонул в болоте воспоминаний.

– Прежде скажите, – его глаза сверкнули неподдельным интересом. – Давно вы знакомы с этим... прекрасным городом? И не лгите. Я чувствую ложь так же остро, как вы – кровь.

Проклятье. Он действительно мог читать не только мысли, но и эмоции. Чувствовал каждую попытку обмана, каждую ложь.

– Ладно, сыграем в твою жалкую игру... – я злобно усмехнулась, но внутри все сжалось от предчувствия беды. – Очень давно.

Он выпрямился, сел обратно на стул – движение грациозное, почти танцующее. Слишком совершенное для простого смертного. Каждый жест выверен, продуман.

– Они в старом месте города.

– Их много. Где именно? – нетерпение сжало горло. Каждая секунда промедления могла стоить жизни тем людям. А одно лицо среди них...

– Скажите, генерал, – его голос стал бархатным, гипнотическим – медовая ловушка, в которую так легко попасть. – Вам нравится смотреть, как другие умирают в... агонии? Истекают кровью, мучаются? – пауза, полная намеков. – Осо-

бенно невинные. Помните... ту прелестную служанку?

– *«Чертов манипулятор... играет с огнем, не понимая, с кем имеет дело»*, – образ девушки всплыл перед глазами: светлые волосы, доверчивые глаза, кровь на платье... – *«Использует против меня самые темные воспоминания – те, что старательно хоронила в глубинах сознания»*

Я сжала губы, не хотела отвечать на провокационный вопрос. Но он знал, как действовать на нервы.

– Ну же, генерал, – подначивал, в голосе появились знакомые интонации из кошмаров. – Помните правило? Ответ за ответ. Возможно, у тех людей осталось не так много времени...

Тикание часов на стене стало оглушительным – каждая секунда отзывалась в висках болезненным пульсом.

– *«Он знает, что я не смогу отказать. Знает, что вижу в этом юноше Феликса. Что буду цепляться за любой шанс спасти хоть кого-то, даже ценой признания»*. – желчь поднялась к горлу. – *«А что, если они уже мертвы? Что, если это просто запись? Что, если я отдаю ему всё – за труп?»*

Но взгляд снова метнулся к экрану. К светловолосому юноше. К его дрожащим плечам.

– Да, – выдохнула, чувствуя, как контроль понемногу рушится, словно плотина под напором воды. Слово вырвалось, как исповедь грешника перед последним причастием.

– *«Прости меня, Феликс. Я не смогла тогда. Не смогу и сейчас»*.

– Уже ближе, – он кивнул, довольный тем, как я ступаю по краю бездны. В глазах плясали огоньки триумфа. – Это место хорошо вам знакомо. Оно отражает всю вашу... суть.

– «Ублюдок» – промелькнуло в голове.

Руки тряслись от желания разорвать его, показать, что значит играть с настоящим монстром. Инстинкт хищника рвался наружу – древний, голодный, требующий крови. Под кожей что-то шевелилось, готовясь вырваться.

Но где-то в глубине сознания мелькнула тревожная мысль: а что, если это именно то, чего он добивается? Что, если весь этот спектакль – лишь способ заставить меня потерять контроль, показать истинную сущность перед камерами?

– *«Он провоцирует. Методично, как хирург скальпелем. Феликс, служанка, Артур... Каждое слово – удар по болевым точкам. Он хочет, чтобы я сорвалась. Чтобы все, кто наблюдает за нами, увидели, что я – не человек»,* – взглянул к зеркалу. – *«Максимилиан. Франц. Штайнер. Все они увидят. И тогда Артур действительно станет не единственным, кто знает правду. Но... если я не сорвусь – те люди умрут. А я снова буду виновата в чьей-то смерти».*

Воздух стал электрическим – предгрозовое напряжение, когда молния вот-вот ударит. Выбор между монстром и убийцей. Между разоблачением и ещё одной могилой на совести. Маркус загнал меня в угол, где любое решение ведёт к поражению.

###

Неоновый свет мерцал над столом, превращая лицо Маркуса в маску из света и тени. Каждое слово падало в тишину, как капли кислоты на металл – медленно, но неумолимо разъедая защитную броню.

Он умело тянул время, направлял разговор в нужное ему русло, словно дирижер, управляющий оркестром, где каждый инструмент настроен на мою боль.

Я ощущала себя крысой в запутанном лабиринте – каждый его ответ вел из одного тупика в другой, расплывчатые фразы сплетались в запутанную паутину, где он паук, а все остальные – добыча. Но в каждой игре есть правила.

– *«Стоп. Он не просто болтает»,* – мысль пронзила сознание, острая как лезвие скальпеля. – *«Каждое слово выбрано специально. Как в шахматах. Каждый ход имеет смысл»*

Я мысленно прокручивала наш разговор, анализируя каждую деталь, паузу. Он называл меня генералом. Не детективом, не по фамилии – именно генералом. Это ключ, который нарочно подбросил.

А потом был вопрос про Вену. Он прозвучал странно, но его интонация... Медленная. Значительная. Почти интимная – как врач, изучающий рану. Не «долго ли вы в городе», а именно «знакома ли с Веной». Слишком личное обраще-

ние для случайности.

– «Вена. Город? Или...» – пульс участился. – «Артерия. Кровеносный сосуд. Жизнь, текущая по венам».

Маркус, уловив обрывки мыслей, ехидно улыбнулся, словно намекая: «Вы на правильном пути». Ублюдок. Игра в ассоциации, где каждое слово – подсказка, а каждая подсказка – новая петля на шее.

Сердце заколотилось как бешеное. Если Вена – артерия, источник жизни, то что является ее противоположностью для такого чудовища, как я? Место, где жизнь не просто заканчивается, а где она была отнята в промышленных масштабах.

– «Генерал... воплощение ярости, мясник. Он намекает на то, кто я есть на самом деле?»

Агония. Страдания. Он не просто спрашивал – проверял, признаю ли свою сущность. Генералы не просто убивают. Мы создаем – бойни. Мы – те, кто превращает сотни жизней в статистику. А где смерть и страдания существуют неотделимо? Где каждый квадратный метр пропитан чужой болью?

– «Больница? Да, люди там умирают, но это... естественно, почти мирно. Морг? Там тишина, покой, никто не страдает – мертвые не чувствуют боли. А где лежат жертвы тех, кто убивает не ради выживания, а... наслаждения? Где находится финальная точка для тех, кого порвали на части такие, как... я?»

Адреналин острой иглой вонзился в сердце. Озарение

ударило, как молния в темноте – ослепительное, болезненное, неизбежное.

– Они на кладбище?! – я широко открыла глаза, ошеломленная собственной догадкой. Голос сорвался, царапая слух.

Кладбище. Конечно! Не просто место смерти – место, где страдания эхом отзываются веками. Сотни, тысячи смертей лежат рядом, как слои геологических пород. Каждая могила – чья-то агония. И не только мертвых, но и тех, кто приходит скорбеть. Вдовы, родители, дети... бесконечная цепь горя, что тянется через поколения. Идеальное место для психопата, который питается чужими страданиями.

– Поразительно! – Маркус вновь иронично захлопал. Его голос звучал как смесь сарказма и болезненного восхищения. – У вас, несомненно, есть шанс спасти тех... несчастных.

Самоуверенность сочилась из каждой поры этого ничтожества, как гной из инфицированной раны. Я была права, но пазл оставался нерешенным – в Вене почти полсотни кладбищ: старые, новые, заброшенные. Осмотреть за короткий срок даже одно – почти непосильная задача.

Маркус играл на время. Пока я разгадывала его загадки – жертвы умирали. Весь этот разговор – просто уловка для отвлечения внимания. А значит, пора сорвать маски и показать, что происходит, когда загоняют в угол настоящего хищника.

– Забавно, – я ехидно посмотрела ему в глаза. – Так на-

ивно убежден в собственной... неприкосновенности, – встав, оперлась руками на стол – движение кошки, готовящейся к прыжку. Его зрачки слегка расширились от предчувствия опасности. Инстинкт выживания, заложенный в каждом смертном, наконец дал о себе знать. – Считаешь, ты... лучше? – произнесла шепотом, наслаждаясь тем, как он непроизвольно подался назад. Спинка стула скрипнула под его весом. – Думал, придешь в департамент, разыграешь дешевый спектакль, и слава... твоя? – усмехнулась, и в этой улыбке не было ничего человеческого. – Да по сравнению с настоящим маньяком, не говоря обо мне, ты полное ничтожество!

Уловка сработала превосходно. Поддавшись на провокацию, он резко изменился в лице – ухмылка растворилась, как сахар в кислоте. Взгляд переполнился гневом и раненым самолюбием.

– Как вы смеете?! – импульсивно вскочил на ноги, стул с грохотом опрокинулся. Глаза сузились, вены на висках пульсировали бешеным ритмом. – Я могу, – дрожащим пальцем указал на стекло, – за секунду разрушить вашу жизнь!

– Правда? – я наигранно удивилась, медленно поднимаясь во весь рост. Пустая угроза загнанного в угол щенка. – Давай проверим.

Время словно замедлилось – как кадры съемки. Я вышла из-за стола. Два шага, может три. Молниеносно оказалась рядом. Его глаза расширились, рот приоткрылся в безмолвном

крике, но было поздно.

Пальцы впились в ворот его куртки, дешевая синтетика простонала под натиском. В нос ударил запах страха – кислый, острый, знакомый. Его тело напряглось. Потащила к дальней стене, наслаждаясь тем, как он беспомощно сопротивляется.

Удар спиной о бетон. Глухой звук, от которого внутри загорелся садистский огонь удовольствия. Его дыхание сбилось, превратилось в рваные хрипы.

– Итак, – рывком прижала к стене, сдавила шею, чувствуя под ладонью бешеный пульс, – все еще уверен, что находишься в... безопасности?

Кожа под пальцами была горячей, влажной от пота. Маркус думал, что все просчитал. Смешно. Беззащитный щенок перед волком. Задыхаясь, тщетно пытался освободиться – хрупкие смертные руки царапали мои запястья, оставляя красные полосы. Ногти впились в кожу, но боли не чувствовала. Только сладкое удовлетворение от контроля над чужой жизнью.

Его сердце отчаянно билось, как птица в клетке. Губы приобрели нездоровый синеватый оттенок.

– *«Оборви его никчемную жизнь»* – шептал внутренний демон. – *«Такие не заслуживают жизни! Он – отброс, паразит!»*

В крови бурлил адреналин – наркотик, от которого невозможно отказаться. Я чувствовала, как ногти впиваются в

плоть, как под кожей рвутся капилляры. Он хрипел, дергался, словно рыба, выброшенная на берег. Хотелось заставить его кричать, умолять о пощаде, признать мое превосходство.

Но вдруг – тяжелые шаги за дверью, лязг оружия, щелчки предохранителей – спецназ ворвался в комнату, автоматы мгновенно нацелились на меня. Красные точки лазерных прицелов заплясали по спине.

– Шаг, – бросила ледяной взгляд через плечо, не ослабляя хватку. – И он покойник.

Капитан дернулся вперед, палец на спусковом крючке. Но Аларик резко поднял руку:

– Стой! Она получает информацию! – голос прозвучал как приказ. – Никто не стреляет без моей команды!

Спецназовцы растерялись – стрелять федерального детектива? Кто-то неуверенно сглотнул, кто-то переступил с ноги на ногу. Оружие оставалось направленным на меня, но пальцы дрожали.

– Последний раз спрашиваю, – я воспользовалась их замешательством, посмотрела на Маркуса. – Где похищенные? И никаких загадок! – голос упал до шепота. – Они не успеют тебя спасти.

– Цен...тра...льное... кладб...ище... – прохрипел он, теряя сознание. Глаза начали закатываться.

– Кладбище большое. Где именно? – я чувствовала, как жизнь уходит из него, и немного ослабила хватку. Достаточно, чтобы он мог дышать, но не настолько, чтобы чувство-

вать себя в безопасности.

Молчание. Только хрипы и звук собственного сердцебиения.

– Где?! – теряя терпение, оскалилась, позволив инстинкту почти взять вверх.

– Восьмой сектор! – он зажмурился, голос сорвался на крик. – Поверьте, я ничего больше не знаю! Я простой посланник!

Ужас – настоящий, первобытный, чистый – знакомый как собственное дыхание. Лучшее подтверждение правды.

Я отпустила его. Маркус тяжело рухнул на пол, словно мешок с костями, схватился за горло обеими руками. Напряженную тишину пронзил лихорадочный кашель. Тело дрожало, как в лихорадке.

Прекрасно. Урок был усвоен. Осталось разобраться с другой... проблемой.

– Все в порядке, – я медленно повернулась к полицейским, поднимая руки в миротворческом жесте. Дыхание постепенно выравнивалось, пульс замедлялся. – Опустите оружие. Я не буду устраивать... беспорядок.

– Беспорядок...?! – Аларик был вне себя от злости. Голос звучал как раскат грома. – Розенкрофт, какого черта? Ты что себе позволяешь?! Да я тебя уволю! Прямо сейчас!

Стоящие позади него Штайнер и Максимилиан обменялись взглядами – смесь растерянности и привычного раздражения. Кто-то сглотнул, кто-то поправил автомат на плече.

Казалось, даже спецназовцы были в шоке от «представления».

И только Вальтер стоял невозмутимо – статуя из мрамора. Почти. За годы службы он привык к моим импульсивным выходкам. Не смирился. Нет. Но понимал: меня не изменить. Только пристрелить. Хладнокровно. Самолично.

– Простите, шеф, потом поговорим, – сделала шаг к выходу. – Сейчас нужно...

– Стой! – Аларик шагнул вперед, лицо побагровело от ярости. – Никуда ты не...

– Шеф, заложники умирают! – крикнул Максимилиан, протягивая планшет. – Посмотрите на экран! Они истекают кровью!

На мониторе фигуры почти не шевелились. Один из связанных – тот, что был похож на Феликса – безжизненно свесил голову. Аларик сжал зубы до скрежета. Взгляд метнулся от меня к экрану, и обратно. Кулаки сжались.

– Пропустите её! – гневно махнул рукой спецназовцам. – Но это ещё не конец, Розенкрофт! Мы с тобой серьёзно поговорим!

Я кивнула, чувствуя, как в груди разливается холодное облегчение. Прошла мимо опущенных стволов. У самой двери обернулась – Маркус все еще сидел на полу, массируя горло. Поднял голову, и в его глазах не было ни страха, ни ярости. Только... удовлетворение? словно все произошло именно так, как планировал.

А потом он – улыбнулся. Тихо. Почти нежно. И в этой улыбке было что-то такое, что заставило застыть.

– *«Он хотел этого. С самого начала. Каждая провокация. Каждая загадка»*, – мысль пронзила сознание ледяным кинжалом. – *«Что, если весь этот допрос был не о заложниках? Что, если он пришёл сюда ради меня? Чтобы разоблачить? Проверить? Или...»*

– До свидания, генерал, – прошептал он, и в его голосе слышался звук, который не слышала веками. Звук, который заставил все внутри сжаться от узнавания.

Я знала этот голос. Знала, но не могла вспомнить откуда. Нет – могла. Просто не хотела. Потому что если это правда, то не просто проиграла один раунд – проиграла всю игру, даже не начав играть. И это пугало больше, чем любая физическая угроза.

###

Ветер свистел между надгробиями – голос мертвых, что не может найти покоя. Опавшие листья кружились в воздухе, как сожженные молитвы, шепчась под ногами с сухим треском старых костей.

Запах земли здесь был другим – не просто влажная почва, а что-то более глубокое. Тысячи разложившихся тел, впитавшихся в землю, создавали едва уловимый привкус в воздухе. Для смертных – незаметный. Для меня – как карта памяти,

расписанная в слоях. Каждый вдох напоминал о том, сколько жизней закончилось здесь.

Где-то вддали каркнула ворона – крик, острый как лезвие, эхом разнесся по пустынным аллеям.

Центральное кладбище Вены. Крупнейшее в Европе, протянувшееся на бесконечные гектары – город мертвых, где каждый камень хранит чью-то историю. Но в тот момент оно казалось не мемориалом славы, где нашли свой приют Бетховен¹⁹ и ван дер Нюль,²⁰ а театром для финального акта мрачной трагедии. Декорации были готовы, актеры заняли свои места – оставалось только поднять занавес.

– *«Как иронично»* – подумала я, вдыхая воздух, пропитанный запахом влажной земли и чего-то еще – металлическим привкусом страха, что висел над могилами, как туман. – *«Генерал среди своих трофеев. Сколько их здесь лежит – тех, кого я отправила в последний путь?»*

Восьмой сектор – самый дальний уголок этого некрополя, поросший густыми деревьями – словно место, куда ссылают тех, кого хотят навсегда забыть.

Старинные захоронения покрывали трещины, как морщины на лице времени. Величественные мавзолеи с осыпающейся лепниной поросли мхом – зеленые саркофаги, где

¹⁹ Немецкий композитор, пианист, ключевая фигура классической музыки, автор Девяти симфоний и «Лунной сонаты».

²⁰ Эдуард ван дер Нюль – Австрийский архитектор, автор здания Венской оперы.

когда-то жили надежды и мечты. Тени от памятников ложились на землю причудливыми узорами, создавая впечатление, что сама смерть расставила здесь свои силки.

Каждый шаг отдавался эхом от мраморных плит. Звук собственного дыхания казался кощунственно громким в этой тишине. Сердце билось неровно – то ли от напряжения, или от того, что находиться здесь значило встретиться лицом к лицу с собственным прошлым.

– Черт возьми! – Артур ударил кулаком по дереву, кора осыпалась мелкой крошкой. – Мы будем искать их целую вечность! – голос дрожал от ярости и бессилия. Резко выдохну, плечи опустились под тяжестью отчаяния. – Это безнадежно... мы просто теряем время, пока они там...

Не договорил. Не нужно было. Все понимали, что происходит с заложниками каждую секунду промедления.

– Артур, успокойся, – я положила руку на его плечо, чувствуя, как мышцы напряжены. Под кожей пульсировала горячая кровь – адреналин превращал его в живую струну. – Направь кинологов. Собаки справятся быстрее нас.

Он кивнул, но в глазах читалось сомнение – темные круги под ними говорили о бессонных ночах и слишком большом количестве кофе. Рука дрожала, когда он поднес рацию ко рту.

Полицейские ищейки обладают поразительным нюхом способном уловить каплю крови в океане воспоминаний. Но даже они казались потерянными в этом лабиринте смерти –

нервно рыскали между могилами, иногда останавливались у старых надгробий, будто чуя что-то тревожное, но тут же теряли след. Их скуление смешивалось с шорохом листьев.

Вместе с ними теряли надежду и полицейские. Они обыскивали метр за метром, но усталость и отчаяние читались в каждом движении – тяжелая поступь, опущенные плечи, взгляды, что все чаще обращались к небу, как в молитве.

Некоторые поглядывали на памятники, и в их взглядах мелькало суеверное беспокойство – каменные крылья ангелов казались слишком реальными в сгущающихся сумерках. Фонарики дрожали в руках, отбрасывая нервные тени на лица.

Время стремительно уходило. Минуты мучительно растягивались, как агония перед ожиданием казни. В висках все сильнее стучало:

– *«Вы не успеете...»* – набат, разрывающий перепонки громче любого крика. Каждая секунда была ножом, что медленно входил в плоть. – *«Где вы?»* – я сжала кулаки до боли, ногти впились в ладони. – *«Покажитесь. Дайте хоть намек. Что угодно...»*.

И вдруг – словно ответ на отчаянную молитву...

– Детектив Розенкрофт, – прозвучал по рации прерывистый голос патрульного, он дрожал, как у человека, который увидел что-то, во что сам не верит. – Ко мне подошел человек. Я не уверен, но... – пауза смешалась с треском помех, – кажется, он может помочь отыскать похищенных.

– Поняла, Михель, – я махнула Артуру, указав направление к патрульному. Адреналин ударил в кровь. Сердце заколотилось бешено – наконец-то зацепка, надежда. – Сейчас буду.

Мы побежали, не теряя ни секунды. Воздух резал легкие холодными лезвиями, но боль была желанной – значит, еще живы, еще можем бороться.

Мужчина, стоявший напротив Михеля, был живым воплощением городского дна – призрак нашего времени. Волосы и борода спутались в грязные пряди, одежда в пятнах и заплатках рассказывала историю выживания на улицах. Кожа серая, словно впитала в себя пыль города. Пульс – учащённый, неровный. Дыхание – поверхностное, прерывистое.

И только глаза – единственное живое в этом разрушенном лице – горели тревожным огнем.

В двух шагах за его спиной стояла старая металлическая тележка, набитая мусором и странными находками – ржавыми банками, проволокой, стеклом, что блестело в тусклом свете как осколки разбитой жизни. Весь его мир помещался в этой тележке – скитальца XXI века.

– Михель, – я перевела дыхание, чувствуя, как адреналин пульсирует в висках болезненными волнами. – Что именно он тебе рассказал?

– Детектив, он... – патрульный неуверенно посмотрел на бродягу, в голосе слышалось замешательство. – Он пытался что-то объяснить жестами, но я почти ничего не понял. По-

хоже, он немой.

Я повернулась к мужчине, стараясь не показать нетерпения. Он напрягся, словно ожидая удара – знакомая реакция для тех, кто видел слишком много людского зла. В глазах мелькнул страх – не физический, а более глубокий – быть непонятым в момент, когда каждое слово может спасти жизни.

– Добрый вечер. Старший детектив Розенкрофт, – представилась, стараясь говорить четко и спокойно. – Офицер сказал, что вы можете помочь нам найти похищенных людей. Это так?

Он кратко кивнул, но глаза бегали по сторонам, словно боялся, что тени между памятниками могут его услышать. Руки дрожали – мелкая судорога холода.

– Хорошо, – Артур на радостях достал блокнот, пальцы дрожали от возбуждения. – Тогда скорее расскажите, что знаете. Время уходит...

Бродяга опустил голову, молча посмотрел на свои руки – грязные, покрытые ссадинами, рассказывающие историю тяжелой жизни. На лице отразились разочарование и неуверенность – боль человека, который хочет помочь, но не может.

– Михель прав, – предположила я, наблюдая за его мимикой. – Вы не можете говорить?

Кивок. Глаза вспыхнули благодарностью – кто-то понял без слов, без объяснений. В них читалось облегчение чело-

века, которого наконец услышали.

– Не беспокойтесь, – я подняла обе ладони перед собой, мягко покачав ими из стороны в сторону, затем сложила пальцы в жест «ОК» и покачала головой. – Это не проблема. Мы найдем способ понять друг друга.

Увидев знакомые движения, он мгновенно оживился – плечи расправились, взгляд стал более осмысленным. Появилась надежда – он не одинок в этом мире тишины. Начал активно жестикулировать, движения стали четкими.

Он ткнул на свою грудь указательным пальцем, затем вытянул руку в направлении южной части кладбища – словно обнимая пространство. Потом сложил обе ладони под правой щекой, слегка наклонив голову – универсальный жест сна. Он живет здесь, среди мертвых.

– *«Бездомный, который сделал кладбище своим домом. Как символично... Живой среди мертвых. Или мертвый среди живых?»*

Его движения стали более напряженными, в них появилась срочность. Он сложил пальцы кольцом возле правого глаза, имитируя подзорную трубу, после чего указал на восток, затем поднял обе руки, показывая восходящее солнце. Жест стал резче: вытянул указательный палец, словно показывая на конкретного человека, а затем его лицо исказилось в гримасе – что-то подозрительное, что-то... неправильное. Брови сошлись, губы сжались.

– Он видел подозрительного человека рано утром, – пере-

вела я Артуру, наблюдая, как бродяга энергично кивает. – Что-то в этом человеке было не так.

Дальше жесты стали тревожнее, в них появилась паника прошедшего дня. Он указал в направлении старых склепов, затем поднял указательный палец – один человек. Но тут же покачал головой и показал растопыренную ладонь, пальцы дрожали.

– Он был не один? – уточнила я, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

Бродяга кивнул. Руки задвигались быстрее, жесты стали хаотичными от волнения: поднял несколько пальцев – показал группу людей, потом провел ладонью по лицу сверху вниз, покачал головой с выражением отвращения. После этого сжал кулаки, сделал резкие толкающие движения вперед, лицо исказилось угрожающей гримасой – воспоминание о насилии.

Артур побледнел, сглотнул сухо. Михель нервно поправил ремень – инстинктивный жест перед опасностью.

Следующий жест заставил кровь застыть в жилах. Он указал на ближайший склеп, соединил ладони перед собой и резко сдвинул их, имитируя закрывающуюся дверь – звук смерти. Потом поднял руки к лицу, проводя указательными пальцами по щекам сверху вниз – слезы, отчаяние, последняя надежда.

Артур нервно переминался с ноги на ногу.

– *«Быстрее. Быстрее. Каждая секунда...»* – я чувствовала-

ла, как нетерпение сжимает горло – хотелось схватить бродягу за плечи, вытряхнуть из него информацию. Но насилие над незащитным человеком не даст ответов. Только терпение.

– Их насильно заперли в склепе? – спросила, стараясь сохранить спокойствие в голосе. Руки сжались в кулаки – единственный способ удержать контроль.

Кивок. Затем самый страшный жест – он приложил ладонь к правому уху, наклонил голову, лицо исказилось от боли воспоминаний. Потом открыл рот, беззвучно имитируя крики – безмолвный ужас, что громче любого звука. Снова провел пальцами по щекам – слезы, что не высохнут никогда.

Артур и Михель побледнели. Даже они все поняли без слов – язык страдания универсален.

– Где именно этот склеп? – голос прозвучал тише, чем планировала. Горло сжалось, словно невидимая рука давила на трахею.

Бродяга вытянул руку, указывая в глубину восьмого сектора – туда, где тени гуще, а мертвые спят беспокойным сном. Затем прошелся пальцами по воздуху, словно считая ряды могил в своей памяти. Один, два, три... и остановился, сжав ладонь в кулак – там, в самом сердце города мертвых, где даже ангелы отворачивают лица.

– *«Наконец-то»* – сердце заколотилось бешено – не только от предвкушения спасения, но и от страха. – *«Что мы найдём там? Шесть живых людей? Или шесть... трупов,*

остывающих в каменном гробу?» – образ светловолосого юноши, похожего на Феликса, всплыл перед глазами. – *«Не снова. Только не снова...»*

Время снова начало течь с прежней скоростью – каждая секунда как удар молота. Заложники ждали. Если еще могли ждать.

###

Воздух был густым, мертвым – каждый вдох отдавался в груди тяжестью расплавленного свинца. Склеп походил на преддверие ада, где души ждут последнего суда, а камень впитал в себя столетия отчаяния.

Запах плесени смешивался с металлическим привкусом крови – коктейль смерти, что пропитал каждую трещину в стенах.

Один из полицейских спустился вниз, щелкнул фонариком – луч света дрогнул в его руке, словно боялся осветить то, что скрывалось во тьме. Каменные стены, покрытые влагой, плакали холодными слезами. Капли медленно стекали вниз, отсчитывая время, которого уже не было.

Увиденное ударило как кувалда по затылку: бледные силуэты в полумраке. Шесть человек. Молодые – жизнь, не успевшая расцвести, увядала на глазах. Тела изуродованы глубокими порезами, кровь запеклась черными корками на холодном камне – не просто жестокость – это ритуал стра-

дания, растянутый во времени, словно кто-то наслаждался каждой секундой агонии.

– Эй! – окликнул Артур, его голос эхом отразился от сводов, как приговор. Звук расплылся в пустоте, превратившись в стон. – Этой девушке совсем плохо! – он присел рядом, руки едва заметно тряслись, развязал веревку. – Она вот-вот потеряет сознание!

Я сделала шаг ближе. Каблуки гулко стучали по камню – отсчет времени до неизбежного. Взгляд скользнул по хрупким плечам. Девушка лежала как сломанная кукла – губы цвета зимнего неба, кожа почти восковая. Дыхание прерывалось долгими паузами, каждая длиннее предыдущей. Она умирала. Прямо сейчас. На моих глазах.

– Я вызывал скорую, – окликнул Максимилиан, держа телефон у уха.

Запах смерти становился сильнее – сладковатый, приторный, знакомый. Слишком знакомый. Я вдыхала его веками, но сейчас он вызывал только отвращение.

– Слишком много крови, – слова вырвались сдавленно, горло сжималось от напряжения. – Скорая не успеет. Она умрет раньше.

– Раньше? Нет. Нужно что-то придумать! – он посмотрел на меня с отчаянием. Его дыхание сбилось, превратившись в рваные хрипы. Рука с телефоном дрожала. – Мы не можем просто смотреть, как она умирает!

– *«Что-то придумать...»*. – взгляд упал на собственную

руку. Под тонкой кожей пульсировала кровь. – *«Она может дать несколько драгоценных минут. Но... последний раз я пробовала это в 1916-м. Солдат умирал от осколочного ранения. И рассчитала неправильно – дала слишком много. Он прожил два часа в агонии, пока кровь не выжгла его изнутри... Но если не попробую – она точно умрёт. А если попробую... может быть, спасу. Или добавлю ещё одного призрака к тем, что преследуют меня по ночам».*

– Не можем, – согласилась, чувствуя, как решимость разгорается в груди болезненным огнем. Взгляд скользнул к Артуру. – Вынесите остальных, – досадно вздохнула, закатала рукав. – Постараюсь ей...

– Нет! – резко вмешался Вальтер, шагнув ближе. В голосе звучала паника. Рука дернулась, словно хотел схватить меня за запястье, но остановился в последний момент. В глазах читался не просто протест. Страх. Настоящий, первобытный. – Это безумие! Ваша...

– И без тебя знаю! – резко перебила я, даже не посмотрев в его сторону. Каждое слово было как пощечина. – Но сейчас каждая секунда на счету.

Опять. Вальтер и его беспокойство начинали раздражать – словно заноза под кожей. Он взял на себя роль не просто защитника, а надзирателя, забыв, кто из нас здесь главный.

Но я понимала опасения: кровь генерала способна убить много. Для смертного – почти яд, разъедающий изнутри. Допущу ошибку – девушка умрет в муках. Но если сделать все

осторожно, возможно, дам ей шанс до приезда скорой.

Воздух в склепе стал еще холоднее – словно сама смерть вздохнула. Артур и Максимилиан, став свидетелями короткой перепалки, замерли. Вальтер сжал кулаки, плечи болезненно напряглись. Вена на виске пульсировала – предупреждение о надвигающемся взрыве.

– Но...

– Я не помню, чтобы мне требовалось твое разрешение или мнение, – каждое слово падало как осколок льда, режущий воздух. – Или ты забыл, с кем разговариваешь?

Голос прозвучал тише обычного, но в нем слышалась опасность, скрытая за внешним спокойствием. Вальтер побледнел, понимая, что перешел черту. В глазах мелькнуло что-то похожее на боль – не физическую, а более глубокую. Боль человека, которого прогнали, когда он пытался защитить.

Он сжал губы до белой полоски, отступил, понимая: спорить со мной в таком состоянии – равносильно самоубийству.

– Нет, фрау... генерал, – выдохнул сквозь стиснутые зубы. Обращение прозвучало формально, холодно – как восемьдесят лет назад, когда мы только встретились. Словно все годы между нами испарились.

Резкий разворот, каблуки отбили дробь по камню. Он был обижен. Я видела это по линии плеч, тому, как сжаты кулаки. Но сейчас не время для чувств. Подошел к Максимили-

ану. Тот вначале хотел что-то сказать, но понимал: спасение жертв важнее пустых препираний.

Артур бросил на меня быстрый взгляд – вопросительный, но промолчал. Он видел конфликт, понимал напряжение. Но, как всегда, доверял моему решению. Даже когда оно могло обернуться катастрофой.

– *«Ну что ж. Теперь всё зависит только от меня. От моих расчётов. От моей удачи. Если ошибусь – на моей совести будет ещё одна смерть. Но если не попробую...»* – я опустилась на колени рядом с умирающей девушкой. Закачала рукав выше. Кожа бледная, но под ней пульсирует жизнь – древняя, опасная, непредсказуемая, – *«прости меня, если это не работает»*.

###

За спиной прозвучали тяжелые шаги – звук отдалялся, растворяясь в каменных коридорах. Я осталась наедине с умирающей, опустилась на колени перед ней. Камень был холодным, влажным.

В свете фонарика ее лицо казалось выточенным из мрамора. Двадцать лет, не больше. Светлые кудри рассыпались по полу, как нимб вокруг головы святой мученицы.

– *«Еще одна жертва. Еще одна жизнь, которую я не смогла спасти вовремя»* – мысль пронзила сознание болезненным осколком. – *«Но, может быть, еще не поздно»*, – я под-

няла руку ко рту, замерла. Каждая клетка протестовала против того, что собиралась сделать. – *«Это неправильно. Противозащитно. Генералы не делают этого».*

Инстинкт кричал, требовал остановиться. Рука дрожала. Генералы не отдадут кровь – они ее проливают. Мы берем, а не даем. Но отступить было поздно. Глубокий вдох, и...

Боль – резкая, жгучая, – словно раскаленное железо вошло в плоть. Клыки прорвали кожу запястья – и тело взбунтовалось. Каждый нерв кричал от противозащитности. Кровь потекла темной струей – почти черная в полумраке склепа. Вместе с ней начало уходить все – сила, контроль, человечность.

– Пей, – подвела руку к ее бледным губам, чувствуя, как каждая клетка тела начинает гореть невидимым огнем.

Первая волна слабости и в висках заколотило отбойным молотком, перед глазами поплыли черные пятна – предвестники обморока. Сердце забилося неровно, пропуская удары.

Девушка безропотно подчинилась – последний рефлекс выживания. Губы были холодными, почти безжизненными, но они двигались, жадно впитывая то, что могло вернуть ее к жизни.

Боль усилилась – словно кислота разливалась по венам, разъедая все на своем пути. Я сжала зубы, стараясь не закричать – не привыкла к беспомощности, а сейчас была слабее новорожденного котенка.

Вторая волна накрыла жестче. Запах железа стал удушаю-

щим. Собственная кровь – теплая, вязкая, уходящая безвозвратно. Мышцы налились свинцом, дыхание стало поверхностным, рваным. Сердце билось как бешеное, пытаюсь компенсировать потерю, но только ускоряло процесс.

На долю секунды склеп исчез. Вместо него – руины пылающего города. 1945-й. Снег, красный от крови. Феликс лежит, смотрит на меня остекленевшими глазами.

– Почему ты не помогла мне? – шепчут его губы. – Почему?

Я моргнула. Склеп вернулся. Холодный камень. Умиращая девушка. Нет. Не сейчас. Прошрое, отстань. Не сейчас...

– *«Черт... забыла, как это опасно»* – мысль едва пробилась сквозь нарастающий туман. – *«Забыла, что значит быть... уязвимой».*

Но хуже всего была не физическая боль. С каждой каплей потерянной крови что-то темное и голодное поднимало голову в глубинах сознания. Контроль ускользал. Разум затуманивался.

– *«Убей ее»* – шептал внутренний зверь, становясь громче с каждой секундой. – *«Она всё равно умрёт. Посмотри на неё – слишком много потеряла. Даже твоя кровь не спасёт. А ты станешь слабой. Беззащитной. Кто защитит тебя в этом состоянии? Артур? Вальтер? Они смертные. Если настоящий убийца вернётся...»* – логика. Холодная, безупречная логика хищника. – *«Ты жертвуешь собой ради трупа.*

Ради мёртвого мяса, которое ещё не осознало, что умерло. Это глупость. Это слабость. Генералы не бывают слабыми».

Третий глоток стал испытанием. Боль взорвалась белой вспышкой – молния, расколовшая череп. Я почувствовала, как координация летит в ад. Склеп закружился, стены поплыли, словно отражения в мутной воде. Пол под коленями стал единственной реальностью в мире, что разваливался на части.

Железный привкус во рту стал невыносимым. Тошнота накатила волной – организм отчаянно протестовал против потери жизненной силы. Я зажмурилась, борясь с нарастающей тьмой, яростью, что клокотала в груди. Слабость просачивалась в каждую клетку, превращая тело в мешок с костями.

Четвертый глоток стал пыткой. Острая, режущая боль прошла от запястья до плеча – словно нервы загорелись изнутри. Зрение затуманилось, мир превратился в размытые пятна света и тени. Зрачки расширились, инстинкт хищника требовал вырваться наружу – тело готовилось к последней битве.

– *«Хватит. Еще немного – и я потеряю рассудок. Стану зверем, которого все боятся»* – последняя осознанная мысль пронзила туман безумия.

С огромным усилием оторвала руку от губ девушки. Сил хватило только на то, чтобы прижать кровоточащее запястье

к груди. Каждое движение отдавалось болью в костях – словно по венам текла кислота вместо крови.

Склеп качался, как палуба корабля в шторм. Я упиралась свободной рукой в пол, пытаюсь не упасть лицом в грязь. Дыхание сбилось, стало хриплым – вот что значит быть уязвимой. Вот что чувствуют люди перед лицом смерти.

Издалека донеслась сирена – звук надежды в мире отчаяния. Но он казался приглушенным, словно я слышала его через толщу воды. Голова кружилась так сильно, что пришлось закрыть глаза, чтобы не потерять сознание.

Время тянулось, как густой мед. Каждая секунда казалась вечностью. Я слушала собственное дыхание, пытаюсь зацепиться за реальность. Звук капающей воды отдавался в голове, как удары колокола.

И вдруг – тихие шаги за спиной. Артур, забеспокоившись из-за долгого отсутствия, спустился в склеп. Увидев меня, изменился в лице – рот приоткрылся, зрачки расширились. Он замер на пороге, будто боялся, что одно неверное движение – и я рассыплюсь в прах.

– Черт возьми, Эл, – быстро подбежал, протянул руку для поддержки. – Ты выглядишь как труп, который забыл умереть, – голос дрожал, в глазах читалось беспокойство. – Что ты с собой сделала?

– Все в... порядке, – я оттолкнула его руку, не желая признавать слабость. Ложь. Всё не в порядке. Я едва держусь на ногах. Но если покажу слабость, он будет винить себя. За то,

что не остановил. За то, что позволил мне это сделать. Гордость – последнее, что остается, когда все остальное уходит. Неуклюже приподнялась, мир покачнулся. – Просто... устала.

– Устала? – Артур покачал головой, в голосе прозвучал сарказм. Но за ним скрывалось что-то... другое. Нежность? Забота? То, что не умел выражать прямо. – Эл, я видел наркоманов в героиновой ломке, которые выглядели бодрее. Серьезно, что произошло?

– Немного... переборщила, пока договаривалась со смертью, – я попыталась усмехнуться, но улыбка вышла кривой и жалкой. – Обычно я использую свою кровь для убийства, а не спасения. Непривычно.

Артур нахмурился, медленно посмотрел на девушку за моей спиной. Она потеряла сознание, но была еще жива: дыхание выровнялось, стало глубже. Лицо уже не пугало мертвенной бледностью – на щеках появился слабый румянец.

Он подошел ближе, хотел взять ее на руки, но резко остановился. В голове словно что-то щелкнуло – шестерни заработали, складывая картину. Повернулся ко мне. В глазах – смесь опасения и болезненного любопытства.

– Ты... обратила ее? – нервно сглотнул. Уголок губ дернулся – нервный тик. Он словно опасался, что она сейчас откроет глаза и нападет, как зомби из ужастика. Смешно, но предсказуемо. – Она не...

– Нет, – я покачала головой. Боль пульсировала в такт

сердцебиению, напоминая о цене милосердия. – Я не... – осеклась, вовремя поймав себя на мысли, что могу сказать лишнего. – Слишком мало для обращения. Просто... поделилась жизнью.

– Она будет жить? – он едва заметно выдохнул с облегчением. Поднял девушку на руки бережно, словно боялся разбить хрупкую статуэтку. Она была легкой, почти невесомой.

– Не знаю, Артур, – прошептала я, чувствуя, как усталость тянет в бездну. – Надеюсь... это выиграет нам время. Все остальное зависит от врачей. И судьбы.

– *«И от того, не ошиблась ли я с дозой. Не слишком ли много дала. Не слишком ли мало. Грань между спасением и убийством – толщиной с волос. И я шла по ней вслепую».*

Сирена звучала все громче – спасение приближалось. Но будет ли оно достаточно быстрым?

Я смотрела, как Артур поднимается по ступеням склепа, неся на руках девушку. Светловолосую. Хрупкую. Похожую на... Марию?

Запястье пульсировало тупой болью. Сил не осталось даже на то, чтобы встать. Я осталась сидеть на холодном камне склепа, в окружении мёртвых, чувствуя, как сама балансирую на грани жизни и смерти.

– *«Вальтер был прав. Это безумие. Но иногда оно – единственный способ остаться человеком».*

###

Красные вспышки машин скорой помощи разрезали сумрак кладбища – кровавые молнии в царстве мертвых. Свет превращал памятники в призрачные силуэты, которые безразлично наблюдали за происходящим каменными глазами.

Медики работали быстро, профессионально, но их лица выдавали шок – челюсти сжаты, движения слишком резкие, нервные. Столько жертв за раз. Воздух пропитался запахом дезинфицирующих средств, смешанным с металлическим привкусом крови и сладковатым амбре страха.

Я оперлась о холодный камень – ноги всё ещё дрожали, как после многочасового марафона. Голова кружилась при резких движениях.

– *«Слишком много отдала. Нужно восстанавливаться. Но не здесь. Не при них»*, – украдкой сжала кулак, проверяя силу хватки – слабее обычного. Намного слабее. – *«Если сейчас появится настоящая угроза... я буду бесполезна. Уязвима, как смертная»*.

Артур стоял недалеко от патрульных, опершись плечом о каменную арку – живая статуя усталости. Руки дрожали, держа сигарету. Глубокая затыжка. Вторая. Дым описывал мелкую рябь в холодном воздухе, растворяясь между надгробиями. Восемь лет в полиции... казалось бы, чему удивляться? Но иногда забываешь, что под маской закаленного копа скрывается обычный человек с сердцем, что может разбиться от слишком большой дозы чужого горя.

– Черт возьми, – выдохнул он, наблюдая, как санитары выносят последние носилки. Голос звучал хрипло, словно прокуренный годами бессонных ночей. – Я думал, после того стрелка в Бермудском треугольнике²¹ меня уже ничем не удивить. Но это... – голос сорвался, как натянутая струна. – Это же почти... дети.

Максимилиан молча щелкнул зажигалкой – металлическое щелк-щелк – якорь, позволяющий не свихнуться в этом театре ужаса. За двенадцать лет службы он видел жертв мафьяков, семейные драмы, наркоманов в ломке. Но сейчас зажигалка щелкала чаще обычного, пальцы дрожали.

– Знаешь, что меня больше всего бесит? – его голос звучал как наждак по металлу. Вновь щелкнул зажигалкой – пламя вспыхнуло и погасло, словно надежда. – Не сама жестокость. К ней привыкаешь, как к горькому лекарству. А то, что кто-то получал от этого... удовольствие, – пауза, сжал губы. – Эти психопаты совсем обнаглели... – в его глазах мелькнула холодная ярость – С каждым годом все хуже.

– *«Если бы ты знал, с кем работаешь»* – мрачно подумала я, наблюдая за этим проявлением праведного гнева издалека. – *«Если бы знал, что рядом стоит тот самый монстр, которого ты так ненавидишь...»*.

²¹ Популярное название развлекательного района в центре Вены. Получил такое прозвище из-за обилия баров и клубов, где люди «теряются» на всю ночь. 2 ноября 2020 года здесь произошел террористический акт: 20-летний исламист открыл стрельбу по посетителям ресторанов, убив 4 человек и ранив 22. Нападавший был застрелен полицией. (прим. авт.)

Медики аккуратно погрузили пострадавших в машины – каждое движение было ритуалом, попыткой вернуть порядок в хаос. Двери захлопнулись с финальным щелчком, двигатели взревели, сирены завывали, и кортеж помчался к больнице.

Вальтер проводил их тревожным взглядом – в нем читалось что-то большее, чем профессиональная обеспокоенность. Шаги по земле звучали глухо, как удары сердца в тишине. Вернулся ко входу в склеп, где каменные ангелы смотрели с выражением вечной скорби.

– Столько лет прошло, – состроил недовольную мину, упер руки в бока. В движении читалось знакомое упрямство, которое одновременно раздражало и умиляло. – А вы привычно рискуете... жизнью, – медленно покачал головой, оглянулся по сторонам, убеждаясь, что никто не подслушивает. – Идемте, – взял за руку, прикосновение обожгло теплом. – Вам необходимо восполнить потраченные... силы.

Запах его крови ударил в ноздри – живой, тёплый, манящий. Голод проснулся мгновенно, требовательно.

– *«Так легко. Всего несколько глотков – и я снова буду сильной...»*. – он искренне хотел помочь. Опрометчиво. Безрассудно. Я чувствовала, как контроль трещит по швам, как лед на бурной реке. – *«Но я уже на грани. Слишком... ослабла. Стоит поддасться соблазну, и придется объяснять Мину, почему Вальтер решил стать его очередным «собеседником»*.

– Нет, – остановилась, сжав кулаки, отдернула руку. Дви-

жение было резким, почти грубым. Кожа горела там, где он прикасался – след человеческого тепла на холодной плоти монстра. – Это слишком опасно. Не хочу... – с грустью опустила взгляд, – снова причинять тебе боль...

Воспоминания всплыли болезненными вспышками – его кровь на моих губах, его крики, его страх. Рим. Золотой зал. Вальтер три недели носил шарф, скрывая следы. И не жаловался ни разу. Но я видела, как он вздрагивал, когда подходила слишком близко. Слишком много раз теряла контроль. Слишком много раз другие платили за мою слабость.

Вальтер замер, как статуя. Брови нахмурились, губы с досадой сжались. Дыхание стало неровным – боролся с желанием настоять на своем. Но наученный горьким опытом, не стал спорить. Глубокий вдох, словно человек, готовящийся нырнуть в холодную воду. Смирившись с решением, отступил на шаг.

Артур проследил весь обмен репликами – его брови поползли вверх, в глазах мелькнуло непонимание. Слишком много недосказанного висело в воздухе.

– Ладно, не буду спрашивать, – покачал головой, пряча любопытство за очередной затяжкой. – Но у вас двоих такие разговоры, что хочется включить романтическую музыку. Или вызвать семейного психолога.

– Заткнись, Артур, – я огрызнулась, чувствуя, как щеки предательски горят. Раздражение смешалось с неловкостью – эмоции, которые давно разучилась контролировать.

Максимилиан хмыкнул, подойдя ближе. Зажигалка скрылась в кармане, но я заметила, как нервно подрагивают его пальцы – мелкие судороги перенапряжения.

– Двенадцать лет в полиции научили меня одному: никогда не лезь в личную жизнь напарников. Особенно если один из них может тебя придушить голыми руками, – усмехнулся, но в улыбке читалось уважение, смешанное с дозой страха.

Основная группа и кинологи, убедившись, что опасность миновала, начали сворачивать операцию. На их лицах читалось облегчение – напряжение начало уходить, плечи расслабились. Похищенных удалось спасти. Жаль, не всех... Но в нашей профессии частичная победа лучше полного поражения.

– Да... – иронично выпалил Максимилиан, губы дрогнули в немного злобной улыбке. – Влетит тебе по возвращении. Аларик небось уже репетирует речь о превышении полномочий. Знаешь, как он любит свои монологи о дисциплине.

Я тихо засмеялась – звук прозвучал неожиданно искренне. Нагоняи от шефа? Привычная часть будней, как утренний кофе или вечерний голод. Такие мелочи уже не пугали.

– Главное, мы нашли похищенных. Остальное – неважно. Аларик покричит и забудет. У него короткая память на обиды.

– Заметили порезы на телах? – внезапно вклинился Артур, его лицо стало серьезным. Детектив включился – игривое настроение испарилось, как дым от сигареты. – Меня не

покидает ощущение, что похититель связан с нашим маньяком.

Голос стал жестче, глаза сузились – охотничий инстинкт. Сигарета замерла на полпути к губам.

– Думаешь, это он? – спросила я, изучая его лицо.

– Или у него была возможность изучить его стиль, – он потер подбородок, глядя в сторону склепа. Привычка, которая появлялась, когда мозг работал на полных оборотах. – Слишком много совпадений для случайности. А я не верю в совпадения.

– Если вы оба правы, следует еще раз поговорить с тем ненормальным, – Максимилиан намекнул на Маркуса. Зажигалка снова оказалась в его руках – пламя вспыхнуло и погасло, как нервный тик. – Кстати... – посмотрел на меня с любопытством, в котором читалось что-то большее. – Как ты узнала, где искать? Интуиция? Откровения из... преисподней?

– *«Откровения из преисподней... Прямо в точку»* – мысль пронзила сознание с горькой иронией. – *«Если бы ты знал, как близок к истине».*

В ответ я рассказала о бродяге и незнакомом мужчине. По словам первого, тот ранним утром вместе с пострадавшими заходил в склеп, а вышел – один. Сам бродяга не смог помочь им, но, увидев полицию, подумал: это важно. Простая человеческая порядочность в мире, где она становится роскошью.

– Тебе несказанно везет, – Артур тихо засмеялся, но в глазах мелькнуло искреннее облегчение. – Похоже, ты всю удачу у департамента себе забрала. И немного у соседних участков.

– Нет, это удача Михеля, – я улыбнулась. – О! – заметив в отдалении знакомый силуэт, указала в его сторону. – А вот и он.

Спустя пару минут к нам подошли младший лейтенант Михель Хольцер и бродяга, благодаря которому удалось спасти жертв.

Мужчина выглядел еще более потрепанным в вечернем свете фонарей – тени углубляли морщины, превращая лицо в карту пережитых страданий. Я сложила ладони перед грудью и слегка поклонилась – универсальный жест благодарности. Затем вытащила бумажник, протянула ему пару крупных купюр.

Его лицо преобразилось – глаза заблестели, морщинистые щеки дрогнули в попытке улыбнуться. Он дрожащими руками взял деньги, неуклюже поклонился в ответ, едва не уронив свою тележку с пожитками. Вся его жизнь помещалась в этой ржавой конструкции.

– Ого, – Максимилиан удивленно наблюдал за «разговором». – Ты язык жестов знаешь? Не перестаешь удивлять, Розенкрофт.

– Как видишь, – ответила я сухо, надеясь, что он не станет копать глубже. Но...

– Откуда? – он прищурился, словно пытаюсь разгадать загадку. Любопытство в его глазах стало острее. – В академии этому точно не учат. Да и не похоже на полицейский навык.

– Да так... – я попыталась уйти от дальнейшего обсуждения, чувствуя, как горечь предательски поднимается к горлу. – Друг... научил...

Воспоминания о Федерико мелькнули болезненными вспышками: раздражающая самоуверенная улыбка, глупые шутки, среднеземноморская манера держаться и поразительная изворотливость – неисправимый глупец и неугомный оптимист. Испанец с вечно растрёпанными волосами и смехом, что заставлял улыбаться даже меня. Он верил в то, что иные и смертные могут жить вместе и неустанно доказывал это всему миру. До тех пор, пока мир не доказал ему обратное.

– *«Федерико... Сколько уже прошло? А рана все такая же свежая...»* – горло сжалось, как от невидимой удавки. – *«Некоторые потери не заживают. Они просто учат жить с болью».*

Тяжелую тишину нарушила тихая вибрация. Артур потянулся в карман за телефоном – движение резкое, нервное. Современный мир не давал передышки даже на кладбище.

– Да? – ответил на вызов, отойдя на несколько шагов. – Хорошо. Я понял. Скоро будем, – закончив разговор, повернулся ко мне. Лицо стало жестким, как у человека, получившего плохие новости. – Поехали, Эл. Звонил Лайн, сказал:

прошлой ночью пропала его подруга – проститутка. Он не смог тебе дозвониться. Сильно волнуется за нее.

Сердце пропустило удар. Адреналин ударил в кровь – организм пытался мобилизовать последние резервы, которых не было. Только пустота и слабость.

– *«Ещё одна жертва. И я в таком состоянии, что едва на ногах стою».*

Паутина смерти разрасталась, захватывая все новые жизни.

– Вот же... – фыркнула, чувствуя, как раздражение смешалось со страхом. Страхом, что не успею. Что приеду, и увижу ещё один труп. Ещё одно лицо, которое будет преследовать по ночам. – Этот психопат наглет с каждым часом. Словно играет с нами в кошки-мышки.

– Психопат? – Максимилиан насторожился, зажигалка замерла в пальцах. – Ваш маньяк? – глаза загорелись азартом опытного охотника, почуявшего добычу. – Можно с вами?

Он всё ещё держался на расстоянии, но профессиональный интерес пересилил личные обиды. Ему не терпелось окунуться в темные уголки города, где реальность становилась страшнее любых кошмаров. Мы мельком переглянулись с Артуром и согласились – лишние руки не помешают.

– Только не жалуйся потом, – предупредил Артур. – То, что мы увидим, может испортить аппетит на неделю. Если не на месяц.

– Артур, – он хмыкнул, поправляя воротник куртки, – по-

сле сегодняшнего у меня и так аппетита не будет до Рождества. А может, и до следующего года.

Красные вспышки аварийных огней растворились в сумерках, но их отблеск все еще плясал на надгробиях. Кладбище снова погрузилось в тишину – временную, обманчивую. А наша охота продолжалась.

ГЛАВА II

ДЕРЖИ ДРУЗЕЙ БЛИЗКО, А ВРАГОВ БЛИЖЕ

*«Былое не познать,
коль не взглянуть назад.
Сокрытое в тени забвения,
являет лик то друга, то коварного врага...»*

Фаворитен – место, куда цивилизация заглядывала только в сводках новостей о найденных трупах. Воздух был густым, пропитанным запахом гниющих надежд и разложившихся мечтаний. Каждый вдох обжигал легкие.

Здесь правили деньги, сила и молчание – святая троица городского дна. Остальное – роскошь для наивных идеалистов, которые слишком быстро становились статистикой в полицейских отчетах.

Каждый переулок дышал отчаянием – многоквартирные дома с разбитыми окнами и облупившейся краской скрывали самые гнусные человеческие пороки: от торговли людьми до подпольных боев, где проигравшие не всегда оставались живыми. Граффити на стенах рассказывали истории предательства на языке, понятном только тем, кто выжил доста-

точно долго, чтобы выучить его алфавит.

В воздухе висел коктейль запахов – табачный дым, смешанный с сыростью плесневеющих подвалов. Разложение и что-то металлическое, знакомое как собственное дыхание – кровь, которую здесь проливали каждую ночь, как воду. Редкие крики из темных подворотен терялись в грохоте проезжающих машин и поездов. Вой сирен звучал как реквием – все знали, что полиция приедет только за трупами.

– *«Добро пожаловать в ад на земле»* – мрачно подумала я, наблюдая, как бездомные роются в мусорных баках рядом с дорожными машинами наркоторговцев. Контраст был настолько вопиющим, что хотелось либо бежать, либо пустить пулю в голову. Себе или кому-то другому – разницы не было.

Голова все еще кружилась после кладбища – последствия кровопотери давали о себе знать. Каждый удар сердца отдавался в черепе, будто кто-то методично долбил изнутри. Каждый шаг по раскаленным углям, словно скелет стал хрупким, как старое стекло. Инстинкты притуплены усталостью – опасное состояние для хищника.

Мы остановились у здания с вызывающей вывеской – розовые неоновые буквы мигали в сумерках, как воспаленные глаза:

«ДЬЯВОЛЬСКИЙ ОТЕЛЬ»

Даже по меркам местного «колорита» место было отвратительным. Не просто бордель – фабрика по уничтожению человеческого достоинства, работающая в три смены. Здесь оказывали услуги, от которых содрогнулись бы римские лупанарии. Садизм в чистом виде, приправленный коррупцией и безнаказанностью.

Владелец – толстая свинья с мордой палача – покупал молчание чиновников пачками грязных денег. Полиция, налоговая, прокуратура – все получали свою долю от чужих страданий. Система работала как швейцарские часы: он калечил, они закрывали глаза, потирая жирные лапы.

Сам он был воплощением мерзости – лысый, жирный, с ухмылкой хищника, который слишком долго пожирал человеческую плоть. Французские сигары и золотые цепи не скрывали сущности падальщика.

Он лично «тестировал товар», оставляя девочек изломанными куклами с глазами, в которых не осталось ничего живого.

Клиенты тоже не отставали в «изобретательности». Им позволялось все – от изощренных пыток до ролевых игр за гранью самого больного воображения. Деньги смывали любые грехи, а крики растворялись в хриплой музыке.

Лайн стоял у торца здания – побитая собака, которую слишком много раз пинали ногами в живот. Новая одежда порвана и испачкана, свежие синяки покрывали лицо – живая палитра насилия. Кто-то методично поработал кулаками,

наслаждаясь каждым ударом.

– Слава богу... – он выдохнул с облегчением больного, увидевшего врача. Руки тряслись так сильно, что сигарета выпала из пальцев, рассыпавшись табачным дождем. – Я уже думал, вы не приедете! Что меня просто... найдут в канаве к утру.

Запах его страха был острым, кислым – знакомый аромат загнанного в угол животного. Пот выступил на лбу, несмотря на холод, смешиваясь с засохшей кровью.

– Привет, Лайн, – Артур представил Максимилиана, затем оценил состояние «информатора» взглядом. – Кто тебя так разукрасил?

– Люди администратора отеля, – он поморщился, прикасаясь к разбитой губе. Мышцы лица дернулись от боли. – Узнали, что с полицией общаюсь. Хотели «преподать урок». Следующий будет... финальным.

Голос дрожал не только от боли, но и страха – первобытного, животного ужаса перед неизбежной смертью. В глазах читалась обреченность человека, подписавшего себе приговор.

– Тогда зачем ты позвал нас сюда? – я насторожилась, пытаясь сосредоточиться. Мысли ускользали, как вода сквозь пальцы. – Хочешь, чтобы мы их арестовали? Или просто ускорить встречу с... создателем?

– Нет, – он покачал головой, нервно оглядываясь. Зрачки метались из стороны в сторону. – Один из последних клиен-

тов Софии... – голос упал до шепота. – По слухам ходит в этот отель. Платит вперед за особые... услуги. Такие, после которых девочки больше не работают.

Пауза – тяжелая как свинцовое облако – повисла в воздухе. Каждый понимал, что скрывается за этими словами.

– Какой клиент? – Артур нахмурился, в голосе прозвучала тревога, смешанная с отвращением. – Мы же... нашли труп в элитном районе...

– Дом сдавался в аренду, а убитого еще не опознали, – ответила я, чувствуя знакомое раздражение. Головная боль усилилась – каждый удар пульса отдавался в висках. – Он может оказаться кем угодно. Или никем. Очередная подставная фигура.

– Проклятье... – Артур выругался сквозь зубы. Кулаки сжались. – Это псих снова на шаг впереди. Оставил нам куклы вместо настоящих улики.

– По телефону ты сказал: пропала твоя знакомая, – вмешался Максимилиан, изучая синяки на лице Лайна. В его взгляде читалось что-то большее – почти научное любопытство.

– Изабель Моранти, – лихорадочно произнес Лайн. – Он ходил к ней регулярно... – его снова начало трясти. Руки дрожали так сильно, что он засунул их в карманы. – А вчера пришел один. Администратор спросил, где Изабель, но тот просто швырнул на стол пачку денег и инцидент... замяли. Как всегда.

Мы с Максимилианом кратко переглянулись. Классика жанра. В этом мире все продавалось – совесть, молчание, человеческие жизни. Стоило только назвать правильную цену.

– Прошу, найдите ее, – Лайн умоляюще посмотрел на нас. Глаза блестели от слез, которые пытался сдержать. – Она может быть... – голос сорвался, – в опасности.

– Сделаем все возможное, – произнес Артур, но я слышала сомнения в его голосе. Статистика безжалостна – после двух дней в руках маньяка шансы найти жертву живой стремились к нулю.

Убийца играл с нами, как кот с полумертвыми крысами. Даже при наличии свидетелей не было четкого представления о подозреваемом. Лайн и Туз помнили лишь расплывчатые фрагменты – травмы и алкоголь сделали свое дело.

Но шанс поймать ублюдка был. По слухам, таинственный клиент заинтересовался новой сотрудницей отеля – свежим мясом для своих больных игр.

– Новой сотрудницей? – Артур скептически приподнял бровь. – Быстро наш «приятель» забывает о прошлых пассивах... – достал пачку сигарет, но передумал. – Кто она?

Лайн молча указал на противоположную сторону улицы. Стоящая там девушка была живым воплощением порока в ярких красках. Пушистый желтый свитер облегал фигуру, как вторая кожа, лиловая юбка едва прикрывала бедра.

Из-под черных колготок в мелкую сетку выглядывало красное кружевное белье – капли крови на паутине. Волосы

завиты в кудри, на шее кружевной ошейник, как у дорогой собачки. Классический набор для выживания на дне – яркая обертка для гниющей конфеты.

Одежда контрастировала с темной кожей и глазами, в которых не было ничего живого. Нет. Не так. В её глазах было что-то. Но не пустота проститутки, продавшей душу за кокаин. Что-то другое. Холодное. Расчётливое. Знакомое...

Запах. Я уловила его даже через расстояние – не обычная смесь духов и пота. Что-то металлическое. Как...

– *«Кровь? Нет. Другое. Но похожее. Почему похожее?»* – но мысль ускользнула, растворилась в тумане слабости.

Стоя на высоких каблуках, она нервно постукивала носком, гневно споря с молодым парнем.

– Ого... – увидев его, Максимилиан осекся, словно получил удар в солнечное сплетение. – Не думал, что увижу подобное... даже здесь.

Даже у меня вид парня вызвал смесь отвращения и жалости. Лицо с хищным макияжем, губы подведены ярко-красной помадой. На атлетичном торсе короткий топ, поверх плеч кожаная куртка. Узкие штаны в обтяжку с черными ремнями – садо-мазо эстетика для клиентов с «особыми запросами» и неизлечимо-больной психикой?

– А они будут откровенны с детективами... полиции? – Вальтер посмотрел на нас с подозрением. Брови сошлись над переносицей. – Да еще и в этом... логове?

Мы дружно покачали головой. Разговор «по душам»?

Мечты идеалистов. Ночные бабочки не доверяют полиции – слишком часто их предавали те, кто должен защищать. А если сотрудничают? Часто жалеют об этом. Или просто исчезают. Без следа.

Непростая дилемма. Но у меня был план – безумный, опасный, но работающий.

– Парни, – окликнула я. – У кого-нибудь есть лишние... деньги?

– Зачем? – Артур нахмурился, словно ему предложили купить путевку в преисподнюю по двойному тарифу. – Предлагаешь их... снять?

– Именно.

На их лицах отразилось замешательство. Услышав предложение, они синхронно отвели смущенные взгляды, словно школьники на уроке полового воспитания.

– И... – неуверенно протянул Вальтер. – Кто пойдет к ним?

– Ни за что! – качая головой, Максимилиан указал на парня дрожащим пальцем. – К тому типу с размалеванным лицом на пушечный выстрел не подойду. Репутация дороже.

Застенчивость казалась умильной. Было забавно наблюдать, как взрослые мужчины, опытные детективы отдела убийств, повидавшие самые темные кошмары человеческой души, стесняются, словно девственники в публичном доме.

– *«Хочешь что-то сделать хорошо – сделай сам»* – мысль пронзила затуманенное сознание острым лезвием.

Пока они ломали голову над тем, кто станет «счастливым», я распустила волосы, белокурые пряди рассыпались по плечам, расстегнула верхние пуговицы блузки, подтянула выше юбку. Превращение из детектива в приманку заняло секунды. Зеркало в окне отеля отразило знакомое лицо – хищное, опасное, притягательное.

– Совсем спятила?! – воскликнул Артур, мгновенно поняв замысел. Голос дрогнул от волнения и... возбуждения? – Эл, ты еще не отошла от кладбища! Тебе нужен покой, а не очередная авантюра!

– Может быть, – я кокетливо подмигнула, чувствуя, как головокружение усиливается. – Но это сработает.

Артур сжал губы до белой полоски, но поделать ничего не мог. Знал: с моим упрямством спорить бесполезно. Только на гильотину. Протянул руку в ожидании – хороший напарник понимает без слов.

Я отдала ему удостоверение и оружие, оставила стоять в компании растерянного Максимилиана и настороженного Вальтера. Повернувшись, направилась к ночным бабочкам.

Заметив потенциального клиента, они отвлеклись от пререканий. Взгляды скользнули по мне – оценивающие, хищные, профессиональные. Я почувствовала себя товаром на витрине.

– Ну и красотка! – парень принял демонстративную позу, положил руку на талию. – Девушка, вам повезло! Я самый лучший выбор в этом районе! Гарантирую незабывае-

мые ощущения!

Я с трудом сдержала отвращение. Проигнорировав «щедрое предложение», посмотрела на девушку. И тут же почувствовала... что-то неправильное. Неуловимое, но тревожное – инстинкт хищника, который редко ошибался.

– Кристин? – протянула открытую ладонь. – Меня зовут Ерсель. Удели мне немного времени. Это очень важно...

– Я... – ее зрачки слегка расширились. Дыхание участилось. – Может быть, в другой раз...

Что-то в ее интонации... Слишком отрепетированное. Слишком осторожное. Слова звучали правильно, а мелодия фальшивая. Но усталость мешала сосредоточиться, мысли путались.

– Почему? Тебя что-то... смущает? – голос стал мягче, гипнотичнее. Каждое слово звучало как сладкий мед. Старая привычка – очаровывать жертв перед ударом.

Кристин заморгала чаще, плечи расслабились. Сопротивление таяло, как лед под теплым дыханием. Но что-то в ее глазах... Слишком быстрая капитуляция. Или просто привычка подчиняться?

– Нет. Я... – пробормотала она, но в голосе прозвучала фальшивая нота. – Жду клиента...

– Это не займет много времени, – я усилила давление, но почувствовала, как собственные силы тают. – Пойдем со мной.

Она замерла, словно взвешивая что-то большее, чем просто опасения. Глаза сузились – и на секунду в них мелькнуло

что-то холодное, расчетливое. Потом снова маска послушания. Краткий кивок, но руки сжались в кулаки.

– «*Что-то не так*» – мысль мелькнула и исчезла в тумане усталости. – «*Но что именно?*»

Мы оставили парня в одиночестве – тот смотрел вслед с обидой и завистью. Я отвела ее к остальным, каждый шаг отдавался болью в висках. Неоновые огни размывались в глазах, превращаясь в кровавые пятна.

– Вас будет четверо?! – она оцепенела, но в шоке читалось что-то искусственное. – Это... дорого обойдется.

Парни едва заметно покраснели, не зная, что сказать. Их замешательство было почти осязаемым – но Кристин наблюдала за их реакцией слишком внимательно. словно изучала, запоминала, анализировала.

Я проигнорировала их неловкость, подошла к Артуру, взяла свои вещи. Движения давались с трудом, руки дрожали.

– Старший детектив Розенкрофт, – раскрыла перед Кристин удостоверение. – Федеральная полиция.

– Интересно... – она усмехнулась, но улыбка не коснулась глаз. В ней было что-то хищное, знакомое. – С таким очаровательным детективом мне еще не доводилось... работать. Но с полицейских тройная оплата. Риски, знаете ли.

– Извини, но мы на службе, – разочаровала я, заметив, как ее лицо мгновенно окаменело. Маска слетела на секунду, показав что-то темное. – Кристин, возможно, один из ваших

клиентов – преступник, которого мы разыскиваем. Скажите, вам знакома Изабель Моранти?

– Да, – голос стал осторожнее, но не от страха, а расчета. – Она что-то натворила?

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Несколько дней назад, – нервно облизнула губы, но жест казался наигранным. – Она заскочила ко мне в комнату и похвасталась, что нашла очень щедрого и... обходительного клиента.

Обходительного. Слово прозвучало с легкой усмешкой – почти незаметной, но я уловила. Или показалось?

– Она описала его внешность? Может, назвала... имя? – спросил Максимилиан. Голос звучал профессионально, но я слышала напряжение.

– Нет. Наш разговор прервал администратор, – ее голос стал тише, но в нем не было страха. Скорее... удовлетворение? – Белла вышла, и больше я ее не видела.

– «Белла?» – мысль кольнула, как игла. – «Она же сказала Изабель. Почему сменила имя?» – я открыла рот, чтобы уточнить, но головная боль пульсировала так сильно, что слова застряли в горле. – «Может, ослышалась. Или это кличка. Проститутки часто меняют имена». – Но что-то внутри не соглашалось. Что-то кричало – «Опасность!».

– Вы так спокойно говорите об исчезновении подруги, – Артур нахмурился. – В этом нет ничего... странного?

– Изабель и раньше пропадала, – пожала плечами, но дви-

жение было как у марионетки. – Потом возвращалась. Наша работа связана с... прихотями клиента. Если он хочет уединения, то просто платит. Мы не задаем вопросов.

Ответ прозвучал слишком гладко. Заученно. Но было ли это подозрительным или просто профессиональной привычкой?

– Вы не замечали странностей в поведении Изабель в тот день? Возможно, следы... насилия? – спросила я.

– Нет, – она умолкла, словно взвешивая каждое слово. – Только опустошенный бледный вид и уставший взгляд. Словно... – осеклась.

– Словно что?

– Словно видела что-то ужасное, – прошептала Кристин. Но в ее глазах не было сочувствия. Только холодное любопытство. Или мне показалось?

– Она с кем-нибудь в последнее время ссорилась? Может, ей угрожали?

Кристин промолчала, но я чувствовала – она знает больше, чем говорит. Гораздо больше.

– Если не собираетесь оплачивать мое время, – сверкнула взглядом, – разговор окончен! – голос прозвучал неестественно резко – словно ледяная маска дала трещину.

– Хорошо, – я вытащила бумажник, чувствуя, как руки дрожат. – Сколько тебе платят?

– Зависит от клиентов. Их... предпочтений.

– Мы просто тебе заплатим, – протянула несколько круп-

ных купюр. – Этого хватит?

– Нет! – Кристин отшатнулась, словно ей предлагали яд. Реакция была слишком сильной, слишком быстрой. – За нами постоянно следят. Если я просто так возьму деньги, меня... – голос сорвался, – меня накажут...

– «Накажут» – мысленно повторила я. Но туман в голове мешал думать ясно. Слишком много тревожных сигналов, которые терялись в усталости. – *«Интересный выбор слов. Не уволят, не выгонят – накажут».*

Кристин замолчала, словно взвешивая что-то. Затем осторожно подняла взгляд:

– Но... – нервно облизнула губы, – мы можем пойти в отель. Там я смогу взять деньги – будет выглядеть как обычная работа. А заодно... – пауза, полная многозначительности, – смогу рассказать вам то, что не стоит говорить на улице. Про Изабель. Стены здесь имеют уши.

Предложение прозвучало слишком удобно. Слишком готово, будто она готовилась к этому моменту. Но сил анализировать не осталось.

– Умно, – согласилась я. – Создаем видимость и получаем приватность для разговора.

Посмотрела на парней, раздумывая кого отправить с ней. Вальтер? Уговаривать его поступиться принципами – пустая затея. Даже во времена службы он считал подобное аморальным. Ирония судьбы. Артур и Максимилиан тоже категорически отказались. Одновременно смерили меня взглядом и

жутко улыбнулись.

– Вы... – я насторожилась, предчувствуя холод между лопатками. – Чего так на меня смотрите?

Максимилиан молча указал подбородком на Кристин, уголки губ изогнулись в презрительной усмешке.

– Нет, – отрезала я, понимая подтекст. – Даже не мечтай.

– Что Розенкрофт, ужасаешься идти против «системы»? – прошипел он, делая шаг ближе. В голосе слышалась издевка. – Или боишься запачкать... совесть?

Последнее слово прозвучало как очередное язвительное замечание. Очередная провокация. Последняя капля в переполненном кубке.

Я двинулась – тело опередило мысль. Пальцы сомкнулись на воротнике его рубашки. Рывок. Удар спиной о сырую кирпичную стену. Ткань застонала под ногтями, воздух с глухим хрипом вышел из легких.

– *«Не делай этого. Ты слабая. Уязвимая. Если сорвёшься – не остановишься».*

Но ярость была сильнее разума. Накопившаяся за годы, за века. Каждое унижение, каждое «чудовище», каждый взгляд смертных, которые не видели в тебе человека.

Адреналин ударил в кровь, как наркотик. Максимилиан пытался сопротивляться – правая рука дернулась к кобуре, левая ухватила меня за предплечье. Рефлексы профи, только запоздалые.

– *«Он не знает. Не понимает. Сколько раз я сдержива-*

лась. Сколько раз глотала оскорбления. Потому что они смертные. Хрупкие. Потому что если дать волю – не останется никого». – Едва заметное движение. Я придавила его локоть к собственным ребрам, перекрывая рычаг. Пальцы на горле нашли пульс – бешеная, беспорядочная дробь. Надавила сильнее, лишая воздуха. – *«Но сейчас. Сейчас я не могу остановиться. Потому что слишком слаба. Слишком голодна. Слишком зла. Опасная комбинация. Для всех».*

– Поправь, если ошибаюсь, – процедила сквозь зубы, едва сдерживаясь от желания обнажить клыки. Голос прозвучал как шипение кобры. – Но мы это, кажется, уже проходили...

Максимилиан судорожно сглотнул. Во взгляде мелькнуло осознание – человеческая ловкость и сила здесь не сработает. Шок ударил сильнее боли: зрачки расширились, лицо побледнело.

– Госпожа Ерсель! – вмешался Вальтер, голос сорвался от напряжения. Шаг вперед, руки подняты в жесте мира. – Прошу вас, успокойтесь... Отпустите...

– Не лезь не в свои дела, – бросила через плечо, взгляд приковал его к месту. Сердцебиение участилось – я отчетливо слышала каждый лихорадочный удар. – Шаг, и припомню нашу первую... встречу.

Вальтер сглотнул ком в горле. Память услужливо подкинула мрачные воспоминания о Департаменте Имперского Порядка. Годы прошли, но страх – лучший учитель. Сжав кулаки, молча отступил.

Я вновь посмотрела на Максимилиана – наши взгляды встретились. От него пахло одеколоном и адреналином. Пульс спотыкался под пальцами – живой метроном. Достаточно небольшого усилия, и стрелка остановится. Навсегда.

– *«Один рывок – и сразу тишина. Всего-то мгновение...»*

Щелк. Тихий, но узнаваемый. Артур поднял пистолет – дуло смотрело ровно мне в спину.

– Отпусти его, – голос звучал хрипло, но в нем чувствовалась выучка полицейского. – Сейчас же.

Максимилиан замер в моих руках, как пойманная рыба – даже хрип прекратился. Кристин, стоявшая в тени, ахнула – короткий вдох резанул воздух, будто нож. Но в нем не было ужаса. Скорее... интерес. Жадный, острый, как у зрителя в первом ряду на корриде.

– Опустит оружие, – прошептала я, сжимая гортань Максимилиана ровно настолько, чтобы держать на грани. – Или пожалеешь...

Артур не моргнул. Рука не дрогнула, дыхание сведено к минимуму – он был готов выстрелить.

– Пожалеею после, – выдохнул. – Сейчас – счет до трех. Один.

Темнота перед глазами качнулась. Внутри поднялся голод – темный, опасный. Пульс ударил в виски раскаленным молотом, подталкивая: *«Сорвись. Разорви. Это же так легко. Шаг – и клыки в его горле»*.

Я втянула воздух – пахло порохом, потом и чужим стра-

хом. Ребра сдавило судорогой, пальцы дернулись. Еще чуть-чуть, и горло Максимилиана под ними хрустнет, как сухая ветка. Но что-то внутри останавливало.

– Два, – произнес Артур.

Вальтер, не отрывая глаз от пистолета, шагнул в сторону, медленно подставляя плечо между нами – хрупкий щит, который пуля прошьет насквозь.

– Прошу... фрау... – выдохнул он. – Эл, не надо. Не делай этого.

Слова эхом ударили изнутри черепа. Тонкая нить разума дрогнула.

– *«Расстояние – два с половиной метра. Калибр – 9 мм. Попадание не убьёт, но заденет позвоночник. Рефлексы заставят разорвать горло Максимилиану. Потом Вальтер бросится защищать. Артур выстрелит снова. Кристин начнёт кричать. Придёт охрана отеля. Резня. Кровавая баня на улице»*, – всё это пронеслось за секунду. Сценарий катастрофы, написанный веками опыта. Я сделала глубокий вдох. Раз. Два. Сердце сбило темп. Дала себе отчет: – *«Пять... четыре...»*.

Пальцы разжались, как заржавевшие щупальца. Максимилиан рухнул на колени, закашлялся, глотая унижение и роня хриплые проклятья.

Артур опустил пистолет дулом вниз, не убирая полностью. Палец – вдоль спусковой скобы. Вальтер шагнул вперед, прикрыл Максимилиана, но на меня не взглянул – пра-

вильно сделал.

Сердце барабанило в ушах, как сапоги по плацу. Грудь жгло – контроль держался на рваных нитях. Я повернулась к Кристин. Ее глаза были расширены. Пахло ее страхом, острым, как лимонная кислота. Но в собственном тумане уловила еще что-то: теплый, сладковатый оттенок интереса. Мелькнул – и исчез. Может, показалось.

Артур тем временем раздал короткие указания:

– Максимилиан, подними патруль по периметру. Вальтер – останешься со мной. Эл... – он взглянул, будто проверяя, не упаду ли. – Тебе хватит сил сыграть наживку?

– Хватит, – ответила, ощущая, как губы немеют. – Главное, чтобы этот ублюдок клюнул сегодня.

Максимилиан, поднявшись на ноги, обвел меня тяжелым взглядом. Угрозы отступили, но доверия не осталось. Он все еще дрожал, губы исказила едва заметная гримаса гнева, но спорить не стал – знал: сейчас важнее загнать одно чудовище в клетку, чем провоцировать другое.

– *«Мост сожжён. Максимилиан больше не будет мне доверять. Артур – тоже. Вальтер... боится меня. Снова, как тогда, в 42-м. Я их всех оттолкнула. Но разве у меня был выбор?»* – но глубоко внутри что-то шептало. – *«Конечно, был. Всегда есть выбор. Можно было проглотить оскорбление. Сжать зубы. Промолчать. Но гордость... не позволяет. И это моё проклятие».*

Неон отразился на мокром асфальте – как лужа свежей

крови. Я поправила волосы, подняла подбородок. Внутри дрожал голод и тихий страх: что-то подсказывало – мы идем не на охоту.

Мы идем в ловушку.

###

Стены просторного холла украшали откровенные картины – не искусство – каталог человеческих кошмаров. На одном полотне женщина в объятиях мужчины, ее глаза полны мольбы о помощи, которая никогда не придет. На другом – сцена страсти превращалась в пытку, где наслаждение и агония сплетались в болезненном танце.

– *«Декорации. Всё здесь. Слишком... дорого. Кто-то вложил деньги в этот фасад. Но зачем?»*

В углу висело изображение с фигурами в масках – лица скрыты, но в позах такое отчаяние, что хотелось отвернуться. Слишком реалистично. Словно художник писал с натуры, наблюдая за последними минутами жертв.

Я замерла перед этой картиной. Руки на холсте были слишком детальными – каждое сухожилие, каждый ноготь, впившийся в чужую плоть. Художник видел это. Не воображал – видел. Холод пробежал по позвоночнику.

Зеркало в глубине отражало не просто обстановку – отражение казалось неправильным, слишком темным, словно стекло впитало в себя все грехи, совершенные в этих стенах.

Хрустальная люстра над головой переливалась холодным светом, но освещение падало неровно. Зловещие тени ползли по полу, как живые существа, скрывая то, что лучше не видеть.

В конце деревянная лакированная стойка. За ней – смуглый мужчина в очках с золотой оправой, строгий костюм сидел идеально. Слишком дорогой для администратора борделя. Руки слишком чистые, ногти слишком ухоженные – не рабочие.

– Здравствуйте, – он вежливо поприветствовал, едва мы подошли. Голос звучал деловито, но с металлическим оттенком натянутости. – Чем могу помочь?

– Привет, Фредерик, – Кристин обратилась к нему с игривой уверенностью, но я заметила, как напряглись ее плечи. Мышцы сжались под кожей, как у кошки перед прыжком.

Его лицо мгновенно исказилось холодным презрением – не профессиональным недовольством, а чем-то глубоко личным. Поджал губы, смотрел на нее, словно на нечто... отвратительное. Пульс участился – я слышала это даже через расстояние.

– *«Страх. Он её боится. Между ними явно что-то произошло – что-то болезненное и непростительное»*

– Не будь таким грубым, Фредди, – ее голос был словно шелк, оборачивающий острую сталь. Она знала, что ее присутствие его мучает, и наслаждалась каждым мгновением этой пытки. – Дай ключик от второго номера.

Каждое слово звучало с особым ядом. Фредерик сжал кулаки, но промолчал. Отвернулся к шкафу, взял ключ с брелоком – бархатное синее сердечко. Почему-то этот невинный аксессуар выглядел зловеще, как капля крови на свадебном платье.

– Развлекайтесь, – процедил сквозь зубы, протянул ключ мне, но взгляд оставался прикованным к Кристин. В нем мелькнуло что-то похожее на сожаление? Или вину?

Мы направились к лестнице – каждый шаг отдавался эхом в пустоте холла. Деревянные ступени скрипели под ногами, как кости старого скелета. Кристин поднималась впереди, движения плавные, но я чувствовала напряжение в каждой линии ее тела.

Коридор второго этажа был узким, стены давили. Лампы мерцали с неровными интервалами, отбрасывая нервные тени. Воздух стал гуще – смесь дешевых духов, табачного дыма и чего-то сладковатого, что щекотало ноздри.

Звуки доносились из-за закрытых дверей – приглушенные голоса, скрип кроватей, иногда что-то, что могло быть смехом или всхлипыванием. Различить было невозможно. И не стоило.

Инстинкты кричали об опасности все громче. Пальцы непроизвольно сжимались, ища оружие, которое осталось у Артура. Слабость после кровопотери делала уязвимой, но отступать было поздно.

Кристин остановилась у двери с номером «2» – цифра бы-

ла выжжена на темном дереве.

– Вот и мы, – повернулась ко мне, улыбка не сходила с губ. – Входите первой. Я... настаиваю.

Ключ повернулся в замке с тихим щелчком. Дверь открылась. Просторный номер был обставлен в стиле минимализма, но что-то в этой искусственной чистоте настораживало. Розовые обои казались слишком яркими, словно пытались скрыть старые пятна крови.

У дальней стены – мягкий диван, обтянутый бархатной тканью, рядом стеклянный столик с темной вазой и журналами с пикантным содержанием.

В воздухе витал слабый аромат лаванды, смешанный с чем-то приторно-сладким – как духи, которыми пытаются замаскировать запах разложения.

Свет от неоновой вывески – неестественно мягкий, бархатистый – проникал сквозь светлые шторы. Золотистые завязки по краям напоминали петли палача.

В дальнем углу стояла двуспальная кровать, аккуратно застеленная, с мягким одеялом и пушистыми белыми подушками. Слишком белыми. Как в больничной палате.

Кристин грациозно сняла каблуки – движения плавные, как у танцора. Подошла к кровати, присела на нее, облокотилась на руки. Соблазнительная поза, но в глазах мелькнуло что-то – не страсть, – предвкушение охоты.

– На улице вы были... решительнее, – кокетливо улыбнулась, но глаза остались холодными, как у змеи. – Неужели

здесь вам не хватает смелости? Ну же... – поманила к себе. – Я не кусаюсь...

Я медленно подошла, присела на край кровати, чувствуя, как матрас поддается под весом. Пружины скрипнули.

– Ты обещала рассказать про клиента.

– Сначала дело. Разговоры потом, – ее голос стал нежным, обволакивающим.

Кристин опрометчиво заигрывала с опасностью, вошла в азарт. Но сердце забилося быстрее не от возбуждения – тревоги. Голова слегка кружилась – последствия «благородного поступка» давали о себе знать.

– Нет... – я старалась сохранить контроль, но дыхание стало прерывистым. – Я при исполнении...

Она хищно улыбнулась, не желала ничего слушать, прикоснулась к моим губам.

– Тише... – прошептала, и в ее дыхании почувствовался металлический привкус.

– *«Не делай этого. Ты слишком слаба, чтобы контролировать жажду. Остановись...»*. – ее кровь – сладкая, манящая – обжигала губы. Тело не слушалось. Жажда, копившаяся после кладбища, взяла верх. Первые капли принесли облегчение – знакомое тепло разлилось по телу. Мышцы расслабились, головокружение отступило. – *«Вот. Вот то, что нужно. Ещё немного – и силы вернуться»*.

Тихие вздохи завлекали в водоворот чувств. Но через несколько мгновений что-то пошло не так. Второй глоток

жѐг иначе – не как живая кровь, дающая силу. Как... кислота. Как что-то мѐртвое, гниющее изнутри. Вместо прилива энергии навалилась новая волна слабости – более тяжелая, чем прежде. Голова закружилась сильнее, в висках болезненно застучало.

– *«Последствия кладбища. Просто слишком измотана»* – попыталась объяснить себе, но все внутри кричало об опасности. – *«Нет. Это не просто слабость. Это что-то другое. Остановись!»*.

Но голод был сильнее страха. Ещё глоток. И ещё. Кристин наслаждалась болью – я видела это в ее глазах. Она получала удовольствие не от близости, а власти. Но теперь в ее взгляде читалось что-то еще – предвкушение.

Глоток и – тошнота накатила волной. Координация начала подводить – руки дрожали, не слушались.

– *«Что-то не так»* – мысль пробилась сквозь туман. – *«Смертная кровь должна помогать, а не...»*

Я отстранилась, тревога заглушила жажду.

– Почему вы остановились? – она открыла глаза, улыбнулась, прикоснулась к шее. Голос изменился. Стал ниже, холоднее. – Прошу... не стесняйтесь...

Осознание ударило, как ледяная волна. Мышцы свело судорогой.

– Яд... – прошептала я, ощущение было слишком знакомо. – Ты знала кто я... – широко открыла глаза, испытывая недоумение на грани шока. – Но как?

Кристин ехидно усмехнулась. Маска соблазнительницы слетела окончательно. Плечи расправились, подбородок поднялся. Она стала выше, увереннее.

– *«Не проститутка. Никогда ей не была. Солдат. Она двигается как солдат».*

– Какая досада... – прищурилась, и в ее взгляде мелькнула хитрость хищника. Зрачки расширились – не от страха, а триумфа. – А я думала, вы поймете раньше. Впрочем, в вашем состоянии это было лишь вопросом времени... – с силой оттолкнула меня. – Вы не такая сильная, как он...

– Он? – я едва различала ее голос. Слова прозвучали, словно из чужого разговора. – О ком... ты?

– Неважно, – она тихо засмеялась, смех прозвучал как звон разбитого стекла. – Вы уже не сможете с ним встретиться...

Все внутри горело. Мир перед глазами закружился с новой силой. Резкая боль пронзила ослабленное тело, словно вены залили кислоту. Каждое движение отзывалось волной тошноты. Сознание медленно проваливалось в бездну, тщетно цепляясь за последние обрывки реальности.

Кристин наблюдала за муками с болезненным наслаждением. Ее глаза сияли странным огнем – торжеством хищника над жертвой.

– *«Она знала, что я приду. Знала, что я ослаблена. Знала, что жажда сделает меня уязвимой...»*

– Вы так наивны... – голос сочился презрением. – Стоило

немного подтолкнуть, и попались в мои... сети, – помедлила, растягивая наслаждение от победы. – Этот Лайн... – лицо исказилось отвращением, словно упоминание его имени оставляло горький привкус – Жалкий червяк искренне верил, что помогает полиции, но привел вас прямо к нам.

Лайн стал очередной марионеткой в руках хитрого кукловода. Именно Кристин приказала избить его, для «убедительности», а затем подкинула слухи о таинственном клиенте, которого никогда не было – уловка для доверчивых копов.

– А... Изабель? – болезненный вдох сжал легкие. – Где она? Или это тоже была... ловушка?

– Пришлось о ней... позаботиться – она пожала плечами с притворным сожалением. – Начала задавать лишние... вопросы, совать нос куда не следует, – посмотрела на меня свысока, перекрестилась, движение было автоматическим, привычным. Верующая. Убивает и молится. Фанатик. – Обмануть вас, детектив Розенкрофт, оказалось так просто... Хозяин будет очень мной доволен.

Она дрожала от восторга – большого, неестественного, как ребенок, сломавший дорогую игрушку. Преподносила убийства как высшее благо, наслаждалась каждым словом. Уверенная, что я долго не протяну, имела неосторожность сказать лишнего.

Имени не довелось узнать, но по описанию, ее хозяин был типичным психопатом с комплексом бога: *«Он видел истинное лицо этого мира – гниль, скрывающуюся под красивыми*

фасадами. Как вы, детектив. Монстр, притворяющийся человеком. И вскоре люди узрят нового Бога. Того, кто освобождает их от страха. От тьмы. От таких, как вы».

– Нового... Бога? – я ехидно усмехнулась, но тут же пожалела. Кровавый кашель сковал легкие, металлический привкус заполнил рот. – Откуда вы, психи, только беретесь...

Спаситель, уничтожение мира, жажда сверхъестественной власти – у больных фанатиков в голове всегда одно и то же. Только каждый подает бред под собственным соусом иллюзий.

Голос превратился в хрип. Дыхание стало поверхностным, прерывистым. Но в глазах все еще горел огонь – не страха, а ярости. Даже умирая, я оставалась хищником.

– *«Но кто он? И почему так важно было заманить именно меня?»* – последняя осознанная мысль растворилась в надвигающейся тьме.

Кристин наклонилась ближе, шепот прозвучал как приговор:

– Скоро все закончится. И начнется новая эра....

###

Мысли путались в тягучем, кислотном тумане – попытки сосредоточиться разбивались о стену боли. Яд растекался по венам ледяным ожогом, превращая каждый вдох в пытку. Легкие сжимались, словно их сдавливали невидимые тиски.

Руки скользили по скомканному покрывалу, не находя опоры – пальцы онемели, превратившись в чужие, непослушные.

Звуки стали странными – приглушенными и одновременно слишком громкими. Каждый стук сердца отдавался в ушах, как удары барабана. Скрип половиц звучал как выстрелы. А голоса – словно доносились из-под воды, искажённые, неестественные.

Холод лип к коже, заставляя мышцы дрожать. Сердце билось неровно – то замирало на долгие секунды, то бешено колотилось, готовое разорваться от напряжения. Во рту горький и отвратительный привкус собственной крови.

– *«Как я могла быть такой предсказуемой... жалкой»* – горечь смешивалась с беспомощностью, разъедая изнутри. Пять веков. Пять чёртовых веков, и я умираю от отравленной крови проститутки. Какая ирония. Катерина будет смеяться. Если узнает. – *«Как позволила себя обмануть?! Века жизни, и попала на такую примитивную приманку»*.

И вдруг – глухой шум снизу. Сперва неразборчивый, потом всё более тревожный: крики, приглушённые удары, топот ботинок. Звук разбивающегося стекла. Женский визг, оборвавшийся на полуслове. Будто войска штурмуют этот рассадник кошмаров.

Секунда. Две и дверь в номер чуть не слетела с петель – деревянная рама треснула, осыпаясь щепками. Замок вылетел, звякнув о противоположную стену.

На пороге возник резкий силуэт на фоне мутного коридорного света. Мужчина. Молодой – не больше двадцати трех. В руке пистолет, дуло еще дымилось. Я попыталась сосредоточиться, но детали расплывались: жёсткая линия губ, сжатых до белой полоски, янтарные глаза. В них пылала настоящая звериная ярость и что-то глубоко личное.

Светлые волосы, коротко стриженные. Шрам над правой бровью – старый, выцветший. Военная выправка, но слишком молод для ветерана. Новобранец? Или сын военного? Лицо казалось знакомым – не само по себе, а чертами. Кого-то он напоминал. Но кого?

В его стойке ощущалась армейская выправка – ноги на ширине плеч, вес равномерно распределен. Шаги тяжёлые, дыхание глубокое, контролируемое. Но руки едва заметно дрожали.

– *«Кто он? Враг? Спаситель? Или новый хищник?»*

Кристин мгновенно сбросила маску соблазнительницы – улыбка исчезла, черты лица заострились. Плечи напряглись, пальцы согнулись, как когти. В глазах – холодный огонь.

– Слишком поздно, мальчик, – голос стал низким, опасным. – Добыча уже в моих руках.

Он не ответил – стиснул зубы, скулы напряглись. Кулак сжал рукоять пистолета, суставы побелели. Дыхание участилось – короткие, рваные вдохи. Щелчок. Выстрел. В воздухе повис резкий запах пороха, смешанный с металлическим привкусом страха.

Ваза рассыпалась хрустальным дождем – осколки звенели о пол. Пуля прошла мимо цели, в жалких сантиметрах, оставила Кристин лишь алую царапину на щеке.

– *«Он слишком зол. Стреляет сгоряча. Эмоции мешают...».*

Кристин двинулась – нечеловечески быстро, плавно, словно танцуя смертельный танец. Каждое движение рассчитано. Миг – она рядом с ним. Удар ребром ладони по запястью, – болезненный, точный – там, где бился теплый пульс. Воздух рассекся. Кость хрустнула.

– А-а-а! – молодой мужчина вскрикнул от боли, лицо исказилось. Оружие вылетело из онемевших пальцев, с грохотом упало, откатилось в угол. Он схватился за запястье. Попытка развернуться. Удар ногой.

– Медленно, – Кристин отступила на шаг назад. Дыхание ровное, пульс спокойный. Голос звучал с ледяным превосходством. – И неуклюже. Тебя вообще учили драться? Или только по мишеням стрелять?

Сквозь пелену я видела, как незнакомец дернулся – слова задела за живое. Щеки покраснели от унижения. Рука метнулась за спину, выхватила кинжал – клинок прочертил серебряную дугу, целясь в сердце. Рванулся вперед, яростно, прямолинейно, агрессивно. Опыт был, но эмоции затмевали рассудок.

Кристин отклонилась на сантиметр – лезвие просвистело мимо, разрезав воздух. Контратака. Удар. Ее ногти полос-

нули по плечу, разорвав ткань плаща. Материал пропитался кровью – темные пятна расползались по ткани.

– Ах! – он зашипел от боли, но не отступил.

– Первая кровь моя, мальчик, – ехидно произнесла она, слизывая ее с кончиков пальцев. – Сладкая. Молодая. Сколько тебе? Двадцать? Юнец.

– Молчи! – голос сорвался от ярости. Он развернулся, нанес рубящий удар сверху. Мышцы напряглись, вены на шее вздулись.

Кристин увернулась. Инерция заставила его сделать лишний шаг. Момент дисбаланса. Она ударила ногой в колено – не сильно, но точно. Связка хрустнула.

– Черт! – незнакомец пошатнулся, но устоял. Лицо побледнело от боли. Ярость ослепляла. Вместо того чтобы восстановить стойку, он снова атаковал – широкий размашистый удар слева направо.

– *«Он теряет контроль. А она это использует...»*

Кристин присела, пропустила клинок над головой – прядь волос упала на пол, срезанная острием. Пружинистый рывок вверх – локоть в солнечное сплетение. Воздух вышел из легких молодого воина с хрипом, он согнулся пополам.

– Аг-х... – звук вырвался против воли.

– Слишком горяч, – усмехнулась. – Не годишься в охотники. Слишком мало мозгов.

Она играла с ним, как лев с мышью. Уклонялась, провоцировала, наносила точечные удары, выводила из равнове-

сия. Каждый промах делал его более яростным, менее осторожным.

Стеклянный столик разлетелся под ударом его кулака. Костяшки содрались, кровь капала на осколки. Торшер рухнул, искры посыпались дождем. Лампочка взорвалась, сделав комнату более зловещей.

– Стой на месте! – заорал он, размахивая клинком.

Он рвал и метал, а она танцевала вокруг него, как балерина над бездной. Каждое её движение было отточено. Его – хаотичны, расточительны.

Очередной выпад. Замахнулся клинком, вложил в удар всю силу. Но слишком широко, предсказуемо. Кристин легко уклонилась, контратаковала – ногти полоснули по ребрам, оставив кровавые борозды на темной футболке.

– Г-х! – он болезненно вскрикнул. Отступил, прижал руку к ране. Кровь – тёплая, липкая – просачивалась сквозь пальцы.

– Урок первый, – произнесла она почти ласково, словно учительница. – Гнев – плохой советчик. Делает из воина мясника. А из мясника – жертву.

Зрение расплывалось. Перед моими глазами мелькали только движущиеся тени – одна быстрая, грациозная, другая грубая, но упорная. Звуки схватки – приглушенные, искаженные – доносились как сквозь болото.

– Неуклюжий щенок, – продолжала Кристин, легко уклоняясь от очередного удара. – Хозяин не потрудился надрес-

сировать? Или это лучшее, что он смог найти?

Его самоконтроль рухнул. Он бросился вперед с удвоенной яростью – без техники, на чистом отчаянии. Ошибка. Она использовала его импульс. Подножка, дернула за плащ. Незнакомец врезался в стену плечом – штукатурка осыпалась, оставив трещину.

– А-а-ах! – вскрик эхом отразился от стен.

– Ой-ой-ой, – притворно-сочувственно цокнула языком. – Больно? А я думала, такие крепкие мальчишки не плачут. Или мамочка не научила, как правильно падать?

Слух подводил – звуки становились далекими. Голоса звучали приглушенно, слова сливались в неразборчивый гул. Но презрение в тоне Кристин пробивалось сквозь пелену яда.

– И зачем тебя только послали? – она отступила к окну, оценивая дистанцию до выхода. – Настоящие мужчины закончились? Остались только такие... жалкие недоразумения?

Незнакомец поднялся, опираясь на стену. Кровь капала из носа, губа разбита. Но в янтарных глазах – горела ярость.

– Я... тебя убью... – прохрипел он, сжимая кинжал.

– Мило, – рассмеялась она. – Но сначала научись держать оружие.

Сознание почти полностью погрузилось в темноту. И вдруг – точные, дисциплинированные – шаги в коридоре. Голоса – мужские, профессиональные. Команды отдавались

коротко, четко.

- Третий этаж зачищен!
- Второй под контролем!
- ...где целевая?

В дверном проеме появились фигуры в тактической экипировке – пять человек, движения синхронные, отточенные. Не полиция, не армия, не спецназ – форма похожа, но детали отличались. Темные комбинезоны, нашивки с символами, которые трудно разглядеть в полумраке. Оружие нестандартных моделей.

– *«Частная военная компания? Или что-то еще? Кто они такие?»*

Старший – мужчина лет сорока с седыми висками – окинул комнату профессиональным взглядом. Лицо каменное, глаза серые, как зимнее небо. Шрам через левую щеку – от виска до подбородка, неровный, словно от осколка. Руки покрыты мелкими шрамами – десятилетия боевого опыта.

Он двигался экономно, без лишних жестов. Каждое движение просчитано, эффективно. Настоящий профессионал. Не горячий юнец – хладнокровный убийца. Опаснее любого фанатика.

– Опоздали, – констатировал тихо. Голос ровный, без эмоций. Словно комментировал погоду, а не провал операции. – Альберт, отчет.

Молодой мужчина – видимо, тот самый Альберт – вытер кровь с губы, тяжело дыша:

– Цель... почти нейтрализована. Но эта тварь... – кивнул на Кристин, – ушла в защиту. Играет со мной.

– Не играет, – поправил старший. – Изучает. Ищет слабости.

Кристин оценила ситуацию за секунду. Взгляд метнулся к окну, потом к молодому парню, затем к группе. Она просчитывала варианты, как шахматист перед решающим ходом.

– Пять против одной, – улыбнулась, но в глазах читалось напряжение. – Нечестно...

– Честность – роскошь, которую ты не можешь позволить, – ответил старший, поднимая оружие. – Сдавайся. Или мы закончим это здесь.

– Сдаться? – она рассмеялась. – Но я еще не закончила урок для вашего... щенка.

– Щенок? – голос Альберта сорвался. – Я покажу тебе, кто здесь щенок!

– Альберт, стой! – рявкнул старший. – Не поддавайся на провокации!

Поздно. Кристин кинула на молодого мужчину последний взгляд, полный презрения:

– Прощай, щенок. Поучись владеть собой, прежде чем идти на охоту. И передай своему хозяину – пусть дрессирует как следует.

Рывок к окну – движение настолько быстрое, что показалось размытым. Кристин ударила локтем по стеклу – звон разбивающегося стекла. Прыгнула в проем.

Альберт бросился следом, но опоздал – эмоции снова подвели. Протянул руку, пальцы сомкнулись на пустоте. Крик сорвался с губ – животный, полный отчаяния.

– Стой! – заорал, но она уже исчезла во тьме. Третий этаж. Для смертного – опасный прыжок. Для неё – детская забава. – Черт... Проклятье... Я почти поймал ее! – голос дрожал от бессильной ярости. Кулаком ударил по стене. Штука-турка осыпалась.

– Почти не считается, – сухо ответил старший. – Ты дал эмоциям взять верх. Снова.

– Но я...

– Ты подвел команду, – голос стал жестче. – И едва не погубил цель.

Теряя сознание, я видела, как Альберт опустился на колени рядом со мной. В янтарных глазах – вина и бешенство. Он проверил мой пульс. Прикосновение было осторожным, почти нежным.

– Капитан, – обратился к старшему, – она еще жива. Но пульс слабый. Зрачки расширены. Похоже на нейротоксин.

– Время на транспортировку? – спросил он. Тон остался ровным, деловым, будто я груз. Ценный, но груз.

– Две минуты до машины, – ответил тот. – Но в таком состоянии она может не дожить.

– Должна, – жестко сказал капитан. Впервые в голосе прозвучали эмоции – стальная решимость. – Слишком много времени потратили, чтобы ее найти.

Альберт наклонился ко мне:

– Держись... – голос звучал издалека, словно из другого мира. Но в нём читалась клятва – личная, кровная. И что-то в интонации... боль. Старая боль, не зажившая рана. – Это еще не конец.

– *«Кто он такой? Почему так важно меня спасти? И почему, когда он говорит, я слышу... эхо? Словно кто-то другой произносит те же слова. Давно. Очень давно».*

Последнее, что запомнила – склонившееся надо мной обеспокоенное лицо с янтарными глазами. Лицо, которое в тумане яда показалось другим – старше, мудрее. Или я уже бредила? И запах – знакомый, но неуловимый. Запах, который я где-то уже чувствовала... А затем тьма поглотила все.

###

Вокруг клубилась тьма – не пустота, – живая субстанция, что вползала в легкие вязким дегтем, сдавливала ребра стальными обручами. Я шла, словно сквозь чужое дыхание, но ни шагов, ни биения сердца, ни даже собственных мыслей.

И вдруг...

– Ерсель... – шепот разорвал мрак, как ржавый нож – гниющую кожу. Эхо отразилось от невидимых стен, множась и искажаясь, превращаясь в хор умирающих. Голос был знаком – как последний вздох, который помнишь всю жизнь.

Я застыла. Мышцы окаменели от ужаса. Холод невидимой ладони на плече обжог кожу сквозь одежду – прикосновение было реальным, осязаемым, неправильным. Кровь в висках стучала так громко, что заглушала все остальное, каждый удар отдавался болью в черепе. Медленно, с усилием обернулась.

Мир перед глазами треснул. Ночной город возник как видение безумного художника – искаженный, просочившийся сквозь реальность. Вена. Но... не настоящая. Искажённая. Словно кто-то взял ее из моей памяти и превратил в ад.

Туман поднимался не снизу, а сочился из трещин в асфальте, пропитанный запахом формалина и сладковатой гнили разложения. Сотни окон мигали в унисон – не светом, а чем-то... красным, липким, что стекало по стеклу тонкими струйками, оставляя кровавые потеки.

Я узнала улицу – Фаворштрассе. Та самая, где нашли первую жертву. Но здания... они были сложены не из кирпича. Из костей. Человеческих костей, скреплённых засохшей кровью.

Звук машин доносился искаженный – как предсмертные хрипы, замедленные в тысячу раз. Лица прохожих... их не было. Только пустые силуэты с провалами вместо глаз, что поворачивались следом за каждым моим движением как механические куклы.

– «Это не может быть реальность. Чужой, безликий кошмар... Место куда приходят умирать сны? Или это и

есть преисподняя?»

Я шла вперед против воли, сквозь ночной неон – буквы не просто соскальзывали – истекали кровью, оставляя алые потеки на стенах, превращаясь в язык забытых проклятий. Асфальт под ногами был мягким, пружинистым – как пульсирующая плоть.

Впереди, словно портал в иное измерение материализовалось кафе – единственное светлое место в этом ледяном и безликом театре теней. Я остановилась перед входом. Дверная ручка была не просто теплой – она пульсировала, как артерия. Под пальцами чувствовался слабый пульс.

– *«Живая. Всё здесь живое. Или...»* – желудок свело от тошноты – *«...притворяется живым. Это ловушка. Очевидная ловушка. Но выбора нет».*

Внутри царил иллюзия больного уюта. Свет мерцал с частотой сердцебиения умирающего – неровно, прерывисто, с паузами, заставляя напрягаться в ожидании следующей вспышки. Стены не просто пульсировали – на них проступали венозные сетки, темно-синие под желтоватой кожей. Пол под ногами был мягким, упругим. При каждом шаге из-под досок доносился тихий стон, словно ступала по живому телу.

Запах кофе смешался с ароматом крови – не свежей, застоявшейся, сладковатой, той, что остается в морге после долгих вскрытий.

За дальним столиком у окна сидел мужчина в строгом костюме. На соседнем стуле лежали плащ и шляпа – аккурат-

но, будто их только что сняли.

– Задерживаешься, Эл.

Голос. Тревожно-знакомый, как далекое эхо, забытое за десятилетия. Низкий, бархатистый, с едва заметной хрипотцой – точно такой, каким помнила.

Я медленно подошла ближе, чувствуя, как каждый шаг отдается дрожью в коленях. Он поднял голову. Лицо – знакомое, но глаза... В них отражались образы, которых не должно существовать – горящие здания, кричащие лица, реки крови. Зрачки расширились до неестественных размеров, поглощая радужку.

– Присаживайся, – он указал на свободное место. Голос болью отдавался в костях. Каждый слог царапал по нервам – Нам нужно поговорить.

Я застыла, не решаясь принять приглашение. Взгляд медленно скользил по знакомым очертаниям: немного острые скулы, широкие плечи, гордый подбородок. Все те же черты, но что-то было не так.

Алексей. Но не тот, которого помнила. Кожа была мертвенно-бледной, с едва заметным серым оттенком. Он улыбался, но в уголках рта я заметила что-то темное, похожее на багровые кровоподтеки. Грудь не поднималась. Ноздри не расширялись. Воздух вокруг него не двигался – будто он был – искусной восковой фигурой.

Дыхание сбилось, руки предательски тряслись. Тревога все сильнее сжимала грудь железными тисками. Разум кри-

чал:

– *«Это место нереально. Это кошмар!»*

Хотелось бежать, но прошлые раны не давали сделать шаг – как невидимые цепи, что держат привязанной к этому мертвому месту.

Я заставила себя отодвинуть стул. Металл был теплым, мягким, с медленным пульсом под ладонями. Руки задрожали так сильно, что пришлось сжать их в кулаки.

– Алексей... – начала, но он поднял руку.

– Тише, – прошептал. Улыбнулся, но зубы... Они были не на своих местах. Клыки там, где должны быть резцы. Коренные – острые, как бритва, с темными пятнами у основания. – У нас мало времени...

Сердце пропустило несколько ударов, затем забилось чаще. Плечи болезненно напряглись, мышцы готовились защищаться или бежать. Мысли лихорадочно сменяли друг друга:

– *«Что происходит? Это ад? Я... мертва?»*

– Нет, – словно услышав их, произнес Алексей. Голос звучал одновременно далеко и близко, будто доносился из глубокого колодца. – Это не ад. И ты жива. Но действовать нужно быстро.

Время словно замерло. Даже тени на полу от ламп остановились в неестественных позах. Звуки с улицы исчезли – не затихли, – их словно стерли, как кривой штрих. Шум машин. Голоса. Даже гул вентиляции. Осталась только – живая, давящая, полная скрытых угроз – тишина.

На секунду неон за окном вспыхнул ярче, и я увидела то, что скрывал туман. Улицы были завалены – телами. Сотни, тысячи. Они шевелились, медленно, как черви в гниющем мясе. И все – до единого – поворачивали головы в нашу сторону. Пустые глазницы смотрели прямо на меня.

Тишина стала осязаемой, давила на барабанные перепонки. Я почувствовала, как собственные ногти впились в ладони до крови – последний якорь, чтобы не закричать от ледяного страха, что ползал по позвоночнику. Заставила себя оглянуться – кафе по-прежнему пустовало. Мы были одни. Или так казалось?

– Полагаю... – посмотрела на Алексея, чувствуя, как клыки царапают десны, – у меня нет выбора?

– Нет, – он кивнул, и я услышала хруст – словно что-то сломалось у него в шее. Звук был влажным, неправильным. – Но я не причиню тебе зла. Я не враг, Эл. Я тот, кто пытается предупредить.

Я напряглась сильнее. Заверения от мертвого друга звучали как издевательство. На собственном опыте знала: мертвые к живым просто так не приходят поболтать. А значит, это либо западня, либо что-то гораздо хуже.

– Тогда зачем эта кошмарная иллюзия? – резко привстала, наклонилась вперед. Клыки обнажились в угрожающем оскале. – Что тебе от меня нужно?!

Голос прозвучал непривычно агрессивно, отразился от стен кафе. Но эхо было странным – искаженным, словно про-

пустили через вату.

– Тише, – Алексей отклонился слишком резко, как марионетка на невидимых нитях. Поднял руки в жесте капитуляции. Но когда двигался, тени запаздывали на секунду, создавая эффект раздвоения. – Послушай внимательно: убийства – лишь начало. Маньяк – не просто убийца. Он палач, одержимый мстью. Скрывается за чужой маской, играет чужую роль. А преступления – спектакль, призванный одурачить тех, кто притворяется спасителем. Антон – твоя единственная нить, но она скоро оборвется.

– *«Маска... Он сказал маска. Кто-то притворяется. Кто? Кристина была не той, за кого себя выдавала. Альберт... нет, он слишком молод. Капитан? Артур? Вальтер?»* – голова раскалывалась от боли, думать в этом месте было мучительно.

Злость растекалась по венам горячей лавой. Убийства как начало? Чужая маска? Спектакль? Все звучало как набор несвязных образов из бредового сна. Не хотелось бродить в пустом лабиринте теней, но необдуманный шаг в мире смерти мог стать роковым.

– Антон? – попыталась усмехнуться, но вышло криво, неубедительно. Губы дрожали. – Причем здесь... он?

– Он знает больше, чем говорит, – то, что скрывалось за образом Алексея, наклонилось через стол. В нос ударил сладкий, тошнотворный запах, как от переспелых фруктов, смешанный с ароматом могильной земли. – Но будь осто-

рожна. Тех, кого ты принимаешь за союзников... они ждут момента, чтобы разорвать тебя на куски. Доверие – роскошь, которую не можешь себе позволить, – его лицо начало меняться. Кожа потемнела, глаза провалились глубже в глазницы. Из трещин в щеках показалось что-то червивое, шевелящееся. – А теперь... – голос стал эхом, – пора показать тебе истину.

Стены кафе начали разрушаться, как карточный домик. Штукатурка осыпалась хлопьями, обнажая истинный пейзаж – город-мясорубку, где здания были сложены из человеческих костей, а улицы вымощены черепами. Небо кровоточило, капли падали на лицо, обжигая кожу, как кислота.

И везде, куда ни посмотри – тысячи тел. Я узнавала лица. Жертвы маньяка – София, Изабель, те, кого нашли в склепе. Но не только. Феликс. Под обломками. Федерико. С разорванным горлом. Все, кого я не спасла. Все, кого подвела.

Одни разлагались заживо, источая сладковатый запах тления. Другие горели синим пламенем, но не сгорали. Третьи смеялись беззвучным смехом, из пустых глазниц текли слезы гноя. И все – все до единого – указывали на меня. Обвиняющими, костлявыми пальцами.

– Добро пожаловать в реальность, – прошептали они хором, голоса сливались в одну какофонию ужаса. – Здесь все, кого ты потеряла. Все, кого предала. Все, кого убила своими руками или своим бездействием.

Я хотела закричать, но из горла вырвался только хрип. Ру-

ки задрожали так сильно, что не могла их контролировать. В груди разрасталась паника – холодная, всепоглощающая, как ледяные пальцы, что сжимают сердце.

– Антон... – прохрипела сквозь пересохшее горло. – Что с Антоном?

– Он уже мертв, – ответили тысячи голосов одновременно. – Умер в ту секунду, когда ты ему поверила. Доверие – это нож в спину, Ерсель. Ты должна остановить то, что грядет! Остановить ад, который уже начался! Останови его, пока не поздно!

Вокруг началось землетрясение. Костяные здания рушились с грохотом, раздавливая оружие тени. Земля тряслась под ногами, трескалась, разверзаясь черными пропастями. Небо треснуло, как яичная скорлупа, и оттуда полилась тьма – густая, вязкая, живая. Она текла, как деготь, поглощая все на своем пути.

– Проснись, Ерсель, – прошептал голос откуда-то из глубины черноты. Он был мягким, почти ласковым – и от этого еще более пугающим. – Проснись, пока не поздно. Пока то, что притворяется твоим другом, не решило поиграть с тобой в... последний раз. Пока тот, кто спас тебя, не понял, что ты – ключ к его собственной гибели...

И мир схлопнулся в точку. Звуки, образы, запахи – все исчезло одновременно, оставив только... пустоту.

###

Теплый утренний свет пробивался сквозь шторы, наполняя комнату мягкой полутьмой – как в старых кинотеатрах перед началом трагедии. За окном слышался приглушенный гул города – отдаленный рокот океана, готовый поглотить все живое.

Очертания медицинской палаты проступали словно сквозь мутное стекло – декорации для фильма ужасов категории «Б». Не хватало только зловещей музыки и санитаря с топором. Светлые стены, призванные успокаивать, но лишь подчеркивающие мертвенность происходящего. Возле дальней – стеклянный шкаф – прозрачный гроб для стерильных инструментов.

Перед глазами все расплывалось. В голове яркими вспышками пронеслись обрывки: разбитое окно, кровь на осколках – алые капли, медленно стекающие по стеклу. Чей-то крик – мой или чужой? Звук терялся в лабиринте памяти.

В воздухе витал слабый запах антисептика, смешанный с лекарственной горечью. Сбоку от кровати тихо пикал монитор, каждый звук резал по нервам – электронное сердце, отсчитывающее время до очередной смерти.

С противоположной стороны сидел Артур. Голова опущена, плечи сгорбились под тяжестью невидимого груза. Руки сжимали подлокотники кресла, костяшки побелели. Мелкие мышцы дергались от напряжения. Дыхание поверхностное, прерывистое.

Он выглядел как человек, который не спал неделю, питаюсь кофе и страхом.

– Эл, пожалуйста... – голос дрогнул, словно натянутая струна, готовая лопнуть. Он сглотнул, горло судорожно дернулось. – Не уходи. Я... – зажмурился, правое веко дрожало от нервного тика. – Я готов на все! Даже если придется отдать тебе всю свою кровь!

– *«Бедный Артур...»* – каждое слово о крови заставляло гореть от предвкушения. – *«Если бы он знал, как соблазнительно это звучит прямо сейчас...»*

– Грех отказываться от таких... щедрых предложений, – я попыталась приподняться, но тело словно сковали раскаленными цепями. Каждое движение отдавалось болью в костях, мышцы горели, как после долгой пытки. Во рту стоял привкус ржавчины и больничного йода. – Но боюсь представить, какие поползут слухи в отделе: «Розенкрофт высасывает жизненные соки из напарников» – звучит как отличный заголовок для бульварной прессы. А если учесть, что это чистая правда... Ирония судьбы в её лучшем проявлении.

Услышав слабый голос, он резко открыл глаза – зрачки расширились, дыхание участилось. Поднял голову слишком быстро, мышцы шеи болезненно напряглись. Увидев привычную ехидную усмешку, лицо озарилось облегчением – как у человека, увидевшего свет в конце туннеля. Вскочил на ноги так резко, что кресло качнулось и поспешил обнять.

– Ай! – от крепких объятий закружилась голова, по телу

прокатилась волна тошноты. Легкие сжались, словно их наполнили кусками льда. Ребра заныли, как после удара кувалдой. – Артур! Больно!

Он замер. Осознание ударило молнией по позвоночнику. Быстро отступил – пальцы дрожали мелкой дрожью, дыхание сбилось еще сильнее.

– Слава Богу! Ты жива! – словно в полубреду опустил-ся обратно в кресло. На лице застыла глупая улыбка облегчения, но руки не переставали дрожать. Глаза блестели от непролитых слез, влага скапливалась в уголках век. – Я так боялся... так рад!

Его восхищение отдалось вспышкой памяти – как молния в темной комнате. Чьи-то руки поднимают меня с холодного пола. Голос, глухой от усилия, шепчет: *«Все будет хорошо»*. Лицо размыто, но глаза... чистый янтарь, горящий в полумраке.

– Сомневаюсь, что это... Его заслуга, – с привычной иронией протянула я, чувствуя, как головокружение понемногу отступает. В рту стоял горький привкус, словно жевала гнилой лимон. – Но полагаю, Тотто... – сделала глубокий вдох. – Мы больше не в Канзасе?²²

– Госпиталь Святого Иоанна, – он слабо улыбнулся, услышав знакомый сарказм. Пальцы нервно постукивали по колену.

²² Отсылка к культовой фразе из «Волшебника страны Оз» (1939), означающая попадание в незнакомую, странную ситуацию (прим. авт.).

– Центральная... больница? – мои брови взметнулись вверх. – Как мило. Положили генерала в общую палату, словно обычного смертного? Ну хоть не в морг – уже прогресс. А не подсказешь, как я тут... оказалась? Не помню, чтобы планировала... визит.

Артур выдержал паузу, глубоко вдохнул, взял себя в руки. Начал рассказывать медленно, осторожно подбирая слова.

После того, как мы разошлись, он, Вальтер и Максимилиан устроились в засаде возле отеля. Вначале все было тихо – мертвая ночная тишина, что давит на барабанные перепонки. Но вдруг – подъехали машины. Из них вышли неизвестные люди в черном, похожие на спецназ.

– Едва они зашли в здание – прозвучал шум борьбы, крики, выстрел, а позже молодой парень вынес тебя на улицу, – голос стал тише, неуверенней, левый глаз дернулся от нервного тика. – Когда мы ринулись на помощь, то были ошеломлены. Ты была без... сознания и пугающе бледная. Как труп, – он сглотнул. – Но незнакомец заверил, что все будет хорошо. А потом... сел в машину и исчез. Просто растворился в темноте.

Я нахмурилась. От объяснений голова шла кругом, мысли путались, как нити в руках безумной ткачихи. Взгляд скользнул к окну, попыталась сосредоточиться, но сказанное звучало как отдаленное эхо.

– *«Молодой... парень? Кто это мог быть?»* – сердце билось неровно, пропуская удары. Перед глазами плыла пустая

пелена из неясных вспышек. – *«И главное – что случилось в том отеле?»*

– Понятно... – с досадой вздохнула, отбросив бесполезные попытки собрать эту замысловатую мозаику. – Долго я здесь нахожусь?

– Четыре дня, – он выпалил быстро, потом осекся, словно боялся произнести цифру вслух.

Мир остановился. Слова ударили в солнечное сплетение, как кастета. Дыхание перехватило, воздух застрял где-то между легкими и шоком. В ушах зазвенело так громко, что монитор рядом показался шепотом ветра.

– Что...? – голос прозвучал чужим, хриплым. Брови взметнулись вверх. – Четыре... дня?

Руки схватились за простыни так сильно, что костяшки побелели. По телу прокатилась волна холода, затем жара. Четыре дня. Четыре проклятых дня пустоты. Что, черт возьми, произошло в том отеле? Какое чудовище способно вырубить генерала на четыре дня?!

– Эл? – Артур испуганно подался вперед, заметив, как мое лицо стало цвета старого мрамора. – Ты в порядке?

Я не ответила. Не могла. В голове проносились обрывки паники:

– *«Что случилось за эти дни? Почему я почти ничего не помню? Что со мной делали? Кто видел меня в таком состоянии?»*

Страх поднимался от живота к груди ледяной волной.

Дыхание участилось до хрипа. По лбу выступил холодный пот. Генералы не теряют сознание на четыре дня от обычной стычки с какой-то проституткой. Что-то пошло очень, очень не так.

– Эл, – Артур протянул дрожащие руки. – Дыши. Медленно. Все хорошо. Ты жива. Ты в безопасности.

Я посмотрела на него, словно видела впервые. В... безопасности? В больнице, полной запаха крови и слабых пульсирующих вен? Пока я едва держусь на ногах и каждый вдох напоминает о голоде? Артур явно плохо понимал значение слова «безопасность».

– Четыре дня... – спросила, ощущая, как дрожат губы. Во рту появился металлический привкус страха. – И ты все время был рядом?

– И Вальтер с Максимилианом, – он кивнул, потирая усталые, покрасневшие глаза. – Аларик хотел поставить охрану, но мы убедили, что справимся сами. Посменно дежурили. Я... – голос сорвался на полуслове. – Я боялся, что ты... не проснешься. Врачи говорили... что твое состояние необъяснимо, – он сжал кулак, потом разжал. Повторил движение несколько раз – навязчивый жест, выдающий нервное напряжение.

– *«Необъяснимо? Конечно. Как объяснить смертным врачам, что произошло с пятисотлетним вампиром? «Простите, доктор, но ваша пациентка – древнее кровосжадное чудовище, которое впало в кому после разговора с... прости-*

туткой. Может, сделаете переливание? Желательно группу АВ, свежую».

Но больше всего поразил Максимилиан. Вальтера понимала – он всегда беспокоился. Но этот нахальный детектив оказывается способен за кого-то переживать? Чудеса и только. Сколько помнила, мы всегда «недолюбливали» друг друга – вежливое название для взаимной ненависти.

– Они здесь?

– Только Вальтер. Пошел за кофе, – он облизнул пересохшие губы. – Максимилиан ушел час назад. Сказал, что вернется позже.

– Ясно, – я попыталась встать, но тело взбунтовалось. Мышцы ног задрожали, как у новорожденного олененка. – Нужно уходить. Немедленно.

– Эл, не надо, – Артур импульсивно покачал головой. Дыхание участилось. – Ты слишком слаба... Пожалуйста, я не могу... не могу тебя потерять.

В его голосе слышалась не просто тревога – ужас. Он боялся потерять единственного человека, который понимал его в этом безумном мире. Трогательно. Почти до слез. Если бы у меня еще оставались слезы после пятисот лет существования. Но я хотела скорее уйти из этого места, где каждый вдох был пыткой. Четыре дня пустоты. Четыре проклятых дня, которые могли изменить все.

Мы вышли из палаты, я опиралась на его плечо. Коридор покачивался, как палуба корабля в шторм. С каждым шагом

состояние ухудшалось: в глазах двоилось, тело била цепенеющая дрожь. Стены казались ближе, чем на самом деле, превращаясь в узкий туннель.

Пол качался под ногами, сердце билось так быстро, что грозило выскочить из груди.

– Эл, – голос Артура дрожал от накопившегося напряжения. – Я же вижу, что тебе плохо! Давай вернемся в палату. Пожалуйста...

– Нельзя, – я покачала головой, борясь с тошнотой и головокружением. – Слишком опасно.

Больница – худшее место для раненого инога: операции день и ночь, ослабленные пациенты с открытыми венами, коридоры, пропитанные запахом свежей крови. Слабость росла с каждой минутой. Голод скоро станет невыносимым. Потеряю контроль – и эти стерильные палаты станут декорациями настоящего фильма ужасов. С настоящими трупами, кровью и чудовищем в главной роли.

Холл первого этажа встретил тревожной пустотой. Слишком тихо для больницы, слишком... безлюдно. У кофейного автомата стоял Вальтер, машинально помешивая пластиковой ложечкой кофе в стаканчике. Увидев нас, замер – лицо исказилось от тревоги. Стаканчик выскользнул из разжавшихся пальцев, кофе разлился по линолеуму темным пятном.

– Фрау... Ерсель... Что... что вы здесь... – голос дрожал от плохо скрываемой паники. – Вы должны быть в палате!

Едва на ногах держитесь!

– Тише, Вальтер... – шепотом ответила я, чувствуя, как последние силы покидают. – Мне нельзя здесь оставаться. Понимаешь? Слишком много крови вокруг.

Но он не сдвинулся с места. Стоял, раскинув руки, бессмысленно упорствовал. Вместе с Артуром они образовали живую стену, уговаривали вернуться в палату. Теряли драгоценное время, когда каждая секунда могла стоить жизни.

И вдруг...

– Ваши товарищи правы, – за спиной раздался спокойный и одновременно ледяной голос, от которого мурашки побежали по коже. – Прислушайтесь к ним. Пока еще не поздно.

Я медленно обернулась, бросила взгляд через плечо. В глубине коридора стоял мужчина – как материализовавшийся из больничных теней. На вид не больше тридцати пяти. Короткие темные волосы аккуратно уложены. На плечах белый халат, под ним атлетичное телосложение. За очками в золотой оправе пронзительный янтарный взгляд – тот самый, что мелькал в обрывках воспоминаний.

– Вы еще кто такой? – с раздражением выпалила, но сердце колотилось от смутного узнавания. Его глаза и голос казались знакомыми, но память упорно отказывалась выдать ответ.

Доктор проигнорировал недовольство, словно несущественную деталь. перевел взгляд – медленно, оценивая – с меня на Вальтера, и Артура, затем обратно.

– Фрау Ерсель. Я вам не враг. Прошу, проследуйте за мной. Я все объясню. У нас мало времени.

Голос звучал ровно, спокойно, с едва заметным акцентом, но что-то в нем подсказывало: этот человек не терпит возражений. Привык к беспрекословному подчинению. Военный? Офицер? Или кто-то похуже? Но подчиняться незнакомцам? Точно не входило в мои планы.

Я проигнорировала «приглашение», демонстративно отвернувшись, оттолкнула Вальтера в сторону. Неуклюжий шаг к выходу. Ноги подгибались, но злость придавала сил.

И вдруг – путь преградили два силуэта, возникших словно из воздуха. Стоящий справа чертами лица и цветом глаз был похож на доктора за спиной, но выглядел младше – лет двадцать два, не больше. Манерой держаться и осанкой напоминал военного или, скорее, наемника. Темно-каштановые волосы слегка взъерошены. На ногах тактические штаны в стиле милитари и потертые берцы. Подтянутый торс обтягивала темная футболка, поверх плеч – черный плащ с золотым узором.

Стоящий рядом смутно напоминал Демиана: высокий рост, крупное телосложение, массивные плечи. Одетый в черную форму, похожую на спецназовскую, он загоразивал собой половину прохода. В его позе читалась готовность к мгновенному действию. Типичный громила. Мозгов – с чайную ложку, мышц – на троих.

– *«Какого черта им нужно? Кто эти люди? И почему*

у меня такое мерзкое ощущение, что они здесь именно за мной?»

Внутри бурным вихрем смешались страх и ярость – два хищника, дерущихся в клетке разума. Я подалась вперед, угрожающе оскалилась, готовая разорвать любого, кто окажется поблизости. Клыки вышли сами, инстинкт выживания взял верх над здравым смыслом.

Артур поспешил ко мне, встал спиной, инстинктивно потянулся к кобуре – жест, отточенный за годы службы. Но путь неожиданно преградил Вальтер. На опыте знал: в таком состоянии я не постесняюсь устроить... кровопролитие.

– Госпожа Ерсель, не делайте этого! – выставил вперед руки, пытаясь успокоить разъяренного зверя. – Пожалуйста, отступите! – в его голубых глазах читалась мольба. – Сейчас вы слишком уязвимы для боя.

В воздухе повисло тяжелое молчание. Я медленно перевела взгляд с него на неизвестных солдат и обратно. Мысленно прокручивала варианты: драться, едва стоя на ногах – самоубийство. Узкий коридор, ближний бой против обученных бойцов. Бежать? Не хватит сил, да и генерал не бежит от каких-то щенков в форме. Оставалось только играть по их правилам, пока не представится шанс разорвать им глотки.

– Хорошо... – процедила сквозь стиснутые зубы, не убивая клыков. – Но если это ловушка – пожалеете, что родились на свет.

Молодой парень кивнул, словно моя угроза была компли-

ментом. Самоуверенный щенок. Посмотрим, как долго продержится эта улыбочка. Развернулся и направился по коридору размеренным шагом. Мы последовали за ним – похоронная процессия в царстве живых мертвецов, где каждый шаг мог стать последним. И где я пока не решила, кто именно окажется в гробу.

###

Ноги подкашивались. Каждый шаг давался с трудом, будто ниже колен мышцы превратились в резину. Боль волнами отдавалась в висках, отбивая один и тот же тревожный ритм.

Вальтер шел рядом, спиной и плечами готовый поймать в момент, когда силы предадут окончательно. Артур озирался по сторонам, взгляд резкий. Два охранника замыкали шествие, оставаясь за спинами – бесшумные, сдержанные – их присутствие ощущалось кожей, как дыхание зимы за дверью. От них тянуло только одним – профессиональной, хладнокровной смертью. Киллеры в белых стенах. Как мило.

– *«Какого черта происходит? Кто эти люди? Куда ведут?»* – каждая мысль стучала в висках вместе с кровью. – *«И почему меня уже тошнит не от слабости, а от предчувствия?»*

Мы подошли к лифту. Металлические створки разъехались с сухим шипением – как пасть змеи. В проеме пахло чем-то кислым. Страхом, потом, больничной химией – кок-

тейль для самоубийц. Внутри царила тягучая тишина, нарушаемая приглушенным гулом механизмов, и моим прерывистым дыханием.

Поездка была короткой, но каждый этаж казался вечностью. Лифт остановился на четвертом. Двери раскрылись, выпуская нас в коридор, который не имел ничего общего с больницей. Ни табличек, ни запаха антисептика. Только серые, чуть шершавые стены, толстый ковер под ногами и ощущение тщательно скрываемых секретов. Место не для обычных пациентов – для тех, о ком никто не должен знать.

У самого конца – еще одна дверь, металлическая, без номера. За ней – конференц-зал. В центре длинный стол, вокруг – ряды одинаковых стульев. На дальней стене – широкий экран, под потолком проектор, мерцающий тусклым свечением. Но что-то было не так. Все слишком стерильно. Чересчур безлично, как операционная для вскрытия не тел, а воспоминаний. Или секретов. Или того, что останется от твоей жизни после допроса.

Доктор прошёл к дальнему торцу, сел за стол. Молодой парень, обращенный в тень, – замер у правого плеча. Богатырь застыл справа, молчаливый, массивный – живой блок-пост.

– Присаживайтесь, – доктор указал рукой – жест спокойный, даже дружелюбный, но в нём скользнула хищная непреклонность. Даже приглашение звучало как отчеканенный приказ.

Я замерла, не решаясь сделать шаг, осталась стоять в проходе. Воздух здесь был тяжелым, холодным, как в морге. В каждом вдохе – привкус металла и чего-то опасного. Инстинкт кричал все громче: «Защищайся или беги!» Но некуда. Клетка уже захлопнулась.

Вальтер, заметив тревогу, осторожно коснулся моей руки. Его ладонь – живая, теплая. Взгляд – тверже, чем привыкла.

– Все хорошо. Я рядом, – губы дрогнули в слабой улыбке. – Я защищу вас.

Трогательно. Смертный защитит генерала, который едва переставляет ноги. Как младенец с деревянным мечом против танковой дивизии.

Тяжелый вдох. Я взяла себя в руки. Шаг за порог. Еще. Выбрала место подальше от хозяина кабинета – стратегическая дистанция, последний оплот контроля. Артур сел с правой стороны, отстукивая тревожный ритм по столешнице. Вальтер остался рядом, опёрся на край, спокоен, но внимателен.

– Позвольте представиться, – ледяное спокойствие в голосе доктора хлестнуло по нервам. – Я Клаус Валенштайн. Это мой сын, Альберт, – кивок в сторону парня. – А мужчина справа – Густав Штайнер.

– *«Валенштайн...»*, – Фамилия ударила эхом по стенкам черепа. Руки задрожали, кулаки инстинктивно сжались, будто напряжение можно было сжечь в ладонях. – *«Высокие посты. Власть на темной стороне города. Тайная организа-*

ция. Их охота – не за обычными иными, не за новообращенными щенками. За такими, как я. Генералы – главный трофей, особая строчка в списке кровавых побед...»

Мир качнулся – или потолок опустился ниже? По спине полз холод, будто провели хирургическим скальпелем. Сердце пропустило удар, а следом бешено заколотилось, болезненно сжав лёгкие.

– Что понадобилось от нас Триумvirату? – пальцы вцепились в подлокотники стула. Адреналин хлынул в кровь, перекрыв слабость. Воздух застрял острым куском стекла где-то между злостью, страхом, и жаждой мести.

Клаус сохранял ледяное спокойствие. Даже в тот момент, когда мои клыки проступили сквозь губы, а в глазах плескалась чистая безумная ярость, его лицо оставалось непроницаемым. Только в уголках губ скользнула усмешка – ученый, разглядывающий редкую аномалию под микроскопом. Или патологоанатома, вскрывающего особенно интересный труп.

– Успокойтесь, фрау Розенкрофт, – голос был мягкий, но терпкий как яд, – Вы в безопасности.

– В безопасности? Вы... издеваетесь?! – злость нахлынула новой волной. Слова давались через силу – горло пересохло, язык стал чужим. Голос сорвался на хрип, но я не собиралась отступать. Даже если умирать – не позволю увидеть свой страх. Генерал умирает стоя. – Ваши фанатики охотятся на нас!

– Эл, тише, – окликнул Артур вполголоса, осторожно ука-

зал на Альберта. – Он спас тебя.

– «Спас?» – слова ударили эхом. Мысли спотыкались друг о друга, реальность плавилась, границы истины размывались, как чернила в воде. – *«Адепт Триумvirата спас... генерала? Новости, достойные конца времени. Следующая будет: дьявол открыл приют для бездомных котят?»*

Я посмотрела на Альберта: он усмехнулся с явной насмешкой – на его лице было написано: *«Какая же ты наивная дура»*.

– Объясните, – голос сорвался, но я вернула себе ледяной тон, – Во что вы меня втянули?

– Не спешите, – Клаус поправил очки, движение медленное, точное. – Вам знакомо название «X-8 Райх»?²³

Ртуть захладела в венах. Нет – замерзла, превратившись в ледяные иглы, впивающиеся в стенки сосудов. Воздух исчез, превратившись в глухой, пронзительный свист в ушах.

– Проект... – голос предательски дрогнул, – Возмездие...

Клаус кивнул, сделал жест Густаву. Тот бесшумно подошел ближе, положил передо мной папку. В ней – пожелтевшие листы приказов, штампы Аненербе, потертые фотографии, свежие полицейские отчеты, лица, искажённые болью и смертью. Кошмары, материализованные на бумаге.

Я в спешке пролистала документы, стараясь не выдавать дрожи в руках. Некоторые листы отзывались эхом по ночам – кошмары прошлого, которые похоронила навсегда. Но ока-

²³ От нем.: «Мечь».

зывается, мертвецы умеют возвращаться...

– Это ничего не доказывает! – со злостью бросила папку на стол, листы рассыпались, как раны на теле. – Проект был уничтожен!

– Кто-то пытается его возродить, – холодно произнес Клаус. Его голос провис в воздухе угрожающей тяжестью. – Мы выяснили, что Маркус и девушка, пытавшаяся убить вас в Фаворитене, подверглись тем же экспериментам, что и солдаты вашего... наставника, – он сделал театральную паузу. – Яд в вашем организме подтверждает опасения. Токсикологический анализ не оставляет сомнений.

– *«Яд? Так вот почему четыре дня... Кристин. Эта стерва отравила меня. Вот почему я едва стою на ногах».*

– Господин Клаус, – Артур осмелился заговорить, – что это за... проект?

– Думаю, – он улыбнулся той самой покровительственной улыбкой, которой хирург травмирует пациента перед анестезией, обещая, что «это не больно» – секунду до того, как вонзить скальпель, – лучше, если ваша напарница расскажет сама, – посмотрел на меня. – Он ведь знает обо всем? Не так ли... фрау Розенкрофт?

Я почувствовала, как губы искривились в угрожающей гримасе. Сволочь. Манипулятор. Садист в белом халате. Самодовольная улыбка на его губах раздражала сильнее каленого железа. Он не просто затягивал петлю, а наслаждался каждым мгновением моей борьбы. Каждым вздохом. Каж-

дой каплей страха.

###

Нацистская Германия – декорация для великой резни, где города превратились в скотобойни, а человеческие маски скрывали звериные морды. Свет прожекторов обнажал вязкую кровь, прилипшую к стенам домов, а победные марши глушились хрипами тех, кто не вписался в порядок новой эпохи.

Идеология смерти просачивалась в щели окон вместе с утренней тенью. Детский смех искажался в крик, молитвы истлевали, превращаясь в доносы, целые кварталы пропитались запахом гниющей кожи и острым металлом. Даже дождь шел по улицам Берлина не как очищение, а расплата – тщетная попытка смыть вину, въевшуюся в булыжники.

Я носила генеральский мундир, знала цену крови и власти, которую давал статус: казни по приказу, без сожаления, без угрызений. Но все самое страшное скрывалось не на улицах, а – лабораториях проекта Возмездие, гнусной и порочной твари рейха, рожденной в недрах Аненербе.

Там из людей лепили монстров, скармливали системе собственных граждан и пленных. Эксперименты над полуживыми становились теми воротами в ад, откуда на улицы выходили создания без души, без воли – только ярость и голод. Они ломали тела и разум ради забавы своих создателей. Ра-

ди «науки». Ради Третьего Рейха.

– Это были... иные? – Артур дрожал, на лице – маска скептицизма. Но за ней прятался страх.

– Хуже, – я отвела взгляд.

Перед глазами мелькали искажённые лица жертв и хищные силуэты. Те, кто ещё недавно клялся защищать дом и страну, теперь стали живыми марионетками ужаса. А офицеры, созданные проектом, позволяли себе бросать вызов даже генералам – тем, кто в мире иных считается неприкасаемым.

– Генералам...? – Артур вскинул бровь. – О чем речь?

– Иные, способные контролировать других, – Клаус говорил отстраненно, будто резал человека без наркоза посреди анатомического театра перед толпой студентов-медиков. – Существа, способные подчинить разум и сделать из боли новую реальность.

– Контролировать... разум? – Артур хмыкнул с кривой ухмылкой, откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. – Ну, конечно. Сначала я узнаю, что мой напарник – пятисотлетний вампир, а теперь есть еще и вампиры-телепаты? Что дальше, оборотни-экстрасенсы? Зомби-медиумы? Может, драконы-астрологи? Где конец этому абсурду?

Вальтер поморщился от сарказма. Клаус же следил за ним с хищным вниманием. Даже в этот момент его взгляд не выдавал ни страха, ни удивления, только научный интерес. Как энтомолог изучает редкую бабочку перед тем, как приколоть её булавкой к планшету.

– Артур... – начала я, пытаюсь смягчить атмосферу, но он перебил.

– Нет, серьезно, Эл. Неделю назад самым странным в моей жизни был вор пончиков из буфета департамента. А теперь я сижу в секретной комнате больницы и слушаю лекции о мистическом контроле сознания – потер переносицу. – Прости, но... это звучит как бред шизофреника. Или сценарий дешевого фильма ужасов. Категории «Б». С плохими актерами и еще худшими спецэффектами. И как это работает?

– К сожалению, – Клаус притворно вздохнул, – мы не знаем точно. Поэтому лучше... продемонстрировать, – он приподнялся, вышел из-за стола. Направился ко мне. Каждый шаг отдавался в груди тревожным колоколом: *«Что он затевает? Какую игру ведет этот мясник?»* – Раз детектив не верит словам, – остановился рядом, пристально посмотрел мне в глаза, – покажем ему на деле, – повернулся вполоборота, кинул взгляд на Артура, словно профессор, продолжающий лекцию. – Генералы контролируют других с помощью «цепей» – ментальных проклятий, связывающих на крови.

– *«Сволочь...»* – промелькнула мысль. – *«Все продумал. Загнал меня в угол, как крысу в лабиринте».*

В груди сжалось от отвращения. Я мгновенно поняла замысел. Клаус играл чужой жизнью, вызвал меня на демонстрацию силы. Хотел получить контроль над Артуром. Если соглашусь, мой напарник увидит во мне... чудовище. Будет бояться. А страх – лучший инструмент контроля. Умно.

Подло. Эффективно.

– Нет, – резко встала, отступила на шаг. – Я не буду участвовать в этом цирке.

– Эл... – Артур впервые смотрел не как партнер, а смертный, стоящий у черты. – Ты действительно можешь... контролировать людей?

– Не хочу и не буду, – покачала головой. – Это не развлечение. Это... проклятие.

– Но если это правда, – он задумался, взгляд стал цепким, – тогда объясняет многое. Как ты угадываешь ложь людей. Как заставляешь говорить свидетелей. Как выбиваешь признания из тех, кто готов молчать до смерти.

Проклятье. Он слишком наблюдательный. Слишком умный. Не осознавая, играл на руку ордену.

– Это доказательство доверия, – вмешался Клаус, усиливая давление и явно наслаждаясь властью, как садист чужой болью. – Сейчас мы союзники и ваш напарник должен понимать, с кем имеет... дело.

Опять. Я оказалась между двух огней. Оба манипулировали мной. Один давил на слабости, другой – играл на близости и доверии, не понимая, насколько опасна правда. Marionетка на двух веревках, дергаемая с разных сторон.

– Артур, – я попыталась отговорить его от «экспериментов», – поверь мне на слово...

– Нет, – он покачал головой, глядя прямо в глаза. – После всего, что произошло, я хочу знать правду. Всю.

Выбора не осталось. Я медленно привстала. Ноги дрожали, словно ступала по высоковольтным проводам. Приблизилась. Каждое движение давалось с трудом – не от слабости, а внутреннего сопротивления. Унижение горькой пилюлей застряло в горле. Генерал, вынужденный плясать под чужую дудку. Хищник, ставший дрессированным зверем в цирке.

– Вы играете с огнем, господин Клаус, – едва заметно улыбнулась, но улыбка больше напоминала оскал. – Никто не смеет мной манипулировать.

– Вы ошибаетесь фрау Ерсель, – его голос звучал серьезно, без намека на провокацию. Он знал, что делает – или наивно хотел в это верить. – Я лишь хочу снизить... дальнейшие риски.

– *«Наивный... Доверчивый идиот»* – шептал внутренний демон. – *«Он хочет ощутить опасность? Хорошо... получит сполна. Пусть узнает, что значит смотреть в глаза смерти».*

– Отец! Нет! – Альберт поддался резко вперед. Кажется, он был единственным, кто понимал весь абсурд и опасность происходящего. Единственным с мозгами в этой комнате.

Клаус даже не обернулся.

– Альберт, выйди, – невозмутимо произнес.

В юном лице метались злость, страх, протест. Он сжал кулаки. Внутри ощущалась отчаянная борьба между долгом и страхом за близкого. Но привязанность – проиграла. Дисциплина победила любовь. Как всегда. Импульсивно повернув-

шись, направился к двери. Хлопнул с силой, демонстративно вышел.

– Ваш сын против, – я проводила его взглядом.

– Он молод и вспыльчив, – Клаус отмахнулся, словно речь шла о школьном проступке. – Продолжайте.

Я неохотно склонилась к его шее. Запах дорогого одеколona смешался с чем-то кислым – тревога, которую тщательно скрывал. Клыки обнажились, коснулись кожи. Он напрягся, но не отстранился.

Кровь – горячая, густая – обжигала горло как расплавленное золото. Первая волна ударила как цунами. Его эмоции хлынули в меня бурным потоком – холодная расчетливость, железная воля. Но под этой броней скрывалось нечто большее. Страх. Глубокий, первобытный, животный перед тем, что не может контролировать. Передо мной.

Сердце гулко застучало в висках, отбивая смертельный ритм. Тело сковала пронзительная боль, но он не издал ни звука. Гордость. Проклятая гордость, что не позволяла ему показать слабость.

Вторая волна накрыла глубже. Я почувствовала его воспоминания – операционные, где спасал жизни, кабинеты, где принимал решения о чужих судьбах, залы, где планировал охоту на таких, как я.

Власть текла по его венам, как наркотик. Он упивался ей, нуждался, как в воздухе. Садист в белом халате. Но было и еще что-то. Глубже. Темнее. Потаенные желания, которые

даже себе не признавал. Любопытство. Болезненное, извращенное любопытство.

Он хотел понять, как мы устроены. Не для науки – для себя. Мы завораживали его, как змея кролика перед удушением.

Обжигающий вкус заставлял забыть обо всем, увлекал в водоворот опасности. Его сущность растворялась во мне – холодная, расчетливая, безжалостная. Мы были похожи. Слишком. Два хищника в одной клетке.

– *«Кlaus – наивный глупец! Доверчивый идиот!»* – шептала ненависть, становясь громче. – *«Используй шанс... Убей его!»* – жажда ударила в мозг, затмевая разум. Каждая клетка кричала – *«Не останавливайся!»* – руки сами собой сжались на его плечах, удерживая. Я чувствовала, как его жизнь утекает в меня, делает сильнее. Его страх становился моим наслаждением. Его боль – экстазом. – *«Еще немного... Еще чуть-чуть... Просто еще глоток...»*

Генералы редко останавливаются. Почти никогда. Контроль – это миф, красивая ложь, которой оправдываем убийства. Сказка для смертных. Когда кровь касается губ, мы теряем человечность. Становимся теми, кем и должны быть – хищниками. Чудовищами. Монстрами из кошмаров.

Но что-то заставило меня замереть. Не жалость. Не совесть. Холодный расчет. Математика выживания. Если он умрет, нас всех перебьют. Альберт, Густав... Я слишком слаба, чтобы сражаться с ними на равных. Слишком истощена,

чтобы победить двух обученных бойцов и защитить Вальтера с Артуром в перекрестном огне.

С нечеловеческим усилием оторвалась. Клаус качнулся, лицо – пугающе бледное, как у покойника. Глаза помутнели, зрачки расширились. Он тяжело дышал, хватая ртом воздух. Пульс на шее бился слишком быстро – сердце пыталось компенсировать потерю крови. Кожа стала холодной, липкой, восковой. Руки дрожали – я взяла больше, чем планировала. Гораздо больше.

Запах его крови все еще витал в воздухе. Сладкий. Манящий. Дразнящий. Каждый вдох был пыткой.

– *«Доверчивый идиот... Стоит так близко»* – демон внутри рвался на свободу, требуя довершить начатое. Закончить. Убить. – *«Один шаг – и все кончено. Минута – и он мертв»*.

Нужно было отвлечься. Срочно. Иначе сорвусь. Иначе убью его прямо здесь, на глазах у всех.

– Господин Клаус, – отошла на шаг, сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогала сосредоточиться. – Я задам два вопроса. На один ответите правдиво, на другой солжете. Выбор за вами.

Он молча кивнул. Движение далось с трудом – голова качалась, как у пьяного.

– Кем вы работаете в госпитале?

– Я... военный хирург и... глава этой... больницы, – голос звучал слабо, но твердо.

Тишина. Он продолжал стоять спокойно, насколько это

было возможно.

– Ничего не произошло, – сухо заметил Артур. Голос звучал как у разочарованного зрителя на уличном шоу фокусника-неудачника. – Или я что-то пропустил?

– Он сказал правду, – выдохнула я с трудом, пытаюсь не броситься вновь к шее Клауса и не разорвать ему горло. – Господин Клаус... – добавила ледяным тоном, – вы убьёте меня, если я откажусь от... союза?

– Нет.

Ложь. Чистая, кристальная ложь. Ментальная цепь стянулась, как стальной ошейник. Он рухнул на колени, дрожащие руки обхватили голову. Рот исказился в беззвучном крике. Глаза расширились от ужаса – настоящего, первобытного, что видят жертвы перед смертью. Вены на висках вздулись, пульсируя черными линиями, как змеи под кожей.

Боль разрывала сознание на части: тысячи раскаленных игл вонзались в мозг одновременно. Каждая мысль сгорала, каждое воспоминание превращалось в пытку. Словно кто-то вливал расплавленный свинец прямо в череп.

Истошный крик вырвался из горла – звук, который не должен издавать человек. Позвоночник выгнулся дугой, готовый переломиться. Мышцы свело судорогой. Пена выступила на губах, смешиваясь с кровью – вот что значит лгать генералу. Вот цена обмана. Вот возмездие.

Артур отшатнулся, лицо побледнело. Вальтер инстинктивно отступил. Даже Густав сжал кулаки. Они все понима-

ли: Клаус умирает. Прямо сейчас. На их глазах. И никто не может остановить это.

Он мучился в агонии. Дыхание прерывистое, хриплое. Тело, ослабленное потерей крови, не выдерживало двойного удара. Сердце билось неровно, пропуская удары.

– *«Пусть кричит! Пусть знает, что значит угрожать мне! Пусть запомнит, что генералы не прощают лжи! Пусть запомнит на всю оставшуюся жизнь – если она у него останется!»*

Я наслаждалась его болью. Каждая секунда мучений была сладка, как мёд. Хотелось растянуть агонию на часы. Дни. Заставить его умолять о смерти. Заставить ползать на коленях. Но...

Необходимо было остановиться. Его сердце билось слишком быстро, потом резко замедлилось. Дыхание стало поверхностным, почти незаметным. Давление критически упало – сочетание потери крови и болевого шока. Еще минута – и он умрет. Здесь. Сейчас. Безвозвратно.

– *«Черт... Слишком сильно. Перестаралась. Его организм уже на пределе. Сердце не выдержит».*

Борьба внутри длилась вечность. Садист во мне требовал продолжения. Жаждал крови, смерти, мести. Но холодный расчет кричал об опасности. О последствиях. О том, что его смерть обернется моей.

Я прислушалась к голосу разума. Глубокий вдох. С усилием воли разорвала связь.

Боль Клауса мгновенно стихла, как выключенный рубильник. Он упал на спину с глухим стуком, потерял сознание. Лицо было мертвенно бледным. Губы посинели, как у утопленника. Из рта сочилась багровая, почти черная кровь. Пульс на шее едва прощупывался – слабый, нитевидный, готовый оборваться.

Густав и Вальтер кинулись на помощь, оказавшись рядом, аккуратно приподняли. Усадили на стул. Густав проверил зрачки, пульс, давление.

– Жив, – констатировал, – но едва. Некритическая потеря крови, болевой шок, возможно микроинсульт от перегрузки. Но выдержит.

– «Жив...» – я сжала губы от разочарования. – «Вот же...»

Мысль прервали – шаги. Альберт. Услышав крики, он влетел в зал. Его глаза метались по комнате, пока не остановились на отце. Увидев его без сознания, в крови, с синюшным лицом покойника, он пришел в бешенство. Ярость вспыхнула в янтарных глазах – та же, что горела во мне минуту назад.

Мгновенно выхватил кинжал из-за пояса, кинулся. Молодой. Горячий. Глупец. Щенок, не знающий своего места. Кидать вызов генералу один на один? Самоубийство. Героическое, но всё равно самоубийство...

###

Альберт двигался как прирожденный убийца. Каждый шаг отточен годами тренировок. Каждое движение – смертельное. Мгновение – и холодное лезвие кинжала пронеслось в сантиметрах от моего горла. Металл оставил призрачный поцелуй на коже.

Я успела уклониться в последний момент и сразу поспешила вернуть «должок». Разворот в пол-оборота – нога с силой ударила его в грудь. Тихий щелчок – ребро треснуло с хрустом сухой ветки, возможно два. Он отлетел назад, с грохотом упал на пол – хриплый кашель разорвал тишину.

Удар должен был вывести его из строя. Но Альберт, преодолевая боль, оперся на дрожащие руки – пальцы побелели от напряжения, костяшки выступили как острые камни. Неуклюже приподнялся, каждый вдох давался с трудом.

– *«Пламя ярости заслоняет слабость и боль...»* – я усмехнулась. – *«Юный идиот. В его возрасте все думают, что бессмертны».*

– Альберт, отступи! – крикнул Густав, голос сорвался от тревоги. – Ты не справишься с ней!

Но предупреждение растворилось в холодном воздухе. Поглощенный гневом, Альберт не замечал ничего – только меня. Лицо исказила мука – соленый привкус крови на губах, в ногах разлилась свинцовая тяжесть. Но янтарные глаза горели решимостью на грани безумия, как угли в пепле.

Он подался вперед, каждый мускул напрягся до предела. Стремительный выпад – острая сталь рассекла воздух со сви-

стом, целясь прямо в сонную артерию. Роковая ошибка.

Травмы взяли свое. Человеческая природа уязвима, слаба – сломанные ребра замедлили движения, боль притупила реакцию, разум затуманился от кровопотери. Движения стали предсказуемы как молитва перед смертью.

Я использовала это. Боковой шаг влево – классический прием уклонения, когда противник уже в броске и не может изменить траекторию. Обманный манёвр. Наши взгляды встретились – он застыл, словно окаменев. В его промелькнуло понимание: *«Игра окончена. Я проиграл»*.

Я оказалась рядом. Резкий захват – перехватила его запястье обеими руками, выкручивая кисть к предплечью. Он простонал, губы побелели. Кинжал выпал из дрожащих пальцев, звякнул об пол. Схватила за ворот плаща – резкий рывок, его ноги оторвались от земли. Сердце заколотилось под ребрами как раненая птица.

– Альберт! – Густав рванулся вперед, лицо исказилось холодной яростью. Мышцы на руках напряглись, готовые к драке. Тень от его массивной фигуры легла на стену. – Отпусти его!

Но Артур молниеносно преградил путь – инстинкт защиты напарника сработал на автомате – широко расставил руки. Плечи напряглись. Но шансы... Рядом с Густавом он выглядел как ребенок рядом с медведем. Глупый, но храбрый.

– Густав, стой! – его голос дрожал, но был твердым. – Если ты сделаешь шаг, она его убьет! – слова сорвались с губ

прежде, чем успел осознать. Память услужливо подкинула момент с Маркусом в департаменте – как я хотела свернуть ему шею одним движением.

– Отойди! – Густав попытался оттолкнуть, но Артур вцепился в его рукав дрожащими пальцами. – Это мой товарищ!

– Именно поэтому не двигайся! – он инстинктивно потянулся к кобуре. Пальцы обхватили рукоять пистолета. Но на лице читалось отчаяние: *«Боже, что я делаю?»*.

Густав замер, кулаки сжались, костяшки побелели. В глазах – бессильная ярость. Жилы на шее вздулись. Он знал: с генералами шутки плохи. Провокации и угрозы лишь подольют масло в огонь безумия.

Но Альберт, в отличие от товарища, оказался менее «сговорчивым».

– Давай! – вцепившись в мое запястье, тщетно старался вырваться. Мышцы напряглись. – Чего ждешь? – злобно оскалился. – Такое чудовище несет только смерть! Ты убила десятки, сотни! Убей еще одного – какая разница?!

Слова отдались болезненной пульсацией в висках, разливаясь по венам как кислота. Ярость вспыхнула в груди красным пожаром.

– Чудовище... – процедила я, обнажив клыки. Воздух в комнате наэлектризовался, готовый взорваться. – Нахальный мальчишка... Ты за это заплатишься. Дорого.

Я сжала руку сильнее, ногти впились, прорезав плоть – кровь заструилась тонкими дорожками. Была готова свер-

нуть шею – просто, быстро, достаточно одного рывка. Один поворот. Хруст шейных позвонков. И всё кончено. Тишина. Труп на полу. Еще одна смерть в бесконечном списке. Но вдруг...

– Нет! – раздался крик за спиной. Клаус. – Стойте! Умоляю!

Он опирался на край стола, слабый, но пришел в сознание. Тело дрожало как в лихорадке, дыхание прерывистое, отчаянное. Глаза затуманивала слабость, голос звучал хрипло, натянуто, как веревка над пропастью.

Он просил пощадить сына. Простить опрометчивую выходку. Но слова прозвучали невнятным эхом. Я едва сдерживалась – челюсти сжались, каждый нерв кричал о желании довести дело до конца. Показать на живом, пока еще, примере, что никому не позволю угрожать себе. Что не прощаю оскорблений. Но... слишком опасно кидать вызов Триумвирату. Пока что.

– Вам стоит обучить этого глупого щенка... манерам, – сжала его шею так, что Альберт едва мог дышать. Голос звучал ледяным спокойствием, но в глазах – ярость. – Иначе при следующей встрече сверну ему шею. Медленно. Чтобы успел осознать свою ошибку.

Я неохотно разжала руку. Он с шумом рухнул на пол, схватился за шею – на коже остались красные отметины от пальцев – хриплый кашель разрывал легкие.

Густав воспользовался моментом, поспешил к нему, опу-

стился рядом на колени.

– Ты цел? – голос дрожал от беспокойства.

– Да, – Альберт кивнул, массируя горло.

Я повернулась к столу. Но не пройдя и полметра, ощутила внезапную волну слабости и тяжело рухнула на колени – ноги подкосились. Обхватила голову дрожащими руками, едва не закричала от пронзительной боли.

В черепе словно кипела кислота, каждый нерв горел огнем. Слишком много сил потратила. Истощение после использования ментальной цепи. Яд Кристин, всё еще тлеющий в крови.

– Эл! – Артур бросился ко мне, наконец убрав руку с столета.

Он был готов на все. Опустившись на колени, закатал рукав рубашки, поднес ближе. Пульс в его запястье. Живой. Теплый. Такой близкий. Паутина голубых вен под кожей манила как наркотик.

Жажда сжигала изнутри, каждая клетка кричала:

– *«Один укус. Всего один... Просто отпусти контроль. Почувствуй, как боль отступает...»*, – я зажмурилась, сжала кулаки, отвернулась. – *«Нет. Кто-угодно, но только не Артур. Он не выдержит. Я не остановлюсь. Жажда слишком сильна, контроль слишком хрупок. Слишком опасно, эгоистично...»*

Мысли становились невыносимее, но вдруг...

– Я могу, – внезапно произнес Густав, поднимаясь. Голос

был жестким, но в нем читалось... понимание? – Я выдержу.

Слова прозвучали как насмешка. Я окинула его высокомерным взглядом: выносливый, натренированный, крупный – кровопотерю в пол-литра, а то и больше перенесет как укус комара. И слишком... самоуверенный. Но стать должным врагу? Нет. Это хуже смерти.

– Обойдусь, – голос звучал с ядовитым презрением. С трудом приподнялась. Каждая мышца протестовала. Демон внутри рвался наружу. Но гордость придавала сил. Проклятая, упрямая гордость – единственное, что отличает от безумного зверя. – Мне не нужны подачки от... врага. Я сама о себе позабочусь.

– *«Нужно просто дотерпеть. До машины. До дома. Просто еще немного... Не сорваться. Не показать слабость. Не дать им увидеть, как близко я к грани».*

Артур проводил меня до стола. Густав молча помог Альберту подняться, поддерживая под руку. Вальтер, до этого напряженно наблюдая за происходящим, не отходил от Клауса. Он знал на опыте: в таких ситуациях лучшая тактика – не лезть под горячую руку.

Я села на стул, собралась с мыслями. Взгляд скользнул по Клаусу – тот почти полностью пришел в себя. Цвет лица вернулся. Дыхание выровнялось. Результат многолетних тренировок или очень убедительный вид?

– То, что ты видел – посмотрела на Артура, – цепь лжи. Попадая под её проклятье, жертва обязана говорить только

правду. Ложь причиняет невыносимую боль – мозг разрывается. Тело корчится. Смерть наступает за минуты, если не разорвать связь. Но всё... вышло из-под контроля.

Воспоминания всплыли болезненной волной: эксперименты в подземных лабораториях, австрийские ученые в белых халатах, перепачканных кровью. Профессор Кёхлер и его проклятая сыворотка, наделявшая способностями на грани безумия. Крики подопытных. Запах смерти и формалина.

– Сначала всё шло хорошо – так они говорили в отчетах, – проговорила, чувствуя, как тошнота сжимает горло. – Выжившие после введения препарата становились сильнее, выносливее. Быстрее. Агрессивнее. Их физический потенциал превосходил ожидания. Они могли переносить раны, убивающие обычных солдат, видели в кромешной темноте, слышали чужой пульс.

Вальтер напрягся, словно вновь оказался в том кошмаре. Сердце билось быстро, тревожно. Густав сжал плечо Альберта – тот все еще приходил в себя, дыхание было неровным.

– Но немцы допустили фатальный просчет – использовали смертных, – мой голос стал холоднее. – Яд в сыворотке сводил их с ума. Медленно. Необратимо. Мучительно.

– Сводил с... ума? – Артур сглотнул, горло дернулось. Густав насторожился еще больше, мышцы напряглись.

– Потеря рассудка. Неконтролируемая агрессия. Агония, – каждое слово резало воздух как ржавое лезвие. –

Они разрывали собственную плоть, пытаясь выщарапать яд из вен...

Густав отвернулся к окну. Плечи напряглись. Во взгляде читалось что-то знакомое: отвращение? Страх? Нет. Кровавые воспоминания. Он видел подобное. Знал, о чем я говорю. Не понаслышке. А вот Альберта подробности заставили побледнеть – щенок вспыльчив, храбр, но жесткость не его профиль.

– Но вскоре, из-за вереницы событий: предательств, утечек и случайных совпадений – данные об экспериментах оказались в руках советского правительства, – я замолчала, чувствуя, как образы прошлого сжимают грудь в ледяных тисках. – Сотрудники засекреченного отдела НКВД освободили пленника – генерала Вильгельма. Моего... наставника, – повисла краткая пауза. – В отличие от «коллег по науке», они не стали его принуждать – сделали ставку на добровольное сотрудничество. Умные советские товарищи. Предложили сделку: свобода в обмен на помощь. Вильгельм согласился. Исправили просчет Кёхлера – использовали не смертных, а новообращенных.

– Новообращенных? – Артур выпрямился. Густав обернулся от окна.

– Да, тех, кто потерял право называться... людьми, – слова повисли в воздухе как приговор. – Но никто не может пойти против природы безнаказанно, – мои губы дрогнули в горькой усмешке. – Генералы – чудовища в человеческом обли-

чь. Неуравновешенные. Вспыльчивые. Жестокие. На грани безумия...

Вальтер отвернулся к окну. Его плечи напряглись – старый страх вернулся? Артур неосознанно сжал подлокотники. Густав положил руку на плечо Альберта – защитный жест. И только Клаус сохранял хладнокровие – статуя, с живыми глазами. Ученый до конца. Даже сейчас анализирует. Запоминает. Делает выводы.

Генералы не имеют уважения к чужой жизни. Смертные для них – игрушки. Могут превратить врага в искалеченную марионетку одной мыслью. Причиняют невыносимые муки без прикосновения. Движимые жаждой крови и власти, мучают, предают, убивают по первому импульсу – сосуд ненависти, тьмы и насилия. А с сывороткой эти черты усиливались в сотни раз.

– Хочешь сказать, – Артур глубоко вздохнул, словно собрался шагнуть со скалы в ледяную бездну, – кто-то намерен создать такого... монстра? – голос сорвался. – Это же безумие!

Я беззвучно усмехнулась. Безумие? Да. Но всё было пугающе очевидно. Жертвы, найденные полицией – обескровлены, истерзаны. Между ними почти нет связи. Улики? Пустышки, мусор, отвлекающие внимание. Убийца расчетлив, хладнокровен, методичен. Наслаждается агонией. Оставляет послания. Играет с нами.

– Вильгельм... – в горле встал ком. Даже спустя десятиле-

тия после трагедии, было больно вспоминать о нем. Я винила в случившемся только себя. Не остановила вовремя. Не спасла. Не убила, когда была возможность. Была беспомощной, слабой, трусливой. – Он поддался слепой ярости. Его солдаты сеяли хаос по всему фронту. Ими управляла только ненависть ко всему, что дышит, – посмотрела на разбросанные бумаги. – Нельзя позволить возродить Возмездие. Цена будет слишком высока. Реки крови. Горы трупов.

В воздухе висел запах страха – кислый, удушливый. Вальтер стоял в тревожном молчании – дыхание стало глубоким, руки дрожали. Густав и Альберт не отходили от Клауса, словно защищая от невидимой угрозы.

А я... я хотела верить, что дьявольский проект уничтожен. Но в глубине души понимала – Клаус не лжет. Не после того, что пережил. Жестокие убийства. Появление Маркуса и Кристин с её ироничным оскалом и ядом в крови – вычеркнутый из памяти кошмар. Неизвестный хозяин, держащий за ниточки...

Тени в комнате стали длиннее, словно сама тьма готовилась поглотить всех присутствующих – союзников и врагов, генералов и смертных, охотников и жертв. За окном Вена спала беспокойным сном, не подозревая, какой кошмар готовился пробудиться в её древних переулках. Какая резня начнется, когда проект вернется к жизни.

МРАЧНАЯ ПРАВДА

Опасная встреча с Триумvirатом сорвала замки с ржавого сейфа расследования. Грязные секреты рассыпались, как монеты из прорванного кошелька. Убийств было больше. Намного больше. Столько, что можно было открывать отдельные кладбище с корпоративной скидкой. И каждое новое открытие жгло горло кислым привкусом предательства.

Девушки начали исчезать полгода назад. Молодые. Красивые. С репутацией, покрытой грязью городских улиц – проститутки, наркоманки, «падшие ангелы» с крыльями, обломанными жизнью. Пропадали без предупреждения, словно растворялись в предрассветном тумане.

Власти пожимали плечами – еще одна партия человеческого мяса, перемолотого жерновами городских джунглей. Ещё несколько имён в статистике, по которым никто не будет скучать.

Удобная слепота. Я знала этот механизм наизусть. В каждом городе. В каждой стране. Презрение к «отбросам общества» превращает их в идеальных жертв – невидимых, забытых, ненужных. Одноразовых людей в одноразовом мире.

Вена не исключение. Столица элегантности – город Моцарта, Бетховена, величественных памятников и смертельных тайн – открытка с лицевой стороны, могила с изнанки.

Ее ухоженные парки прячут наркотические сделки, чи-

стые аллеи помнят крики жертв домашнего насилия. Красивые фасады – декорации для уродливых спектаклей человеческой природы. Оперетта на сцене, трагедия за кулисами.

В сером предрассветном тумане красота оборачивается гангреной. Контраст ядовитый – кровь стынет в жилах, а воздух пропитывается запахом разложения под ароматом модных кофеен и парфюмерных бутиков. Пропажа маргиналов волнует власти не больше исчезновения бездомных собак. Коммунальные службы убирают трупы с той же бесстрашностью, с какой подметают осенние листья. Мусор есть мусор – органический или человеческий, какая разница?

Департамент полиции – городские санитары, ежедневно вычищающие гной из самых темных ям человеческой души. Сизифов труд с зарплатой чиновника и пенсией мертвеца. Преступники прячутся в тених, жаждут наживы, контроля, власти. Святая троица пороков, правящая из подземелий. Отец, Сын и Святой Профит.

Маньяк стал новым королем этого мрака. Газеты окрестили его «призраком из прошлого», но он слишком методичен для безликого духа. Призраки не оставляют трупов. Он выслеживает жертв. Преследует. Похищает. Мучит с холодной точностью хирурга – или мясника, что в данном случае одно и то же.

Почерк не оставлял сомнений: молодые девушки, вынужденные торговать телом в районах, где закон измеряется калибром ствола, а справедливость продается по цене пули.

Шаблон повторялся с механической точностью – поздняя ночь, пустые улицы, исчезновение без следа. А потом истерзанные тела с символом на запястье, найденные на окраинах старого города. Сувениры из ада с бесплатной доставкой.

Триумvirат был уверен: убийца – не человек. И старательно замывал кровавые следы, стирая неудобную правду. Профессионалы. Эффективные. Циничные до тошноты. Эти «санитары» прибывали на место преступления как коршуны на падаль – быстро, бесшумно. Свидетели исчезали или меняли показания за горсть монет.

– Идиоты... – слово сорвалось с губ, пропитанное отвращением.

Мой взгляд впился в Клауса. Внутри клокотал гнев – густой, вязкий, как смола, готовая залить всю комнату. Недели потрачены впустую. Месяцы игры в слепых котят, пока они прятали правду под ковёр.

Орден скрывал злодеяния, позволяя извергу наслаждаться безнаказанностью. А затем случилось нечто еще более – странное: два месяца назад отправили отряд, «подчистить» за обнаглевшим психопатом. И солдаты – исчезли.

– Мы не обратили внимания на пропажу, – голос Клауса звучал ровно, но взгляд выдал опасения. – Наша работа... – посмотрел на меня. Легкое презрение скользнуло по его лицу, как тень от пролетевшей птицы-падальщика, – всегда сопряжена с потерями.

– Не придали значения... – я повторила шепотом, прищу-

рившись. – Целый отряд профессионалов растворился в воздухе, а вы пожимаете плечами и идете пить... кофе? Пишете в отчёте «списано в расход» и забываете?

Я с трудом могла поверить в услышанное. Из уст главы самого опасного ордена это звучало как плохо отрететированная ложь. Либо у них катастрофически низкие стандарты, либо бездушные зашкаливают за все мыслимые пределы. Либо – что вероятнее всего – оба варианта одновременно.

После «стандартных потерь» убийства продолжились. Жестокость пугала даже опытных адептов – они шептали одно слово: «*Генерал*». Как заклинание. Как проклятие. Но кошмар только начинался.

Через несколько дней призрачный отряд материализовался на базе. И устроил – резню. Солдаты набросились на товарищей, убивали всех без разбора. Брат на брата. Друг на друга. Выжил только один – первый удар сломал ему позвоночник, он упал неподвижно. Нападавшие решили, что мертвецов не добивают. Повезло калеке – единственный раз в жизни инвалидность спасла жизнь.

– Выживший рассказал... странную историю, – продолжил Густав. Его пальцы барабанили по столу – нервный стук, словно отсчет до взрыва. – Нападавшие не были иными. Но сила и ярость выходили за пределы человеческих. Двигались слишком быстро. Били слишком сильно. Не чувствовали боли.

– Не... иными? – я вскинула бровь. Губы дрогнули в иро-

ничной усмешке. – Обычные смертные решили поиграть в... мясорубку? Устроить корпоратив в стиле «убей коллегу»? Тимбилдинг нового поколения?

История звучала как бред параноика. Пропавший отряд возвращается и устраивает бойню, но оставляет единственного свидетеля. Как удобно для тех, кто придумывал... сказки.

Клаус не оценил сарказм. По его словам, солдаты двигались как марионетки – без страха и сомнений. Выполняли чужую волю с механической точностью автоматов. Стремилась убить максимум товарищей, пока невидимый кукловод дергал за ниточки. А потом...

Выживший клялся: нападавшие вдруг падали на колени, кричали в агонии, захлебывались собственной кровью. Будто внутренний таймер досчитал до нуля.

– Позже мы исследовали тела, – Клаус сделал театральную паузу, изучая наши лица. – Результаты... шокировали даже нас.

– И что вы там откопали? – я ядовито улыбнулась. Все казалось дешевым спектаклем для доверчивых дураков. Заранее спланированным. Глупым. – Неизвестные наркотики? Или... – едва сдержала смешок, – эксперименты пришельцев?

– Немезида и кровь Вильгельма Эссена, – голос Клауса прозвучал как плеть. – Живого.

Мир накренился. Дыхание споткнулось, застряв в горле

колючим комом. Сердце пропустило удар, потом забилося так быстро, что грозило вырваться из груди. Мы с Вальтером окаменели – два манекена, пойманные врасплох кошмарной реальностью.

– Издеваетесь? – вырвалось у меня. Голос прозвучал угрожающе. – Это невозможно!

Заявление противоречило здравому смыслу. Сыворотка Кёхлера была стерта с лица земли – Алый Крест убивал ради этого. Проливал реки крови. Слишком много мертвых гениев, слишком много уничтоженных формул, слишком много сожженных лабораторий.

– Понимаю недоверие, фрау Ерсель, но данные тщательно проверены. Трижды. Разными лабораториями. Результат...

– Ошибаетесь! – я ударила кулаком по столу. Дерево взвыло от удара. Боль прошла костяшки, но ярость жгла сильнее. – Вильгельм мертв! Сыворотка уничтожена!

Я не могла поверить в услышанное. Вильгельм жаждал отомстить миру, стал чудовищем. Но месть – это огонь, пожирающий своих детей. Она сожгла его изнутри, превратила в пепел. Но...

– *«А если он жив?»* – мысль пронзила сознание ледяным клинком. Сомнения грызли мозг, как крысы падаль. – *«Невозможно! Авель и Эско клялись – видели пепел. Уничтожили тело. Самолично. Но кто проверял? Кто был свидетелем? Кто держал урну в руках? А если Клаус говорит правду... Значит, все жертвы... напрасны? Все смерти – пустая*

траты? Мы проиграли войну, даже не зная об этом?»

Сердце пропустило удар. Пол стал зыбким, ноги – ватными. Стены начали сужаться, превращая комнату в гроб. Страх парализовал ледяными щупальцами, а воздух превратился в свинцовый купол на дне океана. Дышать стало невозможно.

Но мозг складывал пугающую мозаику: рассказ Клауса, улики из папки, встреча с... Алексеем. Жуткие видения. Маркус и Кристин с ядом в крови. Всё сходилось. Всё указывало на одно...

Проект Возмездие – восстал из мертвых. Мы потеряли все – родину, близких, товарищей, человечность – ради призрачной победы. А теперь... Жертвы были напрасными? Все мучки, вся кровь, все кошмары – просто отсрочка неизбежного?

Ярость взорвалась внутри, как граната. Я вскочила, схватила стул и швырнула в стену. Грохот разнесся эхом. Дерево расколосось, осколки разлетелись по комнате. Густав инстинктивно прикрыл Альберта. Артур отшатнулся. Вальтер замер, зная: лучше не попадаться на глаза разъяренному генералу.

– Мы полгода гонялись за призраками! Полгода! – крик сорвался с губ. – Пока вы, – посмотрела на Клауса, – манипулировали нами как марионетками?! Скармливали крошки информации, водя за нос, смотрели, как мы барахтаемся в болоте!

Эмоции накатывали волнами – гнев, шок, разочарование,

ярость, отчаяние. Наш враг оказался не сумасшедшим ма-
няком с ножом. Не психопатом-одиночкой. Возможно, не
человеком вовсе. А Клаус... Как хотелось разорвать ему гор-
ло, заставить захлебнуться собственной кровью. Медленно.
Болезненно. С наслаждением. Но...

У медали две стороны. Зная, что Триумvirат охотится на
монстра, я могла больше не притворяться детективом-чело-
веком. Настало время теневых игр и абсолютной власти –
единственный язык, понятный чудовищам.

– Хорошо, – сжала кулаки. Чтобы победить монстра, нуж-
но стать хуже него. – Заключим союз. Но без игр в секрет-
ность. Без манипуляций. Без недоговорённостей. Полная от-
крытость. Полная защита. Полное сотрудничество – или я
найду Вильгельма сама, даже если потребуется открыть вра-
та преисподней.

– Согласен, – Клаус кивнул. В глазах мелькнуло облег-
чение – быстрое, как испуганная мышь. Он боялся отказа.
Боялся, что придётся драться. Умный хирург – знает, когда
скальпель бесполезен. – Триумvirат предоставит все необ-
ходимое – оружие, информацию, прикрытие. И даю слово –
никто из моих людей не причинит вам зла. Пока вы с нами.

Я улыбнулась – холодно, с явной провокацией, – давая по-
нять: не верю ни единому слову. Слово профессионально-
го лжеца стоит столько же, сколько предвыборные обещания
политика – ровным счётом ничего. Но иногда приходится за-
ключать сделки с дьяволом, чтобы поймать нечто худшее...

###

Три дня. Три проклятых дня тишины в городе, который обычно задыхался от крови и страха. Маньяк затаился: ни похищений, ни новых трупов на задворках. Странное затишье перед бурей, когда воздух становится густым и тяжелым, а нервы натягиваются до предела. Когда каждый детектив в департаменте смотрит на телефон и думает: *«Когда? Когда рванёт?»*

Слишком спокойно. Мне это не нравилось. Хищники не останавливаются просто так. Они либо мертвы, либо планируют что-то грандиозное. Судя по всему – второе. Но появился шанс – редкий как затмение – узнать больше о неизвестном хозяине, на которого намекал Маркус и открыто говорила Кристин.

Редакция «Пламенной звезды» стала нашей следующей целью. Скандальная газета, которая раздирала завесы лжи острыми когтями правды. Журналистские питбули, вцепляющиеся в горло власть имущих, освещала то, что другие прятали в подвалах молчания – политические интриги, полицейский произвол, военные преступления.

Читателей у них было много – простые люди жаждали правды, как дозу запрещенного наркотика. Но и врагов хватало в избытке. Особенно в светских кругах, где каждая неосторожная строчка на бумаге могла стоять кому-то репу-

тации, состояния или свободы.

Поздняя осень накрыла Аустеллунг саваном из серых туч. Деловой район дышал промышленной агонией – старые здания, зажатые между офисными гигантами из стекла и металла, корчились в предсмертных судорогах. Мокрые листья – желтые, бурые, черные как смоль – прилипали к асфальту. Шуршали под ногами, превращаясь в скользкую кашу разложения.

Ветер гнал по пустынным тротуарам пыль и обрывки газет – городская перхоть на коже умирающего мегаполиса. Вена линияла, как змея, сбрасывающая старую кожу – идеальные декорации для мертвых историй. Или для новых убийств.

Время близилось к вечеру, и большинство офисов уже закрылись. Окна гасли одно за другим, как глаза покойников, которым закрывают веки. В редких светящихся прямоугольниках мелькали силуэты – последние работяги, цепляющиеся за иллюзию нормальности. Или трудоголики, не понимающие, что работа не спасёт от смерти.

Здание «Пламенной звезды» выделялось среди соседей как надгробие из черного мрамора. Двухэтажный центр из стекла и металла – минимализм, доведенный до абсолюта. Фасад облицован темно-серым композитом, в пасмурную погоду казавшимся чернее ночи. Панорамные окна отражали серое небо, создавая иллюзию бесконечной пустоты.

Архитектура нарочито проста – четкие линии, холодная элегантность. Автоматические двери с матовым напылени-

ем разошлись беззвучно, как челюсти хищника. Металлическая табличка с арендаторами висела криво – IT-компания, юридическая контора, мелкие фирмы. Имена на медных пластинках, как эпитафии на могильных плитах.

Внутри – стерильная современность, от которой сводило зубы. Просторный холл с мраморным полом холодил через подошвы. Стеклоперила отражали светодиодные панели, создавая ощущение нахождения внутри ледяного кристалла. Или морозильной камеры для трупов. Белые, серые, бежевые стены – нейтральные тона моргов и больничных палат.

Второй этаж встретил мертвой тишиной. Длинный коридор с серым ковровым покрытием тянулся как тоннель в небытие. Воздух пах новой мебелью, кондиционером и химической стерильностью – аромат капитализма – дорогой, искусственный, пустой.

Большинство офисов пустовали. Кризис в медиаиндустрии выгнал арендаторов, как чума жителей из зараженного города. «Пламенная звезда» цеплялась за дальний конец коридора – три кабинета и переговорная. Возле дальнего офиса висела табличка:

«А. ВАЙС»

Между кабинетом журналиста и остальными помещениями зияли пустующие офисы – буферная зона. Толстые сте-

ны, звукоизоляция, ковровое покрытие превращали это место в идеальную ловушку. Удобно для тех, кто не хочет свидетелей своих дел. Или своих убийств.

– Большинство сотрудников работают удаленно, – пробормотал Вальтер, изучая план эвакуации на стене. Голос звучал приглушенно в стерильной тишине. – В здании обычно только редактор, корректор...

– И сегодня Антон остался один, – закончила я. Холодок пробежал по позвоночнику. – Плохая примета. Очень плохая. Одиноким людям в пустых зданиях редко доживают до конца детективных романов.

Я постучалась в дверь. Звук ушел в пустоту. Еще раз. И еще. Тишина давила на барабанные перепонки, пульс участился, отбивая тревожный ритм под ребрами. Сердце знало то, что разум ещё не хотел признавать – мы опоздали.

– Может, стоит прийти позже? – Вальтер нахмурился, понизил голос. – Возможно, он уже ушел?

– Возможно, – я потянулась к ручке. Металл был ледяным под пальцами. Интуиция не подвела – дверь взломана. – Или нет.

Современный офис превратился в эпицентр катастрофы. Дневной свет сквозь разбитое окно безжалостно освещал каждую деталь хаоса. Никаких теней. Никакого милосердия. Просто голая правда насилия.

Стеклянные осколки хрустели под ногами, как кости раздавленного скелета. Желудок сжался в холодный узел. Запах

крови въедался в ноздри – металлический, сладковатый, отвратительно знакомый.

Широкий стеклянный стол лежал опрокинутый у окна. Закаленное стекло покрылось паутиной трещин, но устояло – как разбитые мечты, которые все еще держатся из последних сил.

Ноутбук валялся раскрытый на боку, алюминиевый корпус помят, экран превратился в узор ярких линий – современное искусство насилия. Рядом – монитор в тридцать дюймов разбитых пикселей. Дорогая игрушка, ставшая дорогим мусором.

Беспроводная клавиатура раскололась пополам, белые клавиши разбросаны по полу как выбитые зубы.

На полу валялись два внешних жестких диска. Металлические корпуса деформированы с хирургической точностью – кто-то знал, где бить. Профессионал. Или очень злой любитель. Один еще дымился – терабайты информации превращались в груды мертвого металла.

Профессиональная камера с разбитым объективом лежала в луже крови. Липкая, темная, она растекалась по белой плитке причудливыми узорами. Рядом – раздавленный диктофон, USB-кабели, зарядные устройства – вся цифровая паутина современной жизни перепуталась в агонии электронной смерти. Некролог информационной эпохи.

– Похоже... кто-то нас опередил, – я достала перчатки из кармана. Руки едва заметно дрожали – не от страха, а злости.

Мы опоздали. Снова. Всегда на шаг позади. – Тут хаос.

– Профессиональная работа, – согласился Вальтер, осторожно переступая через обломки. Мышцы на его плечах напряглись, как у кота, готового к прыжку. Руки инстинктивно потянулись к кобуре. – Знали, что ломать. И зачем. Это не вандализм – а зачистка. Методичная, профессиональная, безжалостная.

На стене висела интерактивная доска для планирования материалов. Белая поверхность была исчерчена красным – не маркером. Хаотичные линии говорили о том, что кто-то пытался что-то написать в последние секунды жизни. Предсмертное послание? Предупреждение? Но не успел. Или не дали.

Офисный принтер лежал на боку, из него вывалились листы с недопечатанными статьями. Черные буквы плыли в красных пятнах.

– Боже... – Артур поднял один из листов. Горло дернулось. – Здесь статья о военных преступлениях в Сирии.

– Была статья, – поправила я, стараясь держать голос ровно. Но внутри что-то холодное сжалось в комок. Правда умирает так же легко, как люди. – Теперь макулатура.

Умный динамик на подоконнике молчал, но синий индикатор все еще мигал – цифровой призрак, пытающийся что-то сказать из мира мертвой электроники.

Дорогая кофемашина лежала на боку, остатки эспрессо смешались с грязными следами на белой плитке.

– Кофе еще теплый, – констатировал Вальтер, не касаясь лужи. Ноздри дернулись – запах кофеина смешался с металлическим привкусом крови, создавая тошнотворный коктейль. – Кто-то был здесь совсем недавно.

– *«Может, еще здесь»* – мысль заставила каждый мускул напрячься. Я прислушалась к тишине.

На полу валялись флешки и карты памяти. Некоторые сломаны, другие расплавлены – кто-то методично зачищал информационные следы. Профессионально. Без спешки. Без лишних эмоций.

– Здесь поработали не торопясь, – Артур поднял обломок диска. Металл был теплым – еще одно свидетельство того, что мы опоздали всего на несколько минут. Возможно, на пять. Возможно, на три. Возможно, убийца ещё в здании. – Это не взрыв ярости. Планомерное уничтожение, – он потянулся к телефону. – Позвоню Максимилиану. Он просил сообщить, если что-то найдем.

Дневной свет безжалостно освещал весь технологический кошмар. Мертвые экраны, сломанные процессоры, разорванные кабели – цифровая Голгофа.

– Действуй, – я подошла к разбитому окну, выглянула наружу. Внизу – небольшая парковка, покрытая мокрыми листьями. И кровавый след – свежий, еще не успевший высохнуть. Красная дорожка, ведущая... куда? К машине? К канализации? К следующей жертве? Расстояние до земли – метра три, не больше. Для обычного человека – опасная высота.

Для меня – просто неудобство. Для напарника – повод для сердечного приступа. – И пусть захватит Мина, – схватилась за раму и перекинула ногу через подоконник, – Не хочется упустить важные улики.

– Хорошо, – он хотел набрать номер, но заметив странность, резко остановился. – Эл...? – наклонил слегка голову набок. В глазах читался вопрос – и ужас. – Ты что, собралась... прыгать?

– Успокойся, – я усмехнулась, наслаждаясь его реакцией. – Это всего-то второй этаж. Детская забава. Видела бы ты, как я спрыгивала с крыш в XVI веке – вот где был адреналин.

Смертные. Такие хрупкие, предсказуемые, легко ломающиеся. Их страхи забавляли – боятся высоты в три метра, будто это пропасть. Боятся темноты, будто там прячется монстр. Хотя монстр стоит рядом с ними, усмехаясь.

Прежде чем он успел возразить, я уже была внизу. Мокрые листья приглушили звук приземления, а в коленях почувствовалась лишь легкая вибрация – как от прыжка со ступеньки.

– С ума сошла?! – голос Артура дрожал между яростью и паникой. Он высунулся из окна, лицо бледное даже в дневном свете. На секунду показалось, что он готов последовать за мной – героизм смертных трогателен до идиотизма, но Вальтер вовремя схватил его за ворот плаща. – Жить надоело?! Или решила проверить, как быстро я поседею?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.